ИНСТИТУТ ЛЕНИНА
БИБЛИОТЕКА
Е Н 171
Н 951

EH171
H951

Л. ТРОЦКИЙ

НОВЫЙ ЭТАП

МИРОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ
— И НАШИ ЗАДАЧИ —

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1921

Рис. М. Михайлов

РОССИЙСКАЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ ФЕДЕРАТИВНАЯ СОВЕТСКАЯ РЕСПУБЛИКА

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЧ 71
Н 951

Л. ТРОЦКИЙ

НОВЫЙ ЭТАП

МИРОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ И НАШИ ЗАДАЧИ

ИЗ КНИГ
СТЕПАНА САВВИЧА
КРИВЦОВА.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1921.

12013

К.

ЕН171
Н951

ИНСТИТУТ В. И. ЛЕНИНА
№ 12120
БИБЛИОТЕКА

(183-1421)

3060/136 с1.

1062876

Гиз. № 2177. (Р. В. Ц. Москва). Напеч. 40.000 экз.

Гиз Объединенная типогр. М. С. Н. Х. Москва, Пятницкая, 71.

СОДЕРЖАНИЕ.

Стр.

Вместо предисловия 5

I. Мировое положение 7

II. Школа революционной стратегии 51

Приложения:

Тезисы 3-го Конгресса о мировом положении и задачах Коммунистического Интернационала 101

Тезисы 3-го Конгресса по вопросу о тактике Коммунистического Интернационала 126

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ.

Эта книга посвящена новому этапу в развитии международной пролетарской революции. Формальными вехами, определяющими новый этап, можно признать неудачу наступления Красной армии на Варшаву (август 1920 г.), крушение могущественного революционного движения итальянского пролетариата в сентябре 1920 г. и движение германских рабочих в марте нынешнего года.

Третий Конгресс Коммунистического Интернационала дал экономическую и политическую оценку наступившего периода и сделал из этой оценки все необходимые тактические выводы.

Первая часть настоящей книги („Мировое положение") заключает в себе попытку общей характеристики мирового положения, как оно сложилось к середине нынешнего года. В основу этой характеристики положен доклад автора на Конгрессе.

Вторая часть („Школа революционной стратегии") излагает тактические уроки Конгресса в связи с общей оценкой его значения.

Вся работа представляет собою две речи автора, произнесенные им на двух собраниях членов Московской организации нашей партии, непосредственно перед Конгрессом и вскоре после него.

Я воспользовался для первой части книги стенограммой не своей речи на Конгрессе—там мне при-

шлось говорить по-немецки, что—увы!—придавало изложению упрощенный, нередко лишь „приблизительный“ характер,—а стенограммой своего русского доклада на ту же тему, который предшествовал Конгрессу. Тех товарищей, которые захотят уделить внимание моему докладу на Конгрессе, я прошу пользоваться текстом настоящей книги, как более точным.

Стенограммы обеих речей, вошедших в настоящую книгу, я просмотрел настолько тщательно, насколько мне позволяло мое время. Но я все же прошу читателей иметь в виду, что они имеют перед собою не книгу в собственном смысле слова, т.-е. не строго систематическое изложение основной мысли, а две записанные и просмотренные автором речи. Я этим, разумеется, ни в малейшей степени не облегчаю своей ответственности за развиваемые в книге мысли. Но я прошу о более снисходительном отношении к форме изложения.

Л. Троцкий.

P. S. Социал-демократические теоретики причисляют меня с похвальной настойчивостью к „левым“ коммунистам. Наши левые друзья по Интернационалу считают меня, кажется, чуть-чуть не скрытым центристом. Я позволяю себя и в том и в другом почерпать тактическое утешение.

Л. Т.

Москва,
19 августа 1921 г.

I. МИРОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ

1917—1921 г.г.

Товарищи! Вопрос, которому будет посвящен мой доклад, очень сложен, и поэтому я опасаюсь, что доклад будет продолжителен. Я должен заранее просить вашего напряженного внимания, тем более, что я не уверен—удалось ли мне привести имеющиеся в моем распоряжении данные в такое состояние, при котором доклад требовал бы наименьшего напряжения внимания со стороны слушателей, т.-е. я не уверен, насколько мне удастся придать своим соображениям по вопросу о международном положении необходимый порядок и необходимую ясность.

Мы вступили со времени империалистской войны в революционную эпоху, т.-е. в ту эпоху, когда расшатаны и обрушиваются самые основы капиталистического равновесия. Равновесие капитализма есть очень сложное явление: капитализм вырабатывает это равновесие, нарушает его, снова восстанавливает и снова нарушает, раздвигая вместе с тем рамки своего владычества. В области экономической такими постоянными нарушениями и восстановлениями равновесия являются кризисы и подъемы. В области отношений между классами нарушение равновесия принимает форму стачек, локаутов, революционной борьбы. В области отношений между государствами нарушение равновесия—это война или—в более слабой форме—таможенная, экономическая война, или блокада. Капитализм имеет таким образом равновесие подвижное, которое всегда либо нарушается, либо восстанавливается. Но в то же время это равновесие имеет большую силу сопротивления, лучшим доказательством чего является тот факт, что капиталистический мир до настоящего времени не [illegible].

Последняя империалистская война была тем событием, которое по праву оценивалось [illegible] тем, как колоссальный, не-

бывалый в истории удар по равновесию капиталистического мира. Действительно, из войны выросла эпоха величайших массовых движений и революционных боев. Россия, слабейшее звено капиталистической цепи, первой оказалась выбита из равновесия и первой вступила на путь революции в 1917 году—в марте. Наша мартовская революция нашла широкий отклик в рабочих массах Англии. 1917 год в Англии—год величайших стачечных боев, в течение которых английскому пролетариату удалось приостановить вызванный войною процесс ухудшения условий существования трудящихся масс. В ноябре 1917 года рабочий класс России берет власть. Стачечная борьба ширится во всем капиталистическом мире, начиная с нейтральных стран. Япония осенью 1918 года переживает полосу могущественных «рисовых» беспорядков, которые вовлекают в свой круг по некоторым данным до 25% населения и вызывают жестокие преследования со стороны правительства микадо. В январе 1918 года—массовая стачка в Германии. В конце 1918 года, после крушения германского милитаризма, происходят революции в Германии и Австро-Венгрии. Революционное движение расширяется. Наступает наиболее критический для капитализма—по крайней мере европейского—1919 год. В марте 1919 года возникает советская республика в Венгрии. В январе и марте 1919 года происходят в Германии жестокие бои революционных рабочих с буржуазной республикой. Во Франции атмосфера в период демобилизации стала напряженной, но иллюзии победы и надежды на ее золотые плоды еще слишком сильны; борьба не получает здесь и в отдаленной мере того размаха, как в побежденных странах. В Соединенных Штатах в конце 1919 года стачки получают могущественный размах, захватывая железнодорожников, горнорабочих, металлистов и пр. Правительство Вильсона открывает бешеные преследования против рабочего класса. В 1920 году весной в Германии попытка контр-революционного переворота Каппа мобилизовала и двинула на борьбу рабочий класс. Напряженное, но неоформленное движение немецких рабочих было и на этот раз беспощадно раздавлено республикой Эберта, которую они спасли. Во Франции наибольшей остроты политическое положение достигло в мае прошлого года, во время объявления всеобщей забастовки, которая, впрочем, да-

леко не оказалась всеобщей, была плохо подготовлена и предана оппортунистическими вождями, которые ее не хотели, но не смели в этом сознаться... В августе движение Красной армии на Варшаву—тоже часть международной революционной борьбы—терпит неудачу. В сентябре итальянские рабочие, приняв всерьез словесно-революционную агитацию социалистической партии, овладевают заводами и фабриками, но, позорно преданные партией, терпят поражение по всей линии и подвергаются в дальнейшем беспощадному контр-наступлению со стороны объединенной реакции. В декабре протекает революционная массовая стачка в Чехо-Словакии. Наконец, в текущем году, в центральной Германии развертываются революционные бои с массовыми жертвами, в Англии возобновляется упорная стачка горнорабочих, не закончившаяся и по сей день.

Когда мы в первый послевоенный период наблюдали развертывающееся революционное движение, то многим из нас могло казаться—и с достаточным историческим основанием,—что движение это, все повышаясь и усиливаясь, должно непосредственно закончиться завоеванием власти рабочим классом. Но вот прошло после войны почти три года. Во всем мире, кроме России, власть остается в руках буржуазии. За это время капиталистический мир не стоял, конечно, на одном месте. Он изменялся. Европа и весь мир пережили чрезвычайно острый и опасный для буржуазии период демобилизации после войны,—демобилизации людей и демобилизации вещей, т.-е. промышленности,—период бешеного после-военного торгового подъема, затем кризиса, который еще не закончен. И вот перед нами встает во всем своем объеме вопрос: идет ли действительно развитие в сейчас в сторону революции, или же приходится признать, что капитализм справился с теми затруднениями, которые выросли из войны, и если не восстановил, то восстанавливает и приближается к восстановлению капиталистического равновесия на новых после-военных основах.

Успокоение буржуазии.

Если, прежде чем рассмотреть этот вопрос в его экономических основаниях, мы подойдем к нему чисто полити-

чески, то придется констатировать, что есть целый ряд признаков, фактов, заявлений, свидетельствующих о том, что буржуазия, как правящий класс, стала сильнее и прочнее, или, по крайней мере, чувствует себя такой. В 1919 г. европейская буржуазия находилась в состоянии острейшей растерянности. Это было временем панического, поистине сумасшедшего страха перед большевизмом, который представлялся весьма смутной и тем более грозной фигурой и изображался на стенных афишах в Париже в виде человека с ножем и пр. и пр. В сущности, в этом призраке большевика с ножем европейская буржуазия воплощала свой страх за свои преступления эпохи войны. Она-то во всяком случае знала, как мало отвечают результаты войны тем обещаниям, которые она давала. Она знала точно размеры жертв людьми и достоянием. Она боялась расплаты. 1919 год был, несомненно, самым критическим годом для буржуазии. В 1920 и 1921 годах наблюдается постепенный прилив ее самоуверенности и вместе с тем несомненное укрепление ее государственного аппарата, который непосредственно после войны в некоторых странах—как, например, в Италии—достиг почти полного разложения. Восстановление самоуверенности буржуазии приняло особенно яркие формы в Италии после трусливого предательства социалистической партии в сентябре. Буржуазия считала, что перед ней грозные разбойники и убийцы; она убедилась, что перед нею трусы... Так как я по болезни не занимался последнее время активной работой, то имел возможность читать много иностранных газет и скопил целую папку вырезок, ярко характеризующих перемену в настроении буржуазии и ее новую оценку мирового политического положения. Все свидетельства сводятся к одному: самочувствие буржуазии сейчас несомненно прочнее, чем в 1919-ом и даже в 1920-ом годах. Так, например, очень интересны корреспонденции, печатавшиеся в толковой чисто капиталистической швейцарской газете «Нейе Цюрихер Цейтунг», относительно политического положения во Франции, Германии и Италии. Так как Швейцария зависит от этих стран, то у ней большой интерес к их внутреннему положению. Вот, например, что писала названная газета по поводу мартовских событий в Германии: «Германия 1921 года совсем не то, чем была Германия 1918. Государственное сознание повсеместно

вновь окрепло настолько, что методы коммунистов наталкиваются сейчас на сопротивление во всех слоях населения, несмотря на то, что сила коммунистов, которые в дни революции представляли лишь небольшую кучку решительных людей, возрасла с тех пор больше, чем в десять раз». В апреле, в связи с выборами в итальянский парламент, та же газета следующими выражениями рисует внутреннее состояние Италии: «1919 год—буржуазия растеряна, большевизм наступает сплошной стеной. 1921 год—большевизм разбит и раздроблен, буржуазия выступает сплошной стеной». Французская руководящая газета «Temps» по поводу 1-го мая этого года писала, что ныне не осталось и следа тех опасений революционного переворота, которые наполняли атмосферу Франции в мае прошлого года, и т. д.

Таким образом совершенно несомненен подъем классовой самоуверенности буржуазии, и несомненно фактическое укрепление полицейски-государственного аппарата после войны. Но сам по себе этот факт — как он ни важен — еще далеко не решает вопроса, и, во всяком случае, наши враги чрезвычайно торопятся делать отсюда вывод относительно банкротства нашей программы. Конечно, мы надеялись на то, что буржуазия свалится в 1919 году. Но мы, конечно, не были в этом уверены и, разумеется, не на этой дате была построена наша программа действий. Когда теоретики 2-го и 2½ Интернационала говорят, что мы обанкротились в наших пророчествах, то можно подумать, будто дело шло о предсказывании астрономического явления: будто мы ошиблись в нашем математическом расчете, что такого-то числа будет солнечное затмение, и оказались, стало быть, плохими астрономами. Но ведь на самом деле дело обстоит вовсе не так. Мы предсказывали не солнечное затмение, т. е. событие, находящееся вне нашей воли и независимое от наших действий. Дело шло об историческом событии, которое должно было совершиться и совершится при нашем участии. Когда мы говорили о революции в результате мировой войны, то это означало, что мы стремились и стремимся использовать последствия мировой войны для всемерного ускорения революции. Если революция не произошла до сегодняшнего дня во всем мире или, по крайней мере, в Европе, то это никак не означает «банкротства Коммунистического Интернационала», ибо его

программа не основана на астрономических датах. Это понятно каждому коммунисту, который сколько-нибудь продумал свою точку зрения. Но раз революция не пришла по горячим следам войны, то совершенно очевидно, что буржуазия полученную ею передышку использовала для того, чтобы наиболее ужасающие и грозные последствия войны, если не преодолеть и устранить, то замаскировать, залепить и пр. и пр. Успела ли она в этом? Отчасти успела. В какой мере? Здесь-то и начинается существо вопроса о восстановлении капиталистического равновесия.

Восстановлено ли мировое равновесие?

Что означает капиталистическое равновесие, о котором ныне с полной уверенностью говорит международный меньшевизм? Это понятие равновесия со стороны социал-демократов не анализируется, не расчленяется, не выясняется точно. В равновесии капитализма заключается очень много факторов, явлений, фактов,—основных, второстепенных и третьестепенных. Капитализм есть явление мировое. Он успел охватить весь земной шар, и это особенно резко сказалось во время войны и блокады, когда одна страна производила излишки и не имела рынка, а другая, нуждающаяся в товарах, не имела доступа к ним. И сейчас эта взаимная зависимость раздробленного мирового рынка сказывается везде и всюду. Капитализм в достигнутой им до войны стадии основан на международном разделении труда и на международном обмене продуктов. Нужно, чтобы Америка производила известное количество хлеба для Европы. Нужно, чтобы Франция производила известное количество предметов роскоши для Америки. Нужно, чтобы Германия производила известное количество дешевых предметов потребления для Франции. Это разделение труда опять-таки не есть что-либо постоянное, раз-на-всегда данное. Оно вырабатывается исторически, всегда нарушается путем кризисов, конкуренции,—не говоря уже о таможенных войнах,—снова восстанавливается и снова нарушается. Но в общем мировое хозяйство держится на том, что между разными странами более или менее распределено производство соответственных благ. Вот это мировое разделе-

ние труда нарушено войной в корне. Восстановлено оно или нет? Это одна сторона вопроса.

В каждой отдельной стране сельское хозяйство производит для промышленности предметы личного потребления рабочих и предметы производственного потребления (сырые материалы) для промышленности, а промышленность производит для деревни предметы домашнего обихода, личного потребления и средства сельско-хозяйственного производства. Тут опять-таки вырабатываются известные взаимоотношения. Наконец, внутри самой промышленности имеется производство средств производства и производство предметов потребления, между которыми устанавливается некоторое соотношение, постоянно нарушаемое и снова возрождающееся на новых основах. Все эти соотношения и пропорции война нарушила коренным образом, уже тем одним, что во время войны промышленность Европы, а в значительной мере и Америки и Японии, производила не столько предметы потребления и средства производства, сколько средства истребления. Поскольку же производились предметы личного потребления,— они потреблялись не столько рабочими—производителями, сколько разрушителями—солдатами империалистских армий. Вот это нарушенное соответствие между городом и деревней, между различными отраслями внутри промышленности отдельных стран — восстановлено или нет?

Далее следует равновесие классов, которое опирается на равновесие хозяйства. В период до войны не только в международных отношениях был так называемый вооруженный мир, но и между буржуазией и пролетариатом в значительной мере господствовал вооруженный мир при помощи системы коллективных тарифных договоров, которые заключались централизованными союзами и все более и более централизованным промышленным капиталом. Это равновесие также было нарушено войной целиком,—что и привело к колоссальному стачечному движению во всем мире. Относительное равновесие классов буржуазного общества, без которого немыслимо производство,—восстановлено или нет? и на какой основе?

Равновесие классов тесно связано с равновесием в политике. Буржуазия во время войны, да и до войны — хотя мы тогда это меньше замечали, — держала в равновесии свою ме-

ханику через посредство социал-демократов, социал-патриотов, которые были ее важнейшей агентурой и держали рабочий класс в рамках буржуазного равновесия. Только благодаря этому буржуазия получила возможность провести войну. Восстановила ли она теперь снова равновесие своей политической системы и в какой мере социал-демократы сохранили или утратили свое влияние на массы и способны играть свою роль охранителей буржуазии?

Далее стоит вопрос о международном равновесии, т.-е. о мировом сосуществовании капиталистических государств, без чего, разумеется, невозможно восстановление капиталистического хозяйства. Достигнуто ли равновесие в этой области или нет?

Все эти стороны вопроса должны быть оценены для того, чтобы можно было дать ответ насчет того, продолжает ли мировая ситуация оставаться революционной или же, наоборот, правы те, которые считают наши революционные перспективы утопическими. Рассмотрение каждой из сторон вопроса требует иллюстрации многими фактами и цифрами, которые трудно докладывать большому собранию и которые трудно запоминаются. Я постараюсь поэтому дать только основные данные для ориентировки в этом вопросе.

Установилось ли новое международное разделение труда? В этой области решающим фактом является перенесение центра тяжести капиталистического хозяйства и буржуазного могущества из Европы в Америку. Это—основной факт, который каждому из вас, товарищи, нужно запомнить самым твердым и отчетливым образом, чтобы понимать те события, которые развертываются перед нами и которые будут развертываться в ближайшие годы. До войны капиталистической сердцевиной мира была Европа, она была главной лавкой земного шара, главной фабрикой его и главным его банком. Европейский промышленник—в первую голову английский, а затем немецкий; европейский купец—прежде всего английский; европейский ростовщик—прежде всего английский, а затем французский — были фактическими руководителями мирового хозяйства, а стало быть и политики всего земного шара. Сейчас этого нет. Европа отброшена назад.

Хозяйственный упадок Европы в цифрах.

Попытаемся факт перенесения хозяйственного центра тяжести и размеры хозяйственного упадка Европы определить в цифрах, хотя бы и очень приблизительных. До войны национальная собственность, т.-е. совокупность достояния всех граждан и государств участвовавших в последней войне стран, исчислялась приблизительно в 2.400 миллиардов золотых марок. Годовой доход всех этих стран, т.-е. то количество продуктов, которое добывалось ими в течение года, исчислялось в 340 миллиардов марок. Сколько же израсходовала и уничтожила война? Не больше и не меньше как 1.200 миллиардов золотых марок, т.-е. ровно половину того, что накопили все воевавшие страны в течение всего своего существования. Разумеется, расходы войны покрывались прежде всего из текущих доходов. Но если мы примем, что национальный доход каждой страны во время войны уменьшился хотя бы на одну треть, вследствие огромного отвлечения рабочих рук, и стало быть стал равен 225 миллиардам марок; если мы далее примем, что все невоенные расходы поглощали 55%, то мы придем к выводу, что из текущих национальных доходов можно было бы покрывать военные расходы не больше, как на 100 миллиардов золотых марок в год. За четыре года войны это составит 400 миллиардов марок. Следовательно, недостающие 800 миллиардов марок должны были быть взяты из основного капитала воевавших наций, главным образом, путем невосстановления их производственного аппарата. Отсюда вытекает, что общее достояние воевавших стран после войны уже составляло не 2.400 миллиардов золотых марок, а всего лишь 1.600, т.-е. на одну треть меньше.

Но не все участвовавшие в войне страны обеднели одинаково. Наоборот, есть среди воевавших — как мы еще увидим — разбогатевшие страны, именно Соединенные Штаты и Япония. Это значит, что европейские страны, участвовавшие в войне, потеряли более третьей части своего национального достояния, а некоторые — как Германия, Австро-Венгрия, Россия, Балканы — значительно более половины.

Вы знаете, что капитализм, как хозяйственная организация, полон противоречий. Эти противоречия за годы войны

Институт В. И. Ленина
12120

достигли чудовищного размера. Чтобы добыть средства на ведение войны, государство прибегало преимущественно к двум мерам: во-первых, выпускало бумажные деньги, во-вторых, заключало займы. Таким путем в оборот входило все более и более так называемых ценных бумаг, при помощи которых государство извлекало из страны действительные материальные ценности и уничтожало их на войне. Чем больше расходовало государство, т.-е. чем больше оно уничтожало действительных ценностей, тем больше накоплялось в стране мнимых, фиктивных ценностей. Бумаг государственного займа накопились горы. Казалось, будто страна чрезвычайно разбогатела, а на самом деле хозяйственная основа под ногами все более и более ослабевала, расшатывалась, обрушивалась. Государственные долги достигли приблизительно 1.000 миллиардов золотых марок, что составляет 62% нынешнего национального достояния воевавших стран. Бумажных денег и кредитных знаков имелось до войны примерно на 28 миллиардов золотых марок, теперь их 220—280 миллиардов, т.-е. в 10 раз больше, — и это, разумеется, не считая России, ибо мы говорим только о капиталистическом мире. Все это относится, главным образом, если не исключительно, к европейским странам, преимущественно к континенту и особенно к центральной Европе. В общем, по мере того, как Европа становилась и сейчас еще продолжает становиться беднее, она покрывалась и покрывается все более и более толстым слоем бумажных ценностей, или того, что называется фиктивным капиталом. Этот фиктивный капитал — кредитки, казначейские знаки, заемные документы, банкноты и проч. — представляет собою либо воспоминания о покойном капитале, либо надежду на новый капитал. Но в настоящее время ему никак не отвечает реальный действительный капитал. Когда государство заключало заем на производительные задачи, скажем, на Суэцкий канал, то соответственным государственным бумагам отвечает реальная ценность, Суэцкий канал, который пропускает пароходы, взимает с них плату, дает доход, вообще участвует в хозяйстве. Но когда государство занимало на войну, то мобилизованные при помощи займа ценности уничтожали и разрушали при этом новые ценности. Между тем заемные бумаги остались в карманах и портфелях у граждан:

государство должно сотни миллиардов. Эти сотни миллиардов существуют в виде бумажного богатства в кармане у тех, кто давал государству заем. Но где эти реальные миллиарды? Их нет. Они сожжены, они уничтожены. На что надеется держатель этих бумаг? Если это француз, то он надеется на то, что Франция вырвет миллиарды с мясом у немца и ему заплатит.

Разрушение основ капиталистических наций, разрушение их производственного аппарата зашло на самом деле во многих отношениях гораздо дальше, чем это можно установить статистически. Это особенно ясно видно на квартирном вопросе. Все силы капитала — ввиду бешеных военных и после-военных барышей — были направлены на производство новых предметов личного или военного потребления. Восстановление же основного производственного аппарата запускалось все более и более. Это относится целиком к городскому домостроительству. Старые дома плохо ремонтировались, а новые строились в ничтожном числе. Отсюда — чудовищный квартирный голод во всем капиталистическом мире. Если в настоящее время, вследствие кризиса, при котором основные капиталистические страны используют не более половины или одной трети своих производственных возможностей, разрушение производственного аппарата не так заметно, то в квартирной области, вследствие неприостанавливающегося размножения населения, расстройство хозяйственного аппарата сказывается со всей силой. В Америке, Англии, Германии, Франции нужны сотни, тысячи и даже миллионы квартир. Но соответственные работы упираются в непреодолимые трудности, вызываемые общим обеднением. Капиталистической Европе приходится и придется сжаться, сузить свой размах, понизить свой уровень на многие годы.

Как я уже сказал, в рамках общего оскудения Европы разные страны оскудели в разной степени. Возьмем Германию, как наиболее пострадавшую из могущественнейших капиталистических стран. Я приведу основные цифры, характеризующие экономическое положение Германии до войны и теперь. Эти цифры не очень точны. Статистические исчисления национального богатства и национального дохода — вещь очень трудная при капиталистической анархии. Настоящий учет дохода и имущества будет возможен

только при социализме, учет, выраженный в единицах человеческого труда,—разумеется, при настоящем, хорошо организованном и правильно действующем социализме, до которого нам еще очень и очень далеко. Но и неточные цифры будут нам полезны, потому что дадут нам все же хотя бы приблизительное представление о переменах, происшедших в хозяйственном положении Германии и других стран за последние 6—7 лет.

Национальное богатство Германии оценивалось накануне войны в 225 миллиардов золотых марок, а наивысший национальный доход—в 40 миллиардов марок. До войны Германия, как известно, очень быстро богатела. В 1896 году доход ее представлял 22 миллиарда. В течение 18 лет (1896—1913) он увеличился на 18 миллиардов, т.-е. возрастал, примерно, на один миллиард в год. Эти 18 лет были вообще временем могущественного капиталистического подъема во всем мире и особенно в Германии. В настоящее время ее национальное достояние исчисляется в 100 миллиардов марок, а национальный доход—в 16 миллиардов марок, т.-е. в 40% довоенного дохода. Правда, Германия потеряла часть своих территорий, но главные потери связаны с расходами войны и послевоенного разграбления Германии. Немецкий экономист Рихард Калвер считает, что как в области промышленности, так и в области сельского хозяйства сейчас в Германии добывается значительно менее половины тех ценностей, какие добывались до войны. Исчисления Калвера таким образом вполне подтверждают приведенные мною цифры. В то же время государственный долг Германии вырос до 250 миллиардов марок, т.-е. в $2^1/_2$ раза превышает нынешнее богатство Германии. Кроме того, на Германию возложена контрибуция в 132 миллиарда марок. Если бы англичане и французы решили эти суммы получить немедленно и полностью, — они должны были бы положить себе в карман всю Германию, начиная с шахт Стиннеса и кончая запонками президента Эберта. Денежных знаков в Германии сейчас имеется на 81 миллиард марок. Из них обеспечено золотом всего не более 5 миллиардов. Стало быть, внутренняя ценность немецкой марки сейчас менее 7 пфеннигов.

Правда, Германия выступала за время после войны очень победоносно на мировом рынке, вывозя туда свои товары по

очень дешевой цене. Если эта дешевизна доставляла крупные прибыли немецким купцам и экспортерам, то в последнем счете она означала разорение для немецкого населения в целом, ибо дешевые цены на международном рынке обусловливались низкой заработной платой и недоеданием рабочих, приплатой государства к хлебу, регулировкой квартирной платы,—что, в свою очередь, сопровождалось полным прекращением строительства, крайним сокращением ремонта и проч. и проч. Таким образом, каждый немецкий продукт, выброшенный на мировой рынок, уносит с собой некоторую часть немецкого национального достояния, за которую Германия не получает никакого эквивалента.

Для того, чтобы «оздоровить» немецкое хозяйство, нужно упрочить валюту, т.-е. нужно приостановить выпуск новых бумажных ценностей и сократить число существующих. А для этого нужно отказаться от уплаты долгов, т.-е. объявить государственное банкротство. Но эта мера сама по себе означает страшное потрясение равновесия, ибо связана с передвижкой собственности из одних рук в другие и потому должна вызвать ожесточенную борьбу классов за новое распределение национального дохода. Пока же Германия продолжает беднеет и падать.

Возьмем победоносную страну — Францию. Если мы сравним положение Франции с тем положением, какое было в 1918—1919 годах, то мы скажем: да, здесь есть некоторые улучшения. Я приведу сейчас цифры, которыми щеголяет французская буржуазная экономика, стремясь доказать факт восстановления капиталистического хозяйства. Возьмем область земледелия. Пшеницы до войны Франция давала ежегодно 86 миллионов квинталей (квинталь — 100 кгр., немногим более 6 пудов), овса — 52 миллиона, картофеля—132. 1919 год дал пшеницы 59 миллионов, последний урожай (1920 год)—63 миллиона. В 1919 году картофеля—77 миллионов, в прошлом году — 103 миллиона. Теперь возьмем скотоводство: овец в 1913 году было 16 миллионов, теперь—9 миллионов, свиней—7 миллионов, теперь 4 миллиона, — уменьшение огромное. Возьмем уголь, этот важнейший продукт и важнейший фактор промышленности. В 1913 году Франция добыла 41 миллион тонн угля, в 1919—22 миллиона, в 1920 году—25, а если считать Эльзас-Лотарингию и Саар-

ский угольный бассейн, то добыча 1920 года выразится цифрой 35,6 миллиона тонн. Стало быть, повышение есть. Но это повышение далеко еще не достигает довоенного уровня. Каким образом, однако, достигнуты эти, к тому же очень скромные, успехи? В области земледелия они достигнуты, главным образом, упорным и кропотливым трудом французского крестьянина. Но в чисто капиталистической области успехи эти достигнуты преимущественно путем грабежа Германии, у которой забирали коров, семена, машины, паровозы, золото и особенно уголь.

С точки зрения обще-хозяйственной тут нет плюса, ибо нет создания новых ценностей, а есть, главным образом, перемещение старых ценностей. К этому еще нужно добавить, что Германия теряла в полтора или два раза больше, чем получала от нее Франция.

Итак, мы видим, в частности, что, отняв у Германии важнейшие области металлургии и угля, Франция далеко еще не достигла своего собственного довоенного уровня. Возьмем французскую внешнюю торговлю. Торговый баланс характеризует экономическое международное равновесие, т.-е. состояние обмена между разными странами. Капиталистическая страна считает себя в хорошем положении, если она вывозит за границу больше, чем ввозит из-за границы. Разницу ей уплачивают золотом. Такой баланс называется активным. Если страна вынуждена больше ввозить, чем она может вывозить, то баланс будет пассивный, и эта страна вынуждена к ввозимым ею товарам прибавлять еще часть своего золотого запаса. Этот последний тает, и под денежной и кредитной системой постепенно разрушается фундамент. Если мы возьмем Францию последних двух лет—1919 и 1920 годов, т.-е. двух лет «восстановительной» работы французской буржуазии, то увидим, что в 1919 году торговый пассив составлял 24 миллиарда, в 1920 году—13 миллиардов. Таких цифр французский буржуа и в страшных кошмарных снах не видал до войны. Торговая нехватка за два года составляет 27 миллиардов. Правда, за первую треть этого года Франция свела свой торговый баланс без пассива, т.-е. ее ввоз равнялся вывозу. По этому поводу некоторые буржуазные экономисты ударили в литавры: Франция восстанавливает, мол, свое торговое равновесие. Но руководящий орган буржуазии

«Temps» («Время») писал 18 мая по этому поводу: «Вы ошибаетесь, мы потому только не должны доплачивать золотом за эти три месяца, что мы мало ввозили сырых материалов. Но это означает только то, что во вторую половину года мы будем мало вывозить продуктов, которые мы изготовляем вообще благодаря заграничному, главным образом, американскому, сырью. Следовательно, если мы свели благополучно наш торговый баланс за три месяца, то в дальнейшем торговый пассив неизбежно будет возрастать».

Денежных знаков до войны было менее шести миллиардов франков, теперь — более 38. Относительно покупной силы франка та же газета указывает, что к концу марта, когда уже наступил кризис во всем мире, в Америке цены были выше довоенных на 23%, т.-е. меньше, чем на четвертую часть, тогда как во Франции—на 260%, т.-е. выше в три с половиною раза, чем до войны. Это значит, что покупательная сила франка понизилась в несколько раз. Возьмем теперь французский бюджет. Он делится на две части: на нормальный и чрезвычайный. Нормальный бюджет исчисляется в 23 миллиарда франков—цифра, которой довоенное время не знало! Куда уходят эти чудовищные суммы? 15 миллиардов — это уплата процентов по долгам, 5 миллиардов — содержание армии; итого 20 миллиардов. Это все, что французское государство собиралось выжать из плательщика налогов. На самом деле выжать удалось лишь около 17½ миллиардов. Стало быть, «нормального» дохода государства далеко не хватает даже на уплату процентов и на содержание армии. Но далее идут чрезвычайные расходы: свыше 5 миллиардов на оккупационные войска, 23 миллиарда на всякие военные возмещения и восстановления. Эти расходы записываются на германский счет. Но совершенно очевидно, что Германия чем дальше, тем меньше в состоянии будет их выплачивать. Пока же французское государство продолжает жить или путем новых займов, или путем нового выпуска бумажных денег. Один из видных финансовых журналистов Франции, руководитель важнейшей экономической газеты «L'Information» Léon Chavenon отстаивает дальнейшее печатание бумажных денег, заявляя: «мы не избавимся от этой необходимости иначе, как открытым банкротством». Стало быть, имеются только две возмож-

ности: замаскированное банкротство путем дальнейшего выпуска ценных бумажек, или банкротство открытое. Вот как обстоит дело с Францией, страной-победительницей, которая поставлена в разоряющейся Европе в благоприятные условия в том смысле, что могла и может восстанавливать свое равновесие за счет Германии. Положение в Италии и Бельгии во всяком случае не лучше положения Франции.

Перейдем теперь к самой богатой, самой могущественной стране Европы, к Великобритании. Мы привыкли во время войны говорить, что Англия наживается на войне, что британская буржуазия вогнала Европу в войну и греет теперь руки. Это было верно, но только до известного предела. Англия наживалась в первый период войны и стала проживаться во второй. Обеднение Европы, в особенности центральной, нарушило торговые взаимоотношения между Англией и остальной частью Европы. Это должно было, в конце концов, ударить и ударило по промышленности и финансам Англии. А, кроме того, Англия оказалась вынужденной нести чудовищные расходы по самой войне. Ныне Англия находится в состоянии упадка, и упадка все более возрастающего. Этот факт может быть иллюстрирован цифрами промышленности и торговли, которые я далее приведу, но самый факт бесспорен и находит свое выражение в ряде открытых и вполне официальных заявлений виднейших английских банкиров и промышленников. В течение марта, апреля и мая в соответствующих английских изданиях печатались отчеты годовых собраний акционерных компаний, банков и пр. Эти отчетные собрания, где руководители предприятий делают доклады, характеризуя общее положение дел страны или своей отрасли промышленности, представляют материал исключительной поучительности. Я подобрал целую папку таких отчетов. Все они свидетельствуют об одном и том же: национальный доход Англии, т.-е. совокупность дохода всех ее граждан и самого государства, стал гораздо меньше, чем до войны.

Англия обеднела. Производительность труда пала. Международная торговля за 1920 г. понизилась по сравнению с последним довоенным годом, по крайней мере, на одну треть, а в некоторых важнейших отраслях еще гораздо больше. Особенно резка перемена в угольной промышленности, кото-

рая была главной отраслью английского хозяйства, вернее сказать, на которой держалась вся мировая хозяйственная система Англии, ибо угольная монополия составляла основу могущества, силы и процветания всех остальных отраслей английской промышленности. Теперь от этой монополии не осталось и следа. Вот основные фактические данные о состоянии английского хозяйства. В 1913 г. угольная промышленность Англии доставляла 287 миллионов тонн угля. В 1920 г.—233 миллиона тонн, т.-е. на 20% меньше. Чугуна в 1913 году было выделано 10,4 миллиона тонн, в 1920-м—немногим более восьми миллионов тонн, т.-е. опять-таки на 20% меньше. Вывоз угля в 1913 году составлял 73 миллиона тонн, в 1920-м—всего лишь 25 миллионов тонн, т.-е. одну треть. Но падение угольной промышленности и угольного вывоза в текущем 1921 г. является уже совершенно чудовищным. В январе добыча угля — 19 милл. тонн, в феврале — 17, в марте—16. Дальше разразилась всеобщая стачка, и добыча угля приблизилась к нулю. Вывоз за первые пять месяцев 1921 г. в шесть раз меньше вывоза за тот же период 1913 г. Весь вывоз за май текущего года, выраженный в ценах, в 3 раза меньше вывоза за май прошлого года. Государственный долг Англии 1 августа 1914 г. составлял 71 миллион фунт. стерл., 4 июня текущего года—7.709 миллионов фунт стерл., т.-е. увеличился в 11 раз. Бюджет вырос в 3 раза.

Падение английского хозяйства нашло свое яркое выражение в курсе английского фунта-стерлингов. На мировом денежном рынке фунт стерлингов занимал искони господствующее положение. Валюта всех других стран равнялась по фунту стерлингов, который называется по-английски «sovereign», т.-е. властителем. В настоящее время фунт стерлингов утерял свою руководящую роль. Его место занял доллар, нынешний владыка финансового рынка. Фунт стерлингов в настоящее время по сравнению с долларом утратил 24% своей номинальной цены. Вот как обстоит дело в Англии, самой богатой стране Европы, наименее пострадавшей от военных действий и наиболее нажившейся на войне в первый ее период.

Приведенные нами данные достаточно характеризуют положение всей Европы. Из участвовавших в войне стран на

одном полюсе находится Австрия, как наиболее пострадавшая (если не говорить о России), на другом — Англия. Между ними размещаются Германия, Италия, Бельгия, Франция. Балканские страны совершенно разорены и отброшены в состоянии хозяйственного и культурного варварства. Что касается нейтральных стран, то они в первый период, несомненно, наживались на войне, но так как они самостоятельной хозяйственной роли играть не могут, а живут в порах между большими странами и целиком зависят в хозяйственном смысле от этих последних, то упадок главных стран Европы привел к величайшим хозяйственным затруднениям для нейтральных стран, которые теперь также чрезвычайно опустились по сравнению с тем уровнем, которого они достигли в первый период войны.

Таким образом доход Европы в целом, т.-е. количество добываемых всем европейским населением материальных ценностей, упал, по крайней мере, на одну треть по сравнению с довоенным временем. Но гораздо существеннее, как я уже сказал, тот упадок, который произошел в основном аппарате хозяйства. Крестьянин не находил искусственного удобрения, сельско-хозяйственных орудий и машин, шахтовладелец в погоне за высокими ценами на уголь, не обновлял оборудования шахт, паровозный парк изнашивался, железнодорожные пути в достаточной мере не обновлялись и пр. и пр. Все это привело к тому, что основная ткань хозяйства стала слабой, более расшатанной, менее надежной. Как это все измерить и учесть? До этого капиталистическая статистика не дошла. Такого рода инвентаризация, т.-е. ценностный учет состояния инвентаря не отдельного хозяйства, а всей страны и всей Европы, несомненно, показал бы, что не только военный, но и послевоенный режим поддерживался и поддерживается за счет основного производственного капитала Европы. Это значит, например, что Германия, вместо того, чтобы направить 50 тысяч рабочих на улучшение шахт, направляет лишних 50 тысяч рабочих на добычу угля, который нужно отдавать Франции. С другой стороны, Франция, стремясь вывезти как можно больше продуктов за границу, чтобы уменьшить свой торговый дефицит, опять-таки не восстановляет своего оборудования в необходимых размерах. И это касается всех стран Европы,

ибо Европа в целом имеет дефицитный, т.-е. пассивный, торговый баланс. Ослабление основ европейского хозяйства скажется завтра еще сильнее, чем сказалось вчера и сегодня. Большой червь истории подкапывается под самый фундамент европейской экономики.

Экономический расцвет Америки.

Совершенно иная картина открывается, если мы перешагнем на другое полушарие. Америка проделала развитие прямо противоположного характера. Она беспечно обогатилась в это время. В войне она участвовала, главным образом, как поставщик. Правда, она и сама несла расходы по ведению войны, но эти расходы оказались ничтожны, если их сравнивать не просто с ее военной прибылью, а со всеми теми выгодами, которые война открыла экономическому развитию Америки. Соединенные Штаты не только получили в лице воевавшей Европы почти беспредельный рынок, который все покупал, и притом по повышенным ценам,—они освободились на ряд лет от главных своих конкурентов на мировом рынке — от Германии и от Англии, которые, главным образом, обслуживали войну. Почти до самой войны, Соединенные Штаты вывозили, главным образом, именно на две трети, продукты земледелия и сырье. За время войны вывоз Соединенных Штатов непрерывно и прямо-таки лихорадочно возрастал. Достаточно сказать, что избыток вывоза над ввозом за 6 лет (1915—1920 г.г.) составлял 18 миллиардов долларов. При этом характер вывоза радикально изменился. Соединенные Штаты вывозят теперь на 60% продукты промышленности и только на 40% продуктов земледелия и скотоводства, сырые материалы—хлопок и пр.

Чтобы очертить нынешнюю роль Соединенных Штатов в мировом хозяйстве, я приведу следующие основные цифры: в пределах Соединенных Штатов живет 6% мирового населения. 7% поверхности земли приходится на долю Соединенных Штатов; из мирового производства золота Соединенные Штаты доставляют 20%; на долю Соединенных Штатов приходится 30% тоннажа мирового торгового флота, тогда как до войны они имели не более 5%. Соединенные Штаты производят стали и железа 40%, олова—40%, се-

ребра—40%, цинка—50%, угля—45%, алюминия—60%, столько же меди и хлопка, нефти—от 66 до 70%, маиса—75% и автомобилей—85%. На всем свете имеется сейчас около 10 миллионов автомобилей. Из них на долю Америки приходится 8½ миллионов, на весь остальной мир 1 миллион 400 тысяч. На 12 человек американцев приходится 1 автомобиль.

Таким образом господство на угольном рынке, утерянное Англией, окончательно перешло к Соединенным Штатам. Не менее важно подавляющее превосходство Соед. Штатов в области нефти, которая играет все бо́льшую и бо́льшую роль в промышленности и военном деле. Но не только в области промышленности и мировой торговли, на денежном рынке произошла та же перемена. Главным довоенным мировым ростовщиком была Англия, за ней шла Франция. Им должен был весь мир, в том числе и Америка. Теперь же единственная страна, которая никому не должна и которой должны все, это—Соед. Штаты. Европа, т.-е. европейские государства, города и предприятия, должна Соед. Штатам 18 миллиардов золотых долларов. Но это только начало. Каждый день этот долг увеличивается на 10 миллионов долларов вследствие неуплаты процентов и путем получения новых кредитов. В соответствии с этим, как я уже упомянул, доллар стал «сувереном» мирового финансового рынка. Раньше доллар рекомендуясь говорил: я являюсь, примерно, одной пятой фунта стерлингов. Что касается последнего, то он не нуждался ни в какой рекомендации: он жил как фунт стерлингов—и только. Теперь дело изменилось радикально. Ныне фунт стерлингов проживает по паспорту, как и все прочие денежные единицы, и в этом паспорте сказано, что фунт стерлингов в сущности—не фунт стерлингов, а столько-то долларов (почти на четверть меньше, чем значится в старых довоенных справочниках). Около половины мирового золота, которое служит основой всей денежной системы, теперь сосредоточено в С. Штатах—около половины мирового запаса!

Таково положение Северной Америки после войны. Как оно создалось? Оно выросло на военном рынке Европы, который был безграничен и платил любую цену. В английских колониях, в Азии, в Африке, а также в Южной Америке конкурентов не было, они почти совершенно исчезли,

и Соединенные Штаты развернулись во-всю. Мы имели таким образом в течение 7 лет полный переворот в области мирового разделения труда. Европа на 4 слишком года превратилась в костер, на котором сжигала не только свой доход, но и основной капитал, а американская буржуазия у этого костра грела руки. Производственная способность Америки чрезвычайно выросла, но рынок исчез, так как Европа обеднела и не может дальше покупать американские товары. Получилось такое положение, как если бы Европа сперва изо всех сил помогала Америке подняться на самую высокую ступеньку, а потом выдернула доску из-под ее ног.

Остальные страны.—Кризис.

Япония также воспользовалась эпохой войны, и капитализм ее сделал большие успехи, которые, однако, не идут, разумеется, ни в какое сравнение с развитием Соед. Штатов. Некоторые отрасли японской промышленности развернулись оранжерейным темпом. Однако, если Япония и оказалась способной быстро поднять отдельные отрасли промышленности за отсутствием конкурентов, то теперь, когда многие конкуренты вернулись, она не всегда способна отстоять завоеванные позиции. Общее число японских рабочих и работниц (в Японии чрезвычайно широко применяется женский труд) составляет 2 миллиона 370 тысяч, из них 270 тысяч (около 12%) организованы в профессиональные союзы.

В колониальных и полуколониальных странах, в Ост-Индии, в Китае, капитализм сделал за последние 7 лет крупнейшие завоевания. До войны Азия давала 56 милл.-тонн угля. В 1920 г. она дала 76 милл. тонн, т.-е. на 36% больше.

Ныне весь мир переживает жесточайший кризис, который начался весною прошлого года в Японии и Америке, т.-е. в тех именно странах, которые развивались, а не падали за последний период.

Солиднейшее английское экономическое издание «Экономист» довольно любопытным образом рассказывает, как начался кризис. Это очень интересный эпизод. Американский рабочий, видите ли, разбогател и стал покупать шелковые рубахи, производство которых составляет важнейшую отрасль

японской текстильной промышленности. Японская шелковая промышленность в короткий срок сильно поднялась, но так как все-таки покупательная способность рабочих весьма ограничена и сразу понизилась, как только американская промышленность стала перегруппировываться ввиду заключения мира, то в японской шелковой промышленности сразу открылся острый кризис, который перебросился на другие отрасли, охватил Америку, перенесся через океан и ныне во всем мире достиг еще небывалой в истории капитализма глубины. Таким образом все началось с малого—с шелковой рубашенки, а закончилось большим: цены полетели вниз, и полетели бешено, заводы стали закрываться, рабочие выбрасываются на улицу. *В Америке есть теперь не менее 5-ти, а некоторые говорят, и 6-ти миллионов безработных.*

Эпизод с шелковыми рубахами имеет такое же, примерно, значение в истории кризиса, как взмах крыла птицы, которая обрушивает снежную лавину. Очевидно, лавина была уже готова к падению. Но этот эпизод интересен еще тем, что характеризует несомненное улучшение материального положения, по крайней мере, известных категорий американских рабочих за последние годы. Из 8½ миллионов автомобилей очень значительная часть принадлежит квалифицированным американским рабочим, но теперь, и особенно в ближайшее время, американским рабочим будет не до автомобилей и не до шелковых рубах...

Итак—кризис в Европе и—кризис в Америке. Но это кризисы разного порядка. Европа обеднела, а Америка разбогатела. Производственный аппарат Америки сравнительно в порядке. Заводы — первоклассные. Инвентарь на-лицо. Правда, качество продуктов за военное время понизилось, железные дороги растряслись, так как капиталисты заботились, главным образом, о том, чтобы транспортировать товары к восточным пристаням,—но в общем Америка свой хозяйственный аппарат не только сохранила, но и увеличила.

Покупательная способность Европы пала. Ей нечего давать в обмен на американские товары. Центр тяжести мирового хозяйства резко передвинулся в Америку, отчасти в Японию. Если Европа страдает от худосочия, то Соединенные Штаты сейчас не меньше страдают от полнокровия. Это чудовищное несоответствие между состоянием хозяйства Евро-

пы и Америки, — несоответствие, гибельное для обеих сторон,—находит наиболее яркое свое выражение в области средств морского транспорта. В этой области, как и во многих других, господствующее положение до войны принадлежало Англии. В ее руках было до 50% мирового тоннажа. Стремясь обеспечить за собою господство во всех отношениях, Соединенные Штаты строили торговый флот тем же темпом, каким развивалась их торговля за военное время. Свой тоннаж они подняли с 3—4 миллионов до 15-ти и сейчас почти сравнялись с Англией.

Мировой тоннаж за эти годы увеличился абсолютно, примерно, на $^1/_5$. Между тем промышленность и мировая торговля упала. Вывозить нечего. Худосочие Европы и полнокровие Америки одинаково парализуют транспортную работу на Атлантическом океане.

Подъем и кризис.

Буржуазные и реформистские экономисты, идейно заинтересованные в том, чтобы прикрашивать состояние капитализма, говорят: «нынешний кризис сам по себе еще ровно ничего не доказывает. Наоборот, это явление нормальное. Мы наблюдали после войны промышленный подъем, а теперь—кризис; стало быть, капитализм жив и развивается». Действительно, капитализм живет путем кризисов и подъемов,—как живет человек, вдыхая и выдыхая. Сперва подъем промышленности, потом заминка, кризис, потом заминка в кризисе, улучшение, подъем, заминка и проч.

Сочетание кризиса и подъема со всеми переходными моментами составляет цикл или большой круг промышленного развития. Каждый цикл охватывает 8—9—10—11 лет. Если взять последние 138 лет, то на этот срок придется 16 циклов. На каждый цикл падает, следовательно, менее 9 лет—$8^5/_8$. В силу своих внутренних противоречий капитализм развивается, стало быть, не по ровной линии, а зигзагами, подъемами и понижениями. Это-то и дает теперь апологетам капитализма основание говорить: раз после войны мы наблюдаем чередование подъема и кризиса, стало быть, все к лучшему в капиталистическом мире. Но на самом деле это не так. Тот факт, что капитализм продолжает циклические ко-

лебания после войны, означает только то, что капитализм не мертв, что перед нами не труп. До тех пор, пока капитализм не будет сокрушен пролетарской революцией, он будет жить циклами — вверх и вниз. Кризисы и подъемы были свойственны капитализму уже при его рождении,—они будут сопровождать его и в могилу. Но для того, чтобы определить возраст капитализма и его общее состояние: развивается ли он, достиг ли зрелости, идет ли к упадку,—нужно проанализировать характер циклов, как и о состоянии человеческого организма можно судить по тому, как он дышит: ровно или прерывисто, сильно или поверхностно и проч.

Сущность этого, товарищи, может быть представлена следующим образом: возьмем развитие капитализма—рост добычи угля, производство тканей, железа, чугуна, внешнюю торговлю и проч. за последние 138 лет и выразим это развитие в виде кривой линии. Если мы в изгибах этой кривой выразим действительный ход экономического развития, то окажется, что эта кривая *поднимается вверх*, но не сплошной линией, а зигзагообразной—вверх, вниз, вверх, вниз, в соответствии с подъемами и кризисами. Таким образом, в кривой экономического развития есть два движения: одно—основное, которое выражает ее общий подъем, другое движение—второго порядка: это постоянные периодические колебания, соответствующие 16 циклам на протяжении 138 лет. В течение этого периода капитализм жил, вдыхал и выдыхал, но в разные эпохи по-разному.

С точки зрения основного движения, т.-е. с точки зрения развития или застоя и упадка капитализма, всю эпоху в 138 лет можно разбить на 5 периодов: с 1783 по 1851 годы—капиталистическое развитие шло очень медленно, кривая крайне лениво поднималась вверх. После революции 1848 года, раздвинувшей рамки европейского рынка, наступает поворот. С 1851 года по 1873 кривая развития резко поднимается вверх. В 1873 году разросшиеся производительные силы упираются в рамки рынка. Происходит крах. Затем начинается эпоха депрессии, которая длится до 1894 года. Циклические колебания происходят и в это время, но основная кривая остается приблизительно на одном уровне. С 1894 года открывается новая эпоха капиталистического расцвета, и кривая, почти до войны, бешено поднимается вверх. Наконец

в 5-й период разрушение капиталистического хозяйства начинается с 1914 года [1]).

Как же сочетается основное движение кривой с ее циклическими колебаниями? Очень просто. В периоды быстрого развития капитализма кризисы имеют короткий и поверхностный характер, подъемы длятся долго и захватывают глубоко. В периоды упадка капитализма кризисы имеют длительный характер, подъемы мимолетны, поверхностны и спекулятивны. В периоды застоя колебания совершаются вокруг одного и того же уровня.

Вот это и значит, что нужно по особому характеру дыхания или пульса определять общее состояние капиталистического организма.

Подъем после войны.

Сейчас после войны создалось неопределенное экономическое положение. Но с весны 1919 года начался подъем: биржи заиграли, цены поднялись вверх, как ртутный столбик в кипятке, спекуляция развернулась бешеным водоворотом. А промышленность? В средней, восточной и юго-восточной Европе продолжался упадок, о чем свидетельствуют, как мы видели, цифры. Во Франции—некоторое улучшение, главным образом, вследствие грабежа Германии. В Англии—отчасти застой, отчасти упадок,—за вычетом торгового флота, тоннаж которого увеличился в той же мере, в какой пала фактическая торговля. Таким образом, в общем подъем в Европе получил полу-фиктивный, спекулятивный характер и означал не развитие, а дальнейший упадок хозяйства.

В Соединенных Штатах после войны происходило сокращение военной промышленности, ее перестройка на мирный лад. Подъем наблюдается в угольной, нефтяной, автомобильной и судостроительной промышленности.

	Уголь.	Нефть	Автомобили.	Кораблестроение.
	в милл.			
1918	615 т. тонн.	356 бочек.	1.153.000 шт.	3.033 тыс. тонн.
1919	494 „ „	378 „	1.974.000 „	4.075 „ „
1920	580 „ „	442 „	2.350.000 „	2.746 „ „

Тов. Варга в своей ценной брошюре совершенно правильно говорит: «Тот факт, что после-военный подъем имел спекулятивный характер, ярче всего обнаруживается на примере

[1]) См. схему промышленных циклов.

Германии. В то время, как цены в течение полутора лет увеличились в 7 раз, промышленность Германии шла назад... Конъюнктура ее была конъюнктурой распродажи: остатки имевшихся на внутреннем рынке товарных запасов по баснословно-дешевым ценам вывозились за границу».

Больше всего цены поднялись в Германии, где промышленность продолжала падать. Меньше всего цены поднялись в Соединенных Штатах, где промышленность продолжает подниматься. Между Германией и Соединенными Штатами стоят Франция и Англия [1]).

Чем объясняются эти факты и чем объясняется самый подъем? Во-первых, экономическими причинами: после войны возобновились, хотя и в очень урезанной степени, международные связи, и всюду обнаружился спрос на товары самого разнообразного рода. Во-вторых, причинами политически-финансовыми: европейские правительства боялись того кризиса, который должен был наступить после войны, и приняли все меры к тому, чтобы на время демобилизации удержать тот искусственный подъем, который был создан войной. Правительства продолжали пускать в оборот много бумажных денег, заключали новые займы, регулировали прибыль, заработную плату и цены на хлеб, доплачивая таким образом из основного народного достояния к заработку демобилизованных рабочих и создавая искусственное хозяйственное оживление в стране. Таким образом, за это время фиктивный капитал продолжает расти, особенно в тех странах, в которых промышленность продолжает падать.

Фиктивный подъем после войны имел, однако, большие политические последствия: с известным основанием можно сказать, что он спас буржуазию. Если бы демобилизованные рабочие с самого начала столкнулись с безработицей, понижением жизненного уровня даже по сравнению с довоенным, то это могло бы иметь для буржуазии фатальные последствия. Английский профессор Edwin Cannan писал по этому поводу в новогоднем обзоре в «Manchester Guardian»: «Нетерпение людей, вернувшихся с поля битвы, очень опасно», и совершенно правильно объяснял благополучное прохождение самого острого после-военного периода, 1919 года, тем фактом, что правительство и буржуазия общими уси-

[1]) См. схему уровней производства и цен.

лиями отодвинули, отсрочили кризис, создавши искусственное процветание при помощи дальнейшего разрушения основного капитала Европы. «Если бы,—говорит Cannan,—экономическое положение в январе 1919 года было таким, как в январе 1921 года, то хаос мог бы овладеть Западной Европой». Горячечная лихорадка войны была продлена еще на полтора года, и кризис наступил лишь тогда, когда демобилизованные массы рабочих и крестьян уже более или менее распределились по своим клеточкам.

Нынешний кризис

Справившись с демобилизацией и устоявши под первым напором рабочих масс, буржуазия от состояния растерянности, тревоги и даже паники вернулась к самоуверенности. Ей стало казаться, что теперь только и началась эпоха великого процветания, которому не будет конца. Видные английские политические и финансовые деятели предлагали заключить международный заем на восстановительные работы в 2 миллиарда фунтов стерлингов. Казалось, что золотой дождь посыплется на Европу и создаст общее благополучие. Таким образом разрушение Европы, разорение ее городов и деревень в этой фантастической цифре займа превращались в богатство, хотя на деле это была лишь гигантская тень нищеты. Действительность, однако, скоро выбила буржуазию из этого мира фантазий. Я уже говорил, как начался кризис в Японии (в марте), в Соединенных Штатах (в апреле), перешел затем на Англию, Францию, Италию и во второй половине года распространился по всему миру. Из всего того, что мною изложено до сих пор, совершенно очевидно, что мы имеем перед собою не простое колебание очередного промышленного цикла, а расплату за разрушения и расходы всей военной и после-военной эпохи.

В 1913 году чистый ввоз всех государств составляли 65—70 миллиардов золотых марок. Из этой суммы на Россию приходилось $2^1/_2$ миллиарда, на Австро-Венгрию—3 миллиарда, на Балканы—миллиард, на Германию—11 миллиардов золотых марок. Таким образом на долю средней и Восточной Европы приходилось больше четвертой части мирового ввоза товара. В настоящее время все эти страны ввозят менее одной

ницей прежнего своего ввоза. Эта одна цифра достаточно характеризует нынешнюю покупательную способность Европы.

Каковы же ближайшие экономические перспективы?

Совершенно очевидно, что Америке придется сжаться, так как военного европейского рынка ей не вернуть. С другой стороны, Европе придется тоже выравниваться по наиболее отсталым, т.-е. наиболее разоренным областям и отраслям промышленности. Это будет экономическое равнение назад, стало быть, длительный кризис, в отдельных отраслях и странах—застой, в других—слабое развитие. Циклические колебания будут продолжаться, но в общем кривая капиталистического развития будет клониться не вверх, а вниз.

Кризис, подъем и революция.

Взаимоотношение между экономическим подъемом, кризисом и развитием революции имеет для нас большой не только теоретический, но прежде всего практический интерес. Многие из вас помнят, что Маркс и Энгельс в 1851 году,—когда подъем сказался во всей своей силе,—писали, что ныне нужно признать революцию 1848 года законченной, или, по крайней мере, прерванной до нового кризиса. Энгельс писал, что кризис 1847 года был матерью революции, а подъем 1849—1851 годов был матерью победоносной контр-революции. Было бы, однако, очень односторонне и в корне неправильно истолковывать эти суждения в том смысле, будто кризис всегда производит революционное действие, а подъем, наоборот, успокаивает рабочий класс. Революция 1848 года родилась не из кризиса. Он был только последним толчком. По существу революция возникла из противоречий между потребностями капиталистического развития и оковами полуфеодального общественного и государственного строя. Революция 1848 года, нерешительная и половинчатая, смела, однако, остатки цехового и крепостного режима и тем раздвинула рамки капиталистического развития. В этих условиях, и только в этих, подъем 1851 года явился началом целой эпохи капиталистического расцвета, который продолжался до 1873 года.

Можно ли ждать такого же действия со стороны подъема 1919—1920 годов? Ни в каком случае. Тут не было и в помине

расширения рамок капиталистического развития. Значит ли это, что в дальнейшем, и даже более или менее близком, будущем исключен новый торгово-промышленный подъем? Ни в каком случае! Я уже говорил, что, пока капитализм живет, он вдыхает и выдыхает. Но в ту эпоху, в какую мы вступили,—в эпоху расплаты за истощение и истребление войны, в эпоху равнения *назад*,—подъемы могут иметь лишь поверхностный, преимущественно спекулятивный характер, кризисы же—более длительный и глубокий.

Возможно ли в таком случае восстановление капиталистического равновесия на новых основаниях? Если допустить,—сделаем это на время,—что рабочий класс не поднимется на революционную борьбу, а даст возможность буржуазии в течение долгого ряда лет,—скажем двух-трех десятилетий,—править судьбами мира, то несомненно, что установится некоторое новое равновесие. Европа сильно осадит назад. Миллионы европейских рабочих вымрут от безработицы и недоедания. Соединенным Штатам придется заново ориентироваться на мировом рынке, перегруппировывать свою промышленность, *осаживать назад на продолжительный срок*. После того, как таким болезненным путем в течение 15—20—25 лет установилось бы новое мировое разделение труда, могла бы, может быть, начаться новая эпоха капиталистического подъема.

Но все это рассуждение очень отвлеченно и односторонне. Мы представляем себе тут дело так, как если бы пролетариат прекратил борьбу. *Между тем об этом не может быть и речи уже по тому одному, что классовые противоречия достигли именно за последние годы чрезвычайной остроты.*

Обострение социальных противоречий.

Экономическое развитие не есть автоматический процесс. Я говорил до сих пор о производственных основах, но ведь дело ими не ограничивается. На этих основах живут и работают люди, и через этих людей совершается развитие. Что же произошло в области отношений между людьми, или точнее между классами? Мы видели, что Германия, да и другие страны Европы, отброшены на 20—30 лет назад в смысле своего хозяйственного уровня. Но отброшены ли они назад одно-

временно в социальном, классовом смысле? Ничего подобного. Классы Германии, число рабочих и их концентрированность, концентрация капитала, его организованность,—все это складывалось до войны, особенно в результате последнего двадцатилетнего расцвета (1894—1913),—а затем еще более обострилось—во время войны при содействии государственного вмешательства, после войны—в эпоху спекулятивной горячки и концентрации капитала. Мы имеем таким образом два процесса развития. Национальное богатство и национальный доход падают, *но развитие классов идет при этом не назад, а вперед*. Число пролетаризованных увеличивается, капиталы концентрируются во все меньшем числе рук, банки сливаются воедино, промышленные предприятия сосредоточиваются в трестах. Вследствие этого борьба классов на основе уменьшающегося национального дохода неизбежно обостряется. В этом вся суть. Чем меньше становится под ногами материальный фундамент, тем больше должны бороться классы и группы за свою долю в этом национальном доходе. Этого обстоятельства нельзя ни на минуту упускать из виду. Если Европа по национальному богатству отброшена на 30 лет назад, то это вовсе не значит, что она стала на 30 лет моложе. Нет, она стала на 30 лет беднее, а в классовом смысле она стала на 300 лет старше. Так обстоит дело со взаимоотношением пролетариата и буржуазии.

Крестьянство.

В первый период войны говорили и писали, что крестьянство наживается на войне во всей Европе. И действительно, хлеб и мясо нужны были государству для армии до зарезу. За все это платили бешеные цены, которые все поднимались,—и крестьяне набивали свои карманы кредитками. Этими все более обесценивавшимися кредитками крестьяне заплатили долги, которые они раньше сделали по полновесной валюте. Это была для них, конечно, очень выгодная операция.

Буржуазные экономисты считали, что процветание крестьянского хозяйства обеспечит после войны устойчивость капитализма. Но они просчитались. Крестьяне заплатили ипотеки, но сельское хозяйство вовсе не состоит в одной только уплате долгов в банк. Оно состоит в обработке земли, в

удобрении, в инвентаре, в хороших семенах, в улучшении техники и т. д. Этого либо не было вовсе, либо стоило бешеных денег. К тому же рабочих рук не хватало, сельское хозяйство падало, и крестьяне после первого полу-фиктивного подъема стали разоряться. Этот процесс наблюдается в разной степени во всей Европе. Но особенно резко он сказался в Америке. Чрезвычайно пострадали американские, канадские, австралийские и южно-американские фермеры, когда обнаружилось, что разоренная Европа не способна более покупать их хлеба. Цена на хлеб пала. Среди фермеров идет брожение и недовольство во всем мире. *Крестьянство перестает таким образом быть устоем порядка. Перед рабочим классом открывается возможность увлечь за собою на борьбу, по крайней мере, часть крестьянства (низы), нейтрализовать другую часть (середняков), изолировать и парализовать верхи (кулаков).*

Новое среднее сословие.

Реформисты возлагали на так называемое среднее сословие большие надежды. Инженеры, техники, врачи, адвокаты, бухгалтеры, конторщики, чиновники, государственные и частные, и проч., — все это полу-консервативный слой, который стоит между капиталом и трудом и должен был, по мысли реформистов, примирять обе стороны, направлять и в то же время поддерживать демократический режим. Этот класс за время войны и после войны пострадал даже больше, чем рабочий класс, т.-е. уровень его жизни ухудшился в большей степени, чем уровень жизни рабочего класса. Основная причина этого—падение покупательной силы денег, обесценение кредиток. Во всех странах Европы резкое недовольство на этой почве охватило низшее и даже среднее чиновничество и техническую интеллигенцию. В Италии, например, как раз сейчас идет острая стачка чиновников. Конечно, государственные и частные чиновники, служащие банков и проч. и проч. не стали пролетарским классом, но они утеряли свой прежний консервативный характер. Они не столько поддерживают государство, сколько расшатывают и потрясают его аппарат своим недовольством и протестами.

Недовольство буржуазной интеллигенции усугубляется еще ее тесной связью с торгово-промышленной мелкой и

средней буржуазией. Эта последняя чувствует себя обойденной и обездоленной. Трестированная буржуазия продолжает богатеть, несмотря на разорение страны. Она захватывает все большую и большую долю в уменьшающемся национальном доходе. Нетрестированная буржуазия и новое среднее сословие падают и абсолютно и относительно.

Что касается пролетариата, то весьма вероятно, что, несмотря на ухудшение уровня его существования, общая его доля в уменьшающемся национальном доходе теперь больше, чем до войны. Трестированный капитал стремится уменьшить долю рабочего, сведя ее к довоенным размерам. Рабочий же исходит не из статистических выкладок, а из понижения своего жизненного уровня и стремится увеличить свою долю в национальном доходе. *Итак, крестьяне недовольны упадком хозяйства, интеллигенция беднеет, опускается; мелкая и средняя буржуазия разорена и недовольна. Классовая борьба обостряется.*

Международные отношения.

Международные отношения играют, разумеется, огромную роль в жизни капиталистического мира. Последний это слишком ясно почувствовал во время мировой войны. И сейчас, когда мы ставим вопрос о возможности или невозможности для капитала восстановить свое мировое равновесие, необходимо посмотреть, в каких международных условиях происходит эта восстановительная работа. Нетрудно убедиться, что международные отношения стали гораздо более напряженными, гораздо менее совместимыми с «мирным» развитием капитала, чем это было до войны.

Почему произошла война? Потому, что производительным силам стало тесно в рамках наиболее могущественных капиталистических государств. Стремление империалистического капитала состояло в том, чтобы упразднить государственные границы и весь земной шар захватить себе, устранить таможни, перегородки, стесняющие развитие производительных сил. В этом экономическая основа империализма и причины войны. А результат? Европа сейчас богаче границами и таможнями более, чем когда бы то ни было. Образовался ряд мелких государств. На месте бывшей Австро-

Венгрии теперь проложен десяток таможенных линий. Англичанин Кинс назвал Европу сумасшедшим домом, и действительно, с точки зрения экономического развития, весь этот партикуляризм мелких государств со своей замкнутостью, таможенной системой и проч. представляется чудовищным анахронизмом, сумасшедшим внедрением средневековья в двадцатое столетие. В то время, как Балканский полуостров варваризируется, Европа балканизируется.

Отношения Германии и Франции попрежнему исключают возможность какого бы то ни было европейского равновесия. Франция вынуждена грабить и насиловать Германию для того, чтобы поддерживать свое классовое равновесие, которому не отвечает истощенный фундамент французского хозяйства. Германия не может и не сможет оставаться объектом этого грабежа. Сейчас, правда, достигнуто соглашение. Германия обязалась уплачивать ежегодно 2 миллиарда марок золотом и, кроме того, 26% со своего вывоза. Эта сделка представляет собою победу английской политики, которая стремится помешать французской оккупации Рура. Сейчас главная масса европейской железной руды находится в руках Франции, главная масса угля в руках Германии. Первейшим условием возрождения европейского хозяйства является производственное сочетание французской руды с немецким углем, а такое сочетание, безусловно необходимое для хозяйственного развития, смертельно опасно для английского капитализма. Все усилия Лондона направлены поэтому на то, чтобы помешать как наступательному, так и мирному сочетанию французской руды с немецким углем.

Франция временно приняла компромисс, тем более, что при своем расстроенном производственном аппарате она неспособна переварить и тот уголь, который ей принудительно доставляет теперь Германия. Но это вовсе не значит, что вопрос о Руре решен окончательно. Первая же неустойка со стороны Германии в деле ее контрибуционных обязательств неизбежно снова поставит вопрос о судьбе Рура.

Рост европейского, а отчасти и мирового влияния Франции за последний год определяется не усилением Франции, а явным и прогрессирующим ослаблением Англии.

Великобритания победила Германию. Это был главный вопрос, который разрешился последней войной. И война по

существу была не мировой, а европейской, хотя борьба двух могущественнейших европейских государств — Англии и Германии — и разрешилась при участии сил и средств всего мира. Англия победила Германию. Но сейчас Англия на мировом рынке и вообще в мировой обстановке гораздо слабее, чем была до войны. Соединенные Штаты выросли за счет Англии гораздо больше, чем Англия—за счет Германии.

Америка бьет Англию, прежде всего, более рациональным, более прогрессивным характером своей промышленности. Производительность труда американского рабочего на 150% выше производительности труда английского рабочего. Другими словами, два американских рабочих, благодаря более совершенно поставленной промышленности, производят столько, сколько пять английских. Один этот факт, засвидетельствованный английскими статистическими исследованиями, свидетельствует, что Англия в борьбе с Америкой обречена, и этого одного достаточно, чтобы толкнуть Англию на путь войны с Америкой, пока английский флот сохраняет перевес на океанах.

Американский уголь вытесняет английский во всем мире, и даже в самой Европе. А между тем, мировая торговля Англии опиралась, прежде всего, на вывоз угля. Кроме того, нефть получает теперь решающее значение для промышленности и обороны: она не только питает автомобили, тракторы, подводные лодки, аэропланы, но имеет огромные преимущества по сравнению с углем также для больших океанских кораблей. До 70% мирового потребления нефти добывается в пределах Соединенных Штатов. Стало быть, в случае войны вся эта нефть оказывается в руках Вашингтонского правительства. Кроме того, Америка держит в своих руках мексиканскую нефть, которая дает до 12% мировой добычи. Правда, американцы обвиняют Англию в том, что за пределами Соединенных Штатов Англия скопила до 90% мировых источников нефти и не допускает к ним американцев, тогда как американские источники будут-де в ближайшие годы исчерпаны. Но все эти геолого-статистические вычисления довольно сомнительны и произвольны. Они сделаны по заказу для того, чтобы оправдать претензии Америки на нефть в Мексике, Месопотамии и т. д. Но если бы

действительно опасность истощения американских источников оказалась реальной, то это было бы еще одной причиной, способной ускорить войну между Соединенными Штатами и Англией.

Острым вопросом является задолженность Европы Америке. Долг составляет в общем 18 миллиардов долларов. Соединенные Штаты всегда имеют возможность создать величайшие затруднения на английском денежном рынке предъявлением требований об уплате. Как известно, Англия даже предлагала Америке отказаться от английского долга, обещая, в свою очередь, отказаться от европейского долга Англии. Так как Англия должна Америке значительно больше, чем ей самой должны континентальные страны Антанты, то Англия при этой операции должна была остаться в барышах. Америка отказалась. Не трудно понять, что капиталистические янки не оказались склонны финансировать на собственные средства подготовку Великобритании к войне с Соединенными Штатами.

Союз Англии с Японией, которая борется с Америкой за преобладание на азиатском материке, также чрезвычайно обостряет отношение Америки и Англии.

Но самый острый характер, ввиду всех указанных условий, приобретает вопрос о военном флоте. Правительство Вильсона, натолкнувшись на сопротивление Англии в мировых вопросах, создало гигантскую программу мирного строительства. Правительство Гардинга приняло эту программу от своего предшественника, и программа выполняется полным ходом. В 1924 г. флот Соединенных Штатов будет не только несравненно более могущественным, чем английский флот, но будет,—если не по тоннажу, то по боевой силе,—превосходить английский флот вместе с японским.

Что это означает с английской точки зрения? Либо Англия должна до 1924 года принять вызов и попытаться разрушить военное, морское и экономическое могущество Соединенных Штатов, пользуясь своим нынешним превосходством, либо же Англия должна пассивно превратиться в державу второго или третьего порядка, окончательно сдав Соединенным Штатам господство на океанах и морях. Таким образом последняя бойня народов, «разрешившая» по-своему европейский вопрос, тем самым поставила во всем объеме

мировой вопрос, т.-е. вопрос о том, господствовать ли Англии или Соединенным Штатам? Подготовка к новой мировой войне идет полным ходом. Расходы на армию и флот чрезвычайно выросли по сравнению с довоенным временем. Английский военный бюджет вырос в три раза, американский—в три с половиной раза.

1 января 1914 года, т.-е. в момент наивысшего напряжения «вооруженного мира», во всем мире стояло под штыками около 7 миллионов солдат. В начале нынешнего года под штыками стояло около 11 миллионов солдат. Главная масса этих армий ложится, разумеется, на истощенную Европу [1]).

Острый кризис, выросший из сужения мирового рынка, чрезвычайно обостряет борьбу капиталистических государств, лишая мировые отношения всякой устойчивости. Не только Европа, но и весь мир становится сумасшедшим домом! В этих условиях не приходится говорить о восстановлении капиталистического равновесия.

Рабочий класс после войны.

Сейчас же после войны буржуазия была растеряна и напугана до последней степени,—рабочие, особенно те, которые возвращались из армии, были настроены требовательно. Но рабочий класс в целом был дезорпентирован, не знал точно, как сложится жизнь после войны, чего и как требовать, по какому пути итти... Движение, как мы видели в самом начале доклада, приняло чрезвычайно бурный характер, но твердого руководства у рабочего класса не было. С другой стороны, буржуазия шла на очень большие уступки. Она продолжала военный финансовый и экономический режим (займы, выпуски кредиток, хлебная монополия, обеспечение безработных рабочих масс и проч. и проч.). Другими словами, правительствующая буржуазия продолжала расстраивать хозяйственный фундамент и все больше разрушать равновесие, — производственное и финансовое, — для того, чтобы поддержать на самый острый период равновесие классов. До сих пор ей это более или менее удавалось.

Теперь она переходит к решению вопроса о восстановлении хозяйственного равновесия. Здесь дело идет не о

[1]) См. диаграммы.

временных уступках и подачках рабочему классу, но о мерах основного характера. Нужно восстановить расстроенный производственный аппарат. Нужно восстановить валюту, ибо мировой рынок немыслим без всеобщего мирового эквивалента, а, стало быть, немыслима и «уравновешенная» национальная промышленность, связанная с мировым рынком.

Восстановить производственный аппарат—значит урезать работу на предметы потребления и увеличить работу на средства производства. Нужно усилить накопление, т.-е. повысить интенсивность труда и понизить заработную плату.

Чтобы восстановить валюту, нужно, помимо отказа от уплаты непосильных долгов, улучшить торговый баланс, т.-е. меньше ввозить и больше вывозить. А для этого нужно меньше потреблять и больше производить, т.-е. опять-таки понизить заработную плату и повысить напряженность труда.

Всякий шаг, направленный на восстановление капиталистического хозяйства, связан с повышением нормы эксплоатации и, стало быть, будет вызывать неизбежное сопротивление со стороны рабочего класса. Другими словами, каждое усилие буржуазии восстановить равновесие в производстве, в распределении, в государственных финансах неизбежно нарушает неустойчивое равновесие классов. Если в течение двух лет после войны буржуазия в своей хозяйственной политике руководствовалась, прежде всего, стремлением утихомирить пролетариат, хотя бы и ценою дальнейшего разрушения хозяйства, то теперь, в эпоху небывалого кризиса, она стала направлять хозяйственное положение путем все возрастающего нажима на рабочий класс.

В Англии мы ярче всего видим, как этот нажим порождает отпор. А отпор рабочего класса нарушает устойчивость хозяйства и превращает в пустой звук все речи о восстановлении равновесия.

Бесспорно, борьба пролетариата за власть затянулась. Она не оказалась сплошным штурмом, она не дала картины непрерывного ряда все повышающихся волн, из которых последняя смывает капиталистический строй.

В этой борьбе мы наблюдали и повышения, и понижения, и оборону, и защиту. Классовое маневрирование с нашей стороны далеко не всегда было искусно. Причина тут двоякого рода. Во-первых, слабость коммунистических пар-

тий, возникших только после войны, без необходимого опыта, без необходимого аппарата, без достаточного влияния и без,— а это главное,—достаточного внимания к рабочим массам. В этой области за последние годы мы во всяком случае сделали большой шаг вперед. Коммунистические партии окрепли и развернулись. Второй причиной затяжного и нервного характера борьбы является разнородный состав самого рабочего класса, каким он вышел из войны.

Меньше всего война потрясла рабочую бюрократию, профессиональную, партийную и парламентскую. Капиталистические государства во всех странах отнеслись чрезвычайно внимательно и бережно к этой надстройке, прекрасно понимая, что без нее не удалось бы удержать в повиновении рабочий класс в течение кровавых лет. Рабочая бюрократия получала всякие привилегии и вышла из войны с теми навыками тупоумного консерватизма, с какими вошла в войну, только более скомпрометированная, более тесно связанная с капиталистическими государствами. Квалифицированные рабочие старшего поколения, привыкшие к своей профессиональной и партийной организации, особенно в Германии, остаются в значительной мере и сейчас опорой рабочей бюрократии, но устойчивость их вовсе не абсолютная. Рабочие, которые прошли через школу войны,—а это сердцевина рабочего класса,—внесли в пролетариат, новую психологию, новые навыки и новые отношения к вопросам борьбы, жизни и смерти. Они готовы разрешать вопросы силой, но на войне они усвоили, что успешное применение силы предполагает правильную тактику и стратегию. Эти элементы пойдут в бой, но они хотят твердого руководства и серьезной подготовки. Многие отсталые категории рабочих, в том числе женщины-работницы, число которых чрезвычайно возросло за время войны, стали теперь, в силу резкого поворота своего сознания, наиболее боевою, хотя и не всегда сознательною частью рабочего класса. Наконец, на крайне левом фланге мы видим рабочую молодежь, которая выросла за время войны под грохот боев и революционных потрясений и которой предстоит занять большое место в предстоящей борьбе.

Вся эта, чрезвычайно возросшая, пролетарская масса,— старых рабочих и рабочих новобранцев, рабочих, остававших-

ся в тылу, и рабочих, проведших несколько лет под огнем,— вся эта многомиллионная масса неодинаково и неодновременно проходит революционную школу.

Мы это видели снова на примере мартовских событий в Германии, где рабочие средней Германии, которые до войны были самым отсталым элементом, в марте рвались в бой, не задаваясь вопросом о том, обещает ли он победу,— тогда как берлинские рабочие или саксонские успели за время революционных боев наверстать опыт и стали осторожнее. Несомненно, что общий ход послевоенной борьбы и особенно нынешний поход капитала объединяет все слои рабочего класса за исключением его привилегированных верхов. Коммунистическая партия получает все больше и больше возможности установить действительное единство фронта рабочего класса.

Ближайшие перспективы и задачи.

Революция имеет перед собой три источника, которые связаны между собой.

Первым источником революции является упадок Европы. Классовое равновесие в Европе держалось на господствующем положении, прежде всего, Англии на мировом рынке. Ныне это господствующее положение ею окончательно утеряно и—не вернется. Отсюда неизбежны могучие революционные потрясения, которые могут закончиться либо победой пролетариата, либо полным упадком Европы.

Вторым источником революционной борьбы является резкие сотрясения всего экономического организма Соединенных Штатов. Небывалый подъем, вызванный европейской войною, а затем—жестокий кризис, порожденный длительными последствиями этой войны. Революционное движение американского пролетариата может в этих условиях принять такой же небывалый в истории темп, какой приняло экономическое развитие Соединенных Штатов за последние годы.

Третьим источником революционной борьбы является индустриализация колоний и прежде всего Индии. Основой борьбы колоний за освобождение является крестьянская масса. Но борьба этой последней нуждается в руководстве. Такое руководство давала туземная буржуазия. Борьба этой

последней против чужестранного империалистического владычества не может, однако, быть ни последовательной, ни энергичной, так как сама туземная буржуазия, тесно связанная с иностранным капиталом, является в значительной мере его агентурой. Только возникновение довольно многочисленного туземного пролетариата, способного к борьбе, создает действительный стержень для революции. Количество индуского пролетариата в сравнении со всем населением страны, разумеется малочисленно, но кто понял смысл развития революции в России, тот отдаст себе отчет в том, что революционная роль пролетариата в странах Востока будет гораздо выше, чем его численность. Это относится не только к чисто колониальным странам, как Индия, к полуколониальным, как Китай, но и к Японии, где капиталистический гнет сочетается с феодально-кастовым бюрократическим абсолютизмом.

Таким образом мировая обстановка и дальнейшие перспективы имеют глубоко революционный характер.

Когда буржуазия после войны прибегла к подачкам рабочему классу, соглашатели услужливо превратили эти подачки в реформы (8-часовой рабочий день, страхование безработных и проч.) и открыли,—на развалинах,—эру реформизма. Теперь буржуазия перешла в контр-наступление по всей линии и даже английский «Times»—архикапиталистический орган,—со страхом говорит о капиталистических большевиках. Нынешняя эпоха есть эпоха контр-реформизма. Английский пацифист Норман Энджел называет войну ложным расчетом. Опыт последней войны действительно показал, что расчет, с точки зрения бухгалтерии, был ложный. После войны могло казаться, что наступает торжество пацифизма, и что Лига наций является его выражением. Теперь мы видим, что расчет пацифизма был ложным расчетом. Никогда еще капиталистическое человечество не готовилось с таким остервенением к новой войне, как теперь. Иллюзии демократии разоблачаются даже перед консервативнейшими слоями рабочего класса. Еще недавно демократии противопоставлялась только диктатура пролетариата с ее терроризмом, Ч. К. и проч. и проч. Теперь демократия все больше противопоставляется всяким и всем формам классовой борьбы. Ллойд-Джордж предложил углекопам обратиться со своим

ходатайством в парламент и объявил их стачку насилием над национальной волей.

Немецкие рабочие в гогенцоллернском режиме находили известную устойчивость, определенные границы. Рабочие в общем знали, что можно, чего нельзя делать. В республике Эберта рабочий-стачечник всегда рискует быть зарезанным на улице или в полицейском застенке без всяких дальнейших последствий. Эбертовская «демократия» дает немецким рабочим то же, что высокая заработная плата в обесцененных бумажках.

Задача коммунистической партии состоит в том, чтобы охватить создавшуюся обстановку в целом и активно вмешаться в борьбу рабочего класса для того, чтобы на основе этой борьбы завоевать большинство рабочего класса. *Если обстановка в той или другой стране крайне обострится, мы должны поставить основные вопросы ребром и должны драться в том виде, в каком нас застанут события.* Если же развитие событий пойдет более планомерно, мы должны использовать все возможности для того, *чтобы до решающих событий иметь за собой большинство рабочего класса.*

Сейчас в оборонительной экономической борьбе на почве кризиса коммунисты должны принять самое активное участие во всех профсоюзах, во всех стачках и выступлениях, во всяких движениях, всегда сохраняя в работе внутреннюю связь между собой и всегда выступая как наиболее решительное дисциплинированное крыло рабочего класса. В зависимости от хода кризиса и политической обстановки оборонительная экономическая борьба может раздвигаться, охватывая все новые слои рабочего класса, населения и армии безработных, и, превратившись на известной стадии в революционную наступательную борьбу, завершится победой. Наши усилия должны быть направлены именно сюда.

Но если на смену кризису придет улучшение мировой экономической конъюнктуры? Будет ли это значить, что революционная борьба приостановлена на неопределенное время?

Из всего моего доклада, товарищи, вытекает, что новый подъем, который не сможет быть ни длительным, ни глубоким, отнюдь не будет приостановкой революционного развития. Промышленный подъем 1849—1851 годов ударил по ре-

волюции только потому, что революция 1848 года расширила рамки капиталистического развития. Что касается событий 1914—1921 годов, то они не расширили, а крайне сузили рамки мирового рынка, и потому кривая капиталистического развития в целом будет в ближайший период скорее направляться вниз. В этих условиях временный подъем сможет только укрепить классовое самочувствие рабочих, уплотнить их ряды не только на заводах, но и в борьбе, и даст толчок не только их экономическому контр-наступлению, но и их революционной борьбе за власть.

Обстановка становится для нас все более благоприятной, но и крайне сложной. Победа не дастся нам автоматически. Почва под врагом подкопана, но враг силен, зорко видит наши слабые места, лавирует, маневрирует, всегда руководясь холодным расчетом. Из опыта наших боев за эти три года, особенно из опыта наших ошибок и неудач, нам,—всему Коммунистическому Интернационалу,—нужно многому научиться. Гражданская война требует политического, тактического и стратегического маневрирования, учета особенностей каждой данной обстановки, сильных и слабых сторон врага, сочетания энтузиазма с холодным расчетом, способности не только наступать, но и готовности временно отступать для сбережения сил и нанесения тем более верного удара.

Повторяю, мировая обстановка и дальнейшие перспективы глубоко революционны. Это создает необходимую предпосылку нашей победы. Но полную гарантию может дать нам только наша умелая тактика, наша крепкая организация. Поднять Коммунистический Интернационал на более высокую ступень, сделать его тактически более сильным—такова основная задача 3-го Конгресса Коммунистического Интернационала.

II. ШКОЛА РЕВОЛЮЦИОННОЙ СТРАТЕГИИ

ТРЕТИЙ КОНГРЕСС КОММУНИСТИЧЕСКОГО ИНТЕРНАЦИОНАЛА

Материальные предпосылки революции

Товарищи! Теория марксизма впервые установила внутреннюю обусловленность и закономерность исторического развития. В отношении к революциям теория Маркса, пером самого Маркса в предисловии к его труду «К критике политической экономии», установила, примерно, следующее положение: ни один общественный строй не сходит со сцены до тех пор, пока не разовьет производительных сил до максимума, допустимого данным общественным строем, и никакой новый общественный строй не появляется на сцене, если уже в старом общественном строе не заложены были для него необходимые хозяйственные предпосылки. Эта основная для революционной политики истина совершенно неоспоримо сохраняет для нас все свое руководящее значение и сейчас. Но марксизм не раз понимался механически, прямолинейно и потому ошибочно. Неправильные выводы можно сделать и из приведенного положения. Маркс говорит, что общественный строй должен сойти со сцены тогда, когда в его рамках производительные силы—техника, власть человека над природой—не могут более развиваться. С точки зрения марксизма историческое общество, как таковое, есть организация коллективного, множественного человека с целью увеличения его власти над природой. Эта цель, конечно, не извне поставлена людям, но они сами в своем развитии борются за нее, приспособляясь к объективным условиям среды и все более и более повышая свою власть над стихийными силами природы. То положение, что для революции—для социальной, глубокой революции, а не для поверхностных политических переворотов, хотя бы и кровавых,—для социальной революции, которая один экономический строй сменяет другим хозяйственным строем, условия создаются только с того момента, когда старый социальный строй не дает больше простора развитию

производительных сил)—это положение вовсе не означает, что старый общественный строй сам собою неизбежно рушится с того момента, с которого он становится реакционным в хозяйственном смысле, т.-е. с того момента, когда он задерживает развитие технического могущества человека. Вовсе нет, ибо если производительные силы являются основною движущею силой исторического развития, то это развитие, однако, совершается не помимо людей, а через них. Производительные силы—могущество общественного человека над природою—складываются, правда, независимо от воли каждого отдельного человека и лишь в небольшой зависимости от общей воли людей, сегодня живущих, ибо техника представляет собою накопленный капитал, который мы получили от прошлого и который толкает нас вперед, а в известных условиях и задерживает нас,—но, когда производительным силам, технике становится слишком тесно в старых рамках, скажем, рабского, крепостного или буржуазного общества, и когда для дальнейшего развития человеческого могущества необходима перемена общественных форм, тогда это совершается не само собою, как солнце всходит и заходит, а должно совершиться через людей, через борьбу людей, объединенных в классы. На смену общественному классу, управлявшему старым обществом, которое стало реакционным, должен прийти новый общественный класс, который имеет программу нового общественного строя, отвечающего потребностям развития производительных сил, и готовность эту программу осуществить. Но вовсе не всегда так бывает, что когда данный общественный строй себя переживает, т.-е. когда он становится реакционным, то появляется новый класс, достаточно сознательный, организованный и сильный для того, чтобы сбросить старых хозяев жизни и проложить дорогу новым общественным отношениям. Это вовсе не всегда так бывает. Наоборот, в истории бывало не раз, что старое общество себя исчерпало, — например, римское рабское общество, а до него — древние азиатские цивилизации, где рабский фундамент не открывал места развитию производительных сил, — но в этом пережившем себя обществе не было нового класса, достаточно сильного, чтобы сбросить рабовладельцев и установить новый, крепостной строй, ибо крепостной строй, по сравнению с рабским, был уже на-

гом вперед. В свою очередь, в крепостном обществе не всегда находился в нужный час новый класс, буржуазия, чтобы сбросить крепостников и открыть дорогу историческому развитию. Не раз бывало в истории, что известное общество, нация, народ, племя, несколько племен и наций, живших в однородных исторических условиях, упирались в невозможность дальнейшего развития на данной хозяйственной основе, рабской, крепостной, но так как не было нового класса, который мог бы их вывести на большую дорогу, то они распадались, данная цивилизация, данное государство, данное общество разлагались. Таким образом человечество не всегда двигалось снизу вверх, по восходящей линии. Нет, бывали длительные периоды застоя и бывали рецидивы варварства. Общества поднимались вверх, достигали известного уровня, но на такой высоте не могли удержаться... Человечество не стоит на месте, его равновесие, вследствие классовой и национальной борьбы, неустойчиво, если нельзя двигаться вверх, общество падает вниз, и, если нет класса, который поднял бы его выше, оно распадается и открывает дорогу варварству.

Чтобы ясно представить себе этот крайне сложный вопрос, товарищи, недостаточно общих отвлеченных соображений, которые я сейчас развиваю. Молодым товарищам, мало искушенным в этих вопросах, необходимо почитать исторические произведения, чтобы овладеть фактическим материалом по истории разных стран и народов, в частности и особенности по экономической истории. Только тогда возможно более конкретно и отчетливо представить себе внутреннюю механику общества. Эту механику нужно ясно понимать, чтобы правильно применять марксизм к тактике, т.-е. на практике классовой борьбы.

Вопросы революционной тактики.

Некоторые товарищи представляют себе дело слишком просто, поскольку речь идет о победе пролетариата. Мы имеем сейчас не только в Европе, но и в мировом масштабе, такое положение, когда мы, с точки зрения марксизма, можем сказать с абсолютной уверенностью, что буржуазный строй себя исчерпал до дна. Производительные силы в рам-

ках буржуазного общества развиваться дальше не могут. Наоборот, то, что мы видим в течение последнего десятилетия, это распад, это разложение хозяйственных основ капиталистического человечества и механическое разрушение накопленных богатств. Мы живем теперь в условиях ужасающего, небывалого в мировой истории кризиса, который является не простым очередным, «нормальным» кризисом, неизбежным в процессе развития производительных сил при капитализме, а означает распад и разложение производительных сил буржуазного общества. Тут могут быть и будут колебания вверх и вниз, но в общем, как я излагал товарищам в этом самом зале месяца полтора тому назад, кривая экономического развития идет — через все колебания — не вверх, а вниз. Означает ли это, однако, что гибель буржуазии автоматически и механически предопределена? Нет. Буржуазия есть живой класс, который вырос на определенных хозяйственных, производственных основах. Этот класс есть не пассивный продукт экономического развития, а живая действующая активная историческая сила. Этот класс себя пережил, т.-е. стал самым страшным тормозом исторического развития. Но это вовсе не значит, что этот класс склонен к историческому самоубийству, что он готов сказать: «так как научная теория исторического развития признала меня реакционным, то я схожу со сцены». Об этом, конечно, не может быть и речи. С другой стороны, опять-таки вовсе не достаточно, чтобы коммунистическая партия признала буржуазный класс осужденным и подлежащим устранению, чтобы этим самым победа пролетариата была уже обеспечена. Нет, буржуазию нужно еще победить и повалить!

Если бы в рамках буржуазного общества мыслимо было в дальнейшем развивать производительные силы, то революция была бы вообще невозможной. Так как дальнейшее развитие производительных сил в рамках буржуазного общества немыслимо, то тем самым основное условие для революции на-лицо. Но революция сама по себе означает живую борьбу классов. Буржуазия, хотя бы и пришедшая в полное противоречие с потребностями исторического развития, все еще остается самым могущественным классом. Больше того, можно сказать, что политически буржуазия достигает

наибольшего могущества, наибольшего сосредоточения сил и средств, политических и военных средств обмана, насилия, провокации, то-есть расцвета своей классовой стратегии, в тот момент, когда ей ближе всего грозит социальная гибель. Война и ее страшные последствия,—а война возникла именно из того, что производительным силам некуда было больше развиваться в рамках буржуазного общества,—война и последствия войны, говорю, открыли перед буржуазией грозную опасность гибели. Это изощрило до последней степени ее инстинкт классового самосохранения. Чем больше опасность, тем больше класс, как и отдельный человек, изощряет свои жизненные силы для борьбы за самосохранение. Не забудем далее, что буржуазия оказалась лицом к лицу со смертельной опасностью после того, как она приобрела колоссальнейший политический опыт. Буржуазия создавала и разрушала всякие режимы. Она развивалась при чистом абсолютизме, при конституционной монархии, при парламентарной монархии, при демократической республике, при бонапартистской диктатуре, при государстве, связанном с католической церковью, при государстве, связанном с реформацией, при государстве, свободном от церкви, при государстве—гонителе церкви и пр. и пр. и пр... Весь этот разнообразнейший и богатейший опыт, который вошел в плоть и кровь правящих кругов буржуазии, ныне мобилизован ею для того, чтобы удержаться у власти во что бы то ни стало. И она действует с тем бо́льшей находчивостью, изощренностью, беспощадностью, чем яснее ее руководители сознают угрожающую им опасность.

С поверхностной точки зрения здесь как бы есть какое-то противоречие: мы буржуазию осудили судом марксизма, т.-е. судом научного познания исторического процесса признали ее пережившей себя, а в то же время она обнаруживает колоссальную живучесть. На самом деле тут никакого противоречия нет. Это и есть то, что в марксизме называется диалектикой. Суть дела состоит в том, что разные стороны исторического процесса,—экономика, политика, государство, рост рабочего класса,—не развиваются одновременно параллельными ниточками. Рабочий класс не развивается параллельно, точка в точку, по мере того, как растут производительные силы, а буржуазия вовсе не чахнет и не хиреет

параллельно с тем, как растет и крепнет пролетариат. Нет, история идет иначе. Производительные силы развиваются прыжками, временами мчатся вперед, иногда дают отбой назад. Буржуазия, в свою очередь, развивалась толчками. Точно так же и рабочий класс. В тот период, когда производительные силы капитализма достигли глухой стены, и дальше им некуда итти,—мы видим, как буржуазия собирает в своих руках армию, полицию, науку, школу, церковь, парламент, прессу, белые банды, натягивает крепко вожжи и мысленно говорит рабочему классу: «Да, мое положение опасно. Я вижу, что под моими ногами разверзается пропасть. Но мы посмотрим еще, кто в эту пропасть первым свалится. Может быть, перед моей гибелью, если даже она мне суждена, мне удастся свалить в бездну тебя, рабочий класс». Что это означало бы? Крушение европейской цивилизации в целом. Если бы буржуазия, исторически обреченная на гибель, нашла в себе достаточно силы, энергии, могущества, чтобы победить рабочий класс в страшной схватке, которая надвинулась, то это значило бы, что Европа обречена на экономическое и культурное разложение, как это произошло в прошлом со многими странами, нациями и цивилизациями. Другими словами, история привела дело к тому, что для спасения Европы и всего мира пролетарская революция стала безусловно необходима. История заложила основную предпосылку успеха этой революции — в том смысле, что общество не может дольше на буржуазных основах развивать свои производительные силы. Но этим история вовсе не берет на себя,—за рабочий класс, за политиков рабочего класса, за коммунистов,—разрешения всей задачи. Нет, она как бы говорит рабочему авангарду (представим себе на минуту историю в виде лица, над нами стоящего), она говорит рабочему классу: «Ты должен знать, что если ты буржуазию не повалишь, то погибнешь под обломками цивилизации. Попробуй, разреши эту задачу!» Таково сейчас положение вещей.

Мы видим, как в Европе, после войны, рабочий класс пытается полустихийно, полусознательно разрешить поставленную ему историей задачу. И тот практический вывод, к которому все мыслящие элементы рабочего класса в Европе и во всем мире должны были прийти за эти 3 года после

окончания мировой войны, гласит: низвергнуть буржуазию, хотя бы и осужденную историей, не так легко и просто, как могло казаться.

Тот период, в котором находится Европа и весь мир, является, с одной стороны, эпохой распада производительных сил буржуазного общества, а, с другой стороны, эпохой высшего расцвета контр-революционной стратегии буржуазии. Это надо ясно и отчетливо понять. Никогда контр-революционная стратегия, т.-е. искусство комбинированной борьбы против пролетариата всеми методами, от сладчайшей профессорско-поповской проповеди и до пулеметного расстрела стачечников, не достигала такой высоты, как сейчас.

Бывший американский статс-секретарь Лансинг в своей книге о Версальском мире рассказывает, что Ллойд-Джордж не знает географии, не знает экономики и пр. и пр. Мы склонны ему охотно в этом поверить. Но что тот же Ллойд-Джордж скопил в своей голове все навыки обмана и насилия над трудящимися, от самых изощренных и тонких и до самых кровожадных, усвоил себе весь опыт, который в этом отношении дала прошлая английская история, и все это развил и изощрил на опыте, который дали последние тревожные годы, это для нас совершенно несомненно. Ллойд-Джордж является в своем роде превосходным стратегом буржуазии, которой угрожает историческая гибель. И мы должны сказать, отнюдь не уменьшая этим ни настоящего, ни тем более будущего английской коммунистической партии, еще очень молодой,—мы должны сказать, что у английского пролетариата пока таких стратегов нет. Во Франции президент республики Мильеран, который когда-то принадлежал к партии рабочего класса, и Бриан, глава правительства, который когда-то распространял идею всеобщей стачки среди рабочих,—они весь богатый политический опыт французской буржуазии, и тот опыт, который они сами почерпнули в лагере пролетариата, поставили на службу делу буржуазии, как ее квалифицированные контр-революционные стратеги. В Италии, в Германии мы видим, с какой тщательностью буржуазия выдвигает из своей среды отдельных лиц или группы лиц, в которых сосредоточен весь опыт классовой борьбы буржуазии за ее развитие, обогащение, утверждение и самосохранение.

Школа революционной стратегии.

Задача рабочего класса — как европейского, так и мирового—состоит в том, чтобы продуманной до конца контр-революционной стратегии буржуазии противопоставить свою революционную стратегию, также продуманную до конца. Для этого нужно прежде всего ясно понять, что низвергнуть буржуазию автоматически, механически—только потому, что она осуждена историей—не удастся. На сложном поле политической борьбы есть, с одной стороны, буржуазия со своими силами и средствами, а, с другой стороны, рабочий класс, с разными своими слоями, настроениями, уровнями развития, со своей коммунистической партией, которая борется с другими партиями и организациями за влияние на рабочие массы. Коммунистическая партия, фактически все более становящаяся во главе рабочего класса Европы, должна в борьбе маневрировать, наступая, отступая, укрепляя свое влияние, завоевывая новые позиции, пока представится благоприятный момент, чтобы опрокинуть буржуазию. Повторяю: это сложная стратегическая задача, и последний конгресс поставил эту задачу во весь рост. С этой точки зрения можно сказать, что 3 Конгресс Коммунистического Интернационала был высокой школой революционной стратегии.

Первый Конгресс происходил в то время, когда после войны коммунизм только рождался, как европейское движение, и когда можно было с известным основанием считать и надеяться, что полустихийный напор рабочего класса опрокинет буржуазию, которая не успеет еще найти свою новую ориентировку и новые пункты опоры после войны. Такое настроение и ожидание в значительной мере оправдывалось тогдашним объективным положением вещей. Буржуазия была страшно запугана последствиями своей собственной военной политики, которая, в свою очередь, была ей навязана ее объективным положением. Я об этом говорил в своем докладе о мировом положении и повторяться сейчас не буду. Несомненно, во всяком случае, что в эпоху первого Конгресса (1919 г.) у всех у нас—у одних больше, у других меньше—был расчет на то, что стихийный напор рабочих и отчасти крестьянских масс в самом близком будущем свалит буржуазию. И, действительно, напор был колоссальный.

Число жертв было очень велико. Но буржуазия выдержала этот первый напор и именно потому снова укрепилась в своей классовой самоуверенности.

Второй Конгресс, в 1920 году, собирался на переломе; уже чувствовалось, что тут одним напором в несколько недель, в 1—2—3 месяца буржуазию не свалишь, что нужна более серьезная политическая и организационная подготовка. Но в то же время положение было очень острое. Как вы помните, Красная армия подступала к Варшаве, и можно было рассчитывать на то, что, ввиду революционного положения в Германии, Италии и др. странах, военный толчок, который, конечно, не может иметь самостоятельного значения, но как дополнительная сила, введенная в борьбу европейских сил, сдвинет лавину революции с временной мертвой точки. Этого не случилось. Мы были отбиты.

После второго Конгресса Коммунистического Интернационала все больше и больше выяснялась необходимость более сложной революционной стратегии рабочего класса. Мы видим, как рабочая масса, приобревшая уже серьезный послевоенный опыт, сама толкается в этом направлении, и результатом этого является прежде всего тот факт, что коммунистические партии всюду растут. В первый период миллионы рабочих в Германии бросались штурмом на старое общество, почти не обращая внимания на союз спартаковцев. Что это значило? Рабочей массе казалось после войны, что теперь нужно потребовать, напереть, ударить—и многое, если не все, изменится. Вот почему миллионам рабочих представлялось, что незачем тратить свою энергию на построение коммунистической партии. Между тем в течение последнего года коммунистические партии в Германии и Франции—двух важнейших странах европейского континента—из кружков стали организациями, охватывающими сотни тысяч рабочих. В Германии—около 400.000, во Франции—120—130 тыс., что для французских условий очень высокая цифра. Это обстоятельство показывает, насколько рабочая масса за этот период почувствовала, что без особой организации, где рабочий класс обдумывает свой опыт и делает из него выводы,—словом, без централизованного партийного руководства,—победить нельзя. В этом состоит огромное завоевание истекшего периода—в создании массовых коммунистических партий, к

которым нужно причислить еще чехо-словацкую партию, насчитывающую 350.000 членов. (После объединения с немецкой коммунистической организацией Чехо-Словакии партия будет насчитывать до 400.000 при населении в 12 миллионов!)

Было бы, однако, ошибочно ожидать, что эти молодые коммунистические партии, едва возникнув, усвоили себе искусство революционной стратегии. Нет! Об этом слишком ярко свидетельствует тактический опыт последнего года. И третий съезд с этим вопросом столкнулся вплотную.

Последний Конгресс, если говорить в самых общих чертах, имел перед собою две задачи. Одна состояла и состоит в том, чтобы очищать рабочий класс, и в том числе наши собственные коммунистические ряды, от таких элементов, которые *не хотят* борьбы, которые боятся борьбы, и свое нежелание борьбы, свою внутреннюю склонность к соглашению с буржуазным обществом, прикрывают теми или иными теориями. Очищение рабочего движения в целом, а тем более коммунистических рядов, от реформистских, центристских, полуцентристских элементов и настроений имеет двоякий характер: если дело касается сознательных центристов, законченных соглашателей и полусоглашателей—прямое изгнание их из рядов коммунистической партии и рабочего движения; поскольку же дело касается неопределенных полуцентристских настроений—твердое руководящее воздействие на них и вовлечение таких элементов в революционную борьбу. Это первая задача Коммунистического Интернационала—очищение партии рабочего класса от элементов, которые не желают борьбы и тем самым парализуют борьбу пролетариата. Но есть вторая задача, которая не менее важна: *научиться искусству борьбы*,—искусству, которое вовсе не сваливается на рабочий класс или на его коммунистическую партию, как дар с небес. Искусству тактики и стратегии, искусству революционной борьбы можно научиться только на опыте, путем критики и самокритики. Мы говорили молодым коммунистам на 3-м Конгрессе: «Товарищи, мы хотим не только героической борьбы,—мы хотим прежде всего *победы*». Мы видели не мало героической борьбы в Европе за последние годы, особенно в Германии. Мы видели в Италии широкую революционную борьбу, гражданскую войну с ее неизбежными жертвами. Конечно, не каждая борьба приво-

дит к победе. Поражения неизбежны. Но эти поражения не должны происходить по вине партии. Между тем мы видели много явлений и приемов борьбы, которые не ведут к победе и не могут к ней вести, ибо они сплошь да рядом продиктованы революционным нетерпением, а не политической мыслью. Этим и определялась идейная борьба, которая была на 3-м Конгрессе Интернационала. Должен, товарищи, оговориться, что эта борьба отнюдь не имела какого-либо ожесточенного, «фракционного» характера. Наоборот, на Конгрессе господствовала глубоко товарищеская, серьезная, деловая атмосфера, и идейная борьба имела характер строго принципиального и в то же время делового обмена мнений.

Конгресс был большим революционно-политическим Советом рабочего класса, и тут, на этом Совете, мы, представители разных стран, на опыте этих стран, с одной стороны, проверили и практически снова подтвердили и уточнили наши тезисы о необходимости очищения рабочего класса от элементов, которые не хотят борьбы и неспособны к борьбе, с другой стороны, мы впервые ребром и во всем объеме поставили вопрос о том, что революционная борьба за власть имеет свои законы, свои приемы, свою тактику, свою стратегию,—и кто этим искусством не овладеет, тот не будет знать победы.

Центристские тенденции в итальянском социализме.

Задачи борьбы с элементами центристскими или полуцентристскими яснее всего встали на вопросе об итальянской Социалистической партии. Вы знаете историю этого вопроса. Итальянская Социалистическая партия проделала значительную внутреннюю борьбу и раскол еще до империалистической войны. Это очистило ее от худших шовинистов. Кроме того, Италия вступила в войну 9-ю месяцами позже, чем другие страны. Это облегчило итальянской Социалистической партии ее анти-военную политику. Партия не ударилась в патриотизм, а сохранила критическую позицию по отношению к войне и правительству. Это толкнуло ее на участие в анти-милитаристской конференции в Циммервальде, хотя ее интернационализм имел довольно бесформенный вид. В дальнейшем авангард итальянского рабочего класса толк-

нул руководящие круги партии еще далее влево, и партия оказалась в Третьем Интернационале—вместе с Турати, который доказывает в своих речах и в своих статьях, что III Интернационал есть не что иное, как дипломатическое оружие в руках Советской власти, которая, под видом интернационализма, ведет борьбу за «национальные» интересы русского народа. Разве не чудовищно слышать такие суждения из уст—с позволения сказать—«товарища» по III Интернационалу? Ненормальность вхождения итальянской Социалистической партии в ее старом виде в Коммунистический Интернационал обнаружилась ярче всего в большом массовом действии, в сентябре прошлого года. Приходится сказать, что партия *предала* в этом движении рабочий класс. Если спросить, как и почему партия отступила и капитулировала осенью прошлого года, во время массовой стачки, во время захвата рабочими заводов, фабрик, поместий и т. д., если спросить, чего в этом предательстве было больше: злостного реформизма, нерешительности, политического легкомыслия или чего другого, то было бы трудно дать точный ответ. Итальянская Социалистическая партия после войны находилась под влиянием Коммунистического Интернационала, давая своему левому крылу возможность проявлять себя более громко, чем правому крылу,—что вполне соответствовало настроению рабочих масс,—но организационный аппарат был, главным образом, в руках центра и правого крыла. Агитация шла за диктатуру пролетариата, за власть Советов, за серп и молот, за советскую Россию и т. д. Итальянский рабочий класс в массе своей все это брал всерьез и вступил на путь открытой революционной борьбы. В сентябре прошлого года дело дошло до захвата заводов и фабрик, шахт, латифундий и т. д. Но именно в тот момент, когда партия должна была сделать все политические и организационные, все практические выводы из своей агитации, она испугалась ответственности, отшатнулась назад, обнажила тыл пролетариата,—и рабочие массы были отданы под удары фашистских банд. Рабочий класс думал и надеялся, что партия, которая призывала его к борьбе, закрепит успех его натиска. А закрепить этот успех можно было, надежда на это была вполне обоснована, так как буржуазная власть была в это время деморализована и парализована, она не полагалась ни на

армию, ни на полицейский аппарат. Естественно, повторяю, если рабочий класс думал, что стоящая во главе его партия доведет начатую борьбу до конца. Но в самый критический момент партия, наоборот, отходит назад, обезглавливая и обессиливая рабочий класс. Тогда стало совершенно и окончательно ясно, что в рядах Коммунистического Интернационала такого рода политики не должны иметь места. Исполнительный Комитет Интернационала поступил вполне правильно, когда, после происшедшего вскоре раскола в итальянской партии, признал, что только левое, коммунистическое крыло является секцией Коммунистического Интернационала. Тем самым партия Серрати, т.-е. руководящая часть старой итальянской Социалистической партии, была поставлена вне Коммунистического Интернационала. К сожалению,—это объясняется особыми неблагоприятными условиями, но, может быть, и ошибками с нашей стороны,—к сожалению, Коммунистическая партия Италии в период своего образования получила в свои ряды менее 50.000 членов, в то время как партия Серрати сохранила около 100.000 членов, из них тысяч 14 определенных реформистов, составляющих организованную фракцию (они имели свои конференцию в Реджио-Эмилио). Разумеется, 100.000 рабочих, входящих в Социалистическую партию, ни к каком случае не являются нашими противниками. Если мы не сумели до сих пор вовлечь их целиком в наши ряды, то тут не без нашей вины. Правильность этой мысли доказывается тем, что исключенная из Интернационала Социалистическая партия Италии послала на наш Конгресс 3-х своих представителей. Что это значит? Правящие круги партии своей политикой поставили себя вне Интернационала, а рабочая масса заставляет их снова и снова стучаться у дверей Интернационала.

Рабочие-социалисты этим самым показали, что они революционно настроены и хотят быть с нами. Но они послали людей, которые своим поведением обнаружили, что они не усвоили себе идей и методов коммунизма. Этим итальянские рабочие, входящие в состав партии Серрати, показали, что, будучи в своем большинстве революционными по настроению, они не достигли необходимой политической ясности. Был у нас на конгрессе старик Лаццари. Это в личном смысле очень привлекательная фигура; безусловно честный

старый борец, человек безупречный но ни в каком случае не коммунист. Он весь во власти демократических, гуманитарных, пацифистских воззрений. Он отвечал на конгрессе: «Вы преувеличиваете значение Турати. Вы преувеличиваете значение наших реформистов вообще. Вы требуете от нас, чтобы мы их исключили. Но как же мы можем исключить их, раз они подчиняются партийной дисциплине? Если бы они дали нам,—говорил Лаццари,—какой-нибудь *факт* открытого противодействия партии, если бы они вступили в правительство против нашего решения, если бы они голосовали за военный бюджет против нашего постановления, тогда мы могли бы их исключить. Но не иначе». Мы приводили ему статьи Турати, которые целиком направлены против азбуки революционного социализма. Лаццари возражал, что эти статьи не дают *фактов*, что у них-де есть свобода мнений в партии и пр. и пр. На это мы опять-таки ему отвечали: Позвольте, если вам для исключения Турати нужно, чтобы он совершил «факт», т.-е. взял портфель у Джиолитти, то нет никакого сомнения в том, что Турати, который является *умным* политиком, никогда такого шага не сделает. Потому что Турати вовсе не является нисконробным карьеристом, который только и стремится получить портфель. Турати—закаленный соглашатель, непримиримый враг революции, но в своем роде это идейный политик. Он хочет во что бы то ни стало спасти буржуазно-демократическую «цивилизацию» и победить для этого революционное течение в рабочем классе. Когда Джиолитти ему предлагает портфель,—а это, вероятно, происходило не раз в укромных местах,—Турати ему отвечает, примерно, так: «Если бы я взял портфель, то это был бы тот самый «факт», о котором говорил Лаццари. Как только я бы взял портфель, меня поймали бы на этом «факте» и выгнали бы из партии. А как только меня выгонят из партии, я тебе, кум Джиолитти, тоже не понадоблюсь, ибо я тебе нужен лишь до тех пор, пока я связан с большой рабочей партией,—стало быть, после изгнания из партии ты меня выгонишь из министерства. Поэтому я и не возьму в руки портфеля, не дам Лаццари «факта» и останусь фактическим руководителем социалистической партии». Вот примерное рассуждение Турати,—и он прав, он гораздо дальновиднее, чем идеалист и паци-

фист Лаццари. «Вы переоцениваете группу Турати,—говорил Лаццари. Это небольшая группа, по французскому выражению, «величина, которой можно пренебречь». На это мы ему отвечали: «А вы знаете, что в то самое время, когда вы тут, на трибуне московского Интернационала, выступаете с требованием, чтобы вас допустили в наши ряды, Джиолитти по телефону спрашивает Турати: «Знаешь ли ты, друг, что Лаццари поехал в Москву, и что он там, может быть, даст от имени твоей партии какие-нибудь опасные обязательства русским большевикам?» Знаете, что отвечает на это Турати? Он наверно отвечает: «Не беспокойся, дружище Джиолитти, наш Лаццари—это quantité négligeable, величина, которою можно пренебречь». И он несравненно более прав, нежели Лаццари.

Таков был наш диалог с колеблющимися представителями значительной части итальянских рабочих. В конце концов, было решено предъявить итальянским социалистам ультиматум: созвать в три месяца партийный съезд, на этом съезде исключить всех реформистов (которые сами себе произвели перекличку тем, что собрались на конференции в Реджио-Эмилио) и объединиться с коммунистами на основе решений 3 Конгресса. Каковы будут непосредственные практические результаты этого решения—с точностью предсказать нельзя. Все ли серратианцы придут к нам? Сомневаюсь. Но этого и не требуется. Среди них есть такие, которые нам не нужны. Но шаг, сделанный Конгрессом, был правильным. Он имеет своею задачею отвоевать рабочих, внеся в ряды колеблющихся вождей раскол.

Итальянский коммунизм—его затруднения, его задачи.

В среде делегатов итальянской Коммунистической партии, а также представителей молодежи нашлись, однако, очень ожесточенные критики этого шага. Больше всего итальянские коммунисты, преимущественно с левым уклоном, критиковали Конгресс за то, что он «открыл двери» серратианцам, оппортунистам и центристам. Это выражение: «вы открыли двери Коммунистического Интернационала» повторялось десятки раз. Мы указывали им: товарищи, у вас пока около 50 тысяч рабочих, а у серратианцев—около ста тысяч;

нельзя же на этом результате успокаиваться». Они несколько оспаривали цифры, указывали, что были массовые выходы из социалистической партии, — что вполне возможно, — но главный довод их был такой: «вся масса социалистической партии — не только вожди ее — является реформистской, оппортунистической». Мы спрашивали: «каким же образом, зачем и почему они послали сюда в Москву Лаццари, Маффи и Рибольди?» Молодые итальянские коммунисты дали мне на это весьма неопределенный ответ: «Дело, видите ли, в том, что итальянский рабочий класс *в целом* тяготеет к Москве и толкает туда оппортунистическую партию Серрати». Тут явная натяжка. Если бы дело обстояло так, что итальянский рабочий класс в целом стремится в Москву, то ведь двери в Москву ему раскрыты—это итальянская Коммунистическая партия, входящая в Интернационал. Почему же итальянский рабочий класс выбирает такой кружный путь в Москву, толкая туда партию Серрати, вместо того, чтобы попросту войти в коммунистическую партию Италии? Совершенно очевидно, что все эти возражения левых коммунистов были ошибочны и вытекали из недостаточно глубокого понимания основной задачи — необходимости овладеть авангардом рабочего класса и, прежде всего, теми рабочими, вовсе не худшими, которые остаются в рядах социалистической партии Италии. Именно эти рабочие привели Лаццари в Москву. Ошибка «левых» вытекает из особого революционного нетерпения, которое мешает видеть важнейшие подготовительные и предварительные задачи и сплошь и рядом глубочайшим образом вредит интересам дела. Некоторым «левым» кажется, что раз непосредственная задача состоит в том, чтобы опрокинуть буржуазию, то стоит ли останавливаться в пути, вести переговоры с серратианцами, открывать двери рабочим, которые идут за Серрати и пр. и пр.? А между тем — это сейчас главная задача. И это вовсе не простая задача. Тут нужны и переговоры, и борьба, и увещания, новые объединения, и, вероятно, новые расколы. А некоторые нетерпеливые товарищи хотели бы просто повернуться к этой задаче, а следовательно, и к рабочим-социалистам спиной. Кто, мол, за III Интернационал, пусть прямо вступает в нашу коммунистическую партию. Это на вид самое простое разрешение вопроса, но по существу—это обход вопроса, ибо

вопрос состоит именно в том, *как, какими методами* привлечь рабочих-социалистов в коммунистическую партию. Эта задача не решается автоматическим «закрытием дверей» Интернационала. Ведь итальянские рабочие знают, что социалистическая партия тоже была в Коммунистическом Интернационале. Ее вожди говорили революционные речи, звали к борьбе, к советской власти и довели до сентябрьской стачки, до захвата фабрик и заводов. Потом капитулировали, не приняв боя, в то время, как рабочие боролись. Ныне авангард итальянского пролетариата перерабатывает этот факт в своем сознании. Рабочие видят, что из социалистической партии выделилось коммунистическое меньшинство, которое обращается к ним с такими же или почти с такими же речами, с какими вчера обращалась к ним партия Серрати. Рабочие говорят себе: «надо подождать, надо посмотреть, что это означает, надо проверить»... Другими словами, они требуют, может быть, не вполне оформленно и сознательно, но по существу очень настойчиво, чтобы новая, коммунистическая партия *на деле* себя обнаружила, чтобы вожди ее на опыте показали, что они сделаны из другого теста, чем вожди старой партии, что они неразрывно связаны с массами в их борьбе, как бы тяжки ни были условия этой борьбы. Нужно делом и словом, словом и делом завоевать доверие десятков тысяч рабочих-социалистов, которые пока еще находятся на перепутьи, но которые хотят быть в наших рядах. Если к ним просто повернуться спиной будто бы во имя немедленного свержения буржуазии, то этим можно причинить не мало вреда революции, а между тем именно в Италии условия очень благоприятны для победоносной революции пролетариата уже в близком будущем.

Представьте себе на минуту,—только для примера,—что итальянские коммунисты, скажем, в мае этого года призвали бы итальянский рабочий класс к новой всеобщей стачке и восстанию. Если бы они сказали: так как социалистическая партия, из которой мы вышли, обанкротилась в сентябре, то мы, коммунисты, должны теперь во что бы то ни стало смыть это пятно и повести рабочий класс немедленно на решающий бой. На поверхностный взгляд могло бы показаться, что именно таков долг коммунистов. Но на деле это не так. Элементарная революционная стратегия говорит, что такой

призыв был бы в данных условиях безумием и преступлением, потому что рабочий класс, который в сентябре жестоко обжегся под руководством социалистической партии, не поверил бы, что можно с успехом повторить этот опыт в мае, под руководством коммунистической партии, с которой он не успел еще, как следует, познакомиться. Основная вина социалистической партии состояла в том, что она «призывала» к революции, не делая из этого надлежащих выводов, то-есть не подготовляясь на деле к революции, не разъясняя передовым рабочим вопросов, связанных с завоеванием власти, не очищая своих рядов от тех, которые не хотят завоевания власти, не подбирая и не воспитывая надежные кадры боевиков, не создавая ударные ячейки, способные владеть оружием и захватить его в нужную минуту... Словом, *социалистическая партия призывала к революции, но не готовилась к ней.* Если бы итальянские коммунисты просто призвали сейчас к революции, они повторили бы ошибку социалистов—только в несравненно более трудных условиях. Задача нашей братской партии в Италии—*подготовить* революцию, то-есть прежде всего завоевать большинство рабочего класса и организовать надлежащим образом его авангард. Тот, кто нетерпеливую часть итальянских коммунистов одергивал бы назад и говорил: прежде, чем призывать к восстанию, отвоюйте рабочих-социалистов, произведите чистку в профессиональных союзах, выдвиньте там коммунистов, вместо оппортунистов, на ответственные посты, завоюйте массу,—кто так говорил бы, тот внешним образом как бы тянул коммунистов назад, но на самом деле он этим самым указывал бы действительный путь к победе революции.

Опасения и подозрения крайних „левых".

Все сказанное, товарищи, азбучно с точки зрения серьезного революционного опыта. Но некоторые «левые» элементы Конгресса видели в такой тактике передвижку «вправо», а у иных молодых революционных товарищей, без опыта, но полных энергии и готовности к борьбе и самопожертвованию, буквально волосы встали дыбом на голове, когда они услышали первые критические и предостерегающие речи со стороны русских товарищей. Из этих молодых революцио-

неров некоторые, как рассказывали, целовали советскую землю, когда переступали границу. И хотя мы пока еще слишком плохо обрабатываем нашу землю, чтобы сделать ее достойной таких поцелуев, но мы понимаем революционный энтузиазм наших молодых иностранных друзей. Им кажется, что это стыд и позор, что они так запоздали и до сих пор не совершили своей революции. Они являются с этими чувствами в зал Николаевского дворца—и что же?—там выступают русские коммунисты, которые не только не требуют немедленного призыва к восстанию, но, наоборот, всячески предостерегают против авантюр и настаивают на привлечении рабочих-социалистов, на завоевании большинства трудящихся, на тщательной подготовке.

Некоторые крайние левые даже решили, что тут дело не спроста. Полувраждебные элементы—как делегаты так наз. Рабочей Коммунистической Партии Германии (эта группа входит в Интернационал с совещательным голосом)—стали рассуждать в том смысле, что в недавнее время российская Советская власть действительно надеялась на революцию в Европе, и на этом строила свою политику, а потом терпение ее вышло, она стала заключать торговые договоры и развернула через свой Наркомвнешторг широкую мировую торговлю. Торговля же—дело серьезное и требует спокойных и мирных отношений. Давно известно, что революционные потрясения вредят торговле, и с точки зрения комиссариата тов. Красина мы, видите ли, заинтересованы в том, чтобы по возможности отсрочить и отдалить революцию. (Всеобщий смех). Товарищи, я очень жалею, что ваш дружный смех не может быть по радио передан некоторым крайне левым товарищам в Германию и Италию. Гипотеза о нашей наркомвнешторговской оппозиции против революционных потрясений тем более курьезна, что не далее как в марте этого года, когда в Германии разыгрались трагические бои, к которым я сейчас перейду—бои, которые закончились тяжелым поражением части немецкого рабочего класса,—немецкие буржуазные и социал-демократические газеты, а за ними и печать всего мира, вопили, что мартовское восстание вызвано приказом из Москвы, что Советская власть, переживавшая в то время трудные дни (крестьянские волнения, Кронштадт и пр.) отдала, видите ли, для своего спасения приказ устраивать

восстания независимо от обстановки в каждой данной стране. Глупее этого ничего выдумать нельзя! Но не успели товарищи делегаты доехать из Рима, Берлина, Парижа до Москвы, как возникла новая теория, но уже на другом, крайне левом крыле,—теория о том, что мы не только не «приказываем» устраивать восстания немедленно и независимо от внешней обстановки, но, наоборот, заинтересованные великолепным оборотом нашей торговли, заботимся об отсрочке революции. Какая из этих двух противоположных глупостей глупее—решить не легко. Если мы виноваты в мартовских ошибках,—поскольку тут можно говорить о вине,—то только в том смысле, что Интернационал в целом, и в том числе наша партия, до сих пор совершил недостаточную воспитательную задачу в области революционной тактики и потому не устранил возможности столь ошибочных действий и методов. Мечтать же о полном устранении ошибок было бы вообще наивностью...

Мартовские события в Германии.

Вопрос о мартовских событиях занимал на съезде в известном смысле центральное место и не случайно: из всех коммунистических партий Германская является одной из наиболее мощных и подготовленных теоретически, а в отношении революционной очереди — если можно так выразиться—Германия стоит во всяком случае в первом ряду... Внутренние условия Германии, как побежденной страны, наиболее благоприятны для революции. Численность и хозяйственная роль германского пролетариата вполне способны обеспечить победу этой революции. Естественно, если методы борьбы германской коммунистической партии приобретают международное значение. На почве Германии пред нами прошли с 1918 г. самые крупные события революционной борьбы, и тут плюсы и минусы можно проанализировать на живом опыте.

В чем состояли мартовские события? Средне-германские пролетарии, рабочие горно-промышленного района, представляли собой до недавнего времени, и еще во время войны, одну из наиболее отсталых частей германского рабочего класса, — они шли в большинстве не за социал-

демократами, а за буржуазно-патриотическими и церковными кликами, были верны императору и пр. Условия их жизни и труда были исключительно тяжкие. По отношению к рабочим Берлина они занимали такое же место, какое у нас занимали, скажем, отсталые уральские округа по сравнению с питерскими рабочими. В революционную эпоху нередко случается так, что наиболее придавленная и отсталая часть рабочего класса, впервые пробужденная громом событий, вносит в борьбу величайшую энергию и проявляет готовность драться при всяких условиях, далеко не всегда считаясь при этом с обстановкой и возможностью победы, т.-е. с требованиями революционной стратегии. В то время, как, напр., берлинские или саксонские рабочие, после опыта 1919—1920 г.г. стали гораздо более осторожны, в чем есть минусы, есть и плюсы, средне-германские рабочие продолжают вести линию бурных выступлений, стачек и демонстраций, вывозя на тачках мастеров, устраивают в рабочее время митинги и т. п. Разумеется, это несовместимо со священными задачами республики Эберта. Немудрено, если эта консервативно-полицейская республика, в лице своего полицейского агента, социал-демократа Герзинга, решила произвести там некоторую «чистку», т.-е. выгнать наиболее революционные элементы, арестовать кое-кого из коммунистов и проч.

Центральный Комитет Германской Коммунистической Партии как раз в этот период (середина марта) подошел вплотную к мысли, что необходимо проводить более активную революционную политику. Германская партия, как вы помните, незадолго до этого создалась из старого союза спартаковцев и большинства партии независимых и тем самым практически подошла к вопросам массовых действий. Мысль о том, что необходимо переходить к более активной политике, была безусловно правильна. Но какое выражение она получила на деле? В тот момент, когда появился приказ полицейского социал-демократа Герзинга, который требовал от рабочих того, чего не раз тщетно требовало у нас правительство Керенского: чтобы не устраивали митингов в рабочее время, чтобы относились к заводскому имуществу, как к священному достоянию, и пр.,—Центральный Комитет Коммунистической Партии пускает призыв к всеобщей забо-

стовке на помощь рабочим Средней Германии. Всеобщая забастовка — не такое дело, на которое рабочий класс поднимается легко, по первому призыву партии,—особенно, если у него в прошлом ряд поражений,—тем более в стране, где, на-ряду с коммунистической, имеются две массовые социал-демократические партии, и где аппарат профсоюзов—против нас. Между тем, если мы проследим центральный орган коммунистической партии «Роте Фане» за весь этот период, изо дня в день, то увидим, что призыв ко всеобщей стачке был совершенно неподготовлен. В Германии было за время революции не мало кровопусканий, и полицейский поход на Среднюю Германию не мог сам по себе сразу поставить на ноги весь германский рабочий класс. Серьезному массовому выступлению должна была бы, очевидно, предшествовать широкая энергичная агитация с определенными лозунгами, бьющая в одну точку, и эта агитация лишь в том случае могла бы привести к более решительным призывам к действию, если бы она позволила прощупать, что масса уже захвачена за живое и готова итти вперед по пути революционного действия. Это азбука революционной стратегии, но именно эта азбука была нарушена во время мартовских событий целиком. Полицейские батальоны не успели дойти до заводов Средней Германии и до шахт, как там действительно последовала общая стачка. Я уже сказал, что в Средней Германии готовность к немедленной борьбе была на-лицо, и призыв Ц. К. был немедленно подхвачен. Совсем не то оказалось во всей остальной стране. Ни внешнее, ни внутреннее положение Германии вовсе не обусловливало такого внезапного перехода к активности. Масса просто *не поняла* призыва.

Между тем некоторые очень влиятельные теоретики коммунистической партии Германии, вместо того, чтобы признать ошибочность призыва, в объяснение его, выдвинули такую теорию, что мы должны в революционную эпоху вести исключительно политику оффензивы, т.-е. политику революционного наступления. Таким образом, мартовское выступление преподносится массе в качестве наступления. Оцените теперь всю обстановку в целом. Наступление открывает на самом деле полицейский социал-демократ Герзинг. Этим нужно воспользоваться, чтобы объединить всех рабочих в

защите, в обороне, в отпоре, хотя бы сначала и в скромном отпоре. Если почва благоприятна, агитация встречает благоприятный отклик,—перейти ко всеобщей стачке. Если события развертываются далее, масса встает, связь рабочих крепнет, настроение поднимается, в лагере противников—нерешительность или расслоение, — дать лозунг перехода в наступление. Если же почва оказывается неблагоприятной, условия и настроение масс не отвечают более решительным лозунгам — дать отбой, по возможности организованно отступить на прежние позиции,—сделав при этом то завоевание, что мы прощупали рабочую массу, усилили ее внутреннюю связь и, что самое важное, увеличили авторитет партии, как мудрого вождя при всякой обстановке. Что же делает руководящий центр немецкой партии? Он как бы придирается к первому поводу, и прежде чем этот повод становится известен рабочим и усваивается ими, Ц. К. бросает лозунг всеобщей стачки. И прежде чем партии удалось поднять рабочих Берлина, Дрездена, Мюнхена на поддержку Рабочих Средней Германии, — а этого можно было, может быть, достигнуть в течение нескольких двей, если бы, не перепрыгивая через события, планомерно и твердо вести массу вперед, — прежде чем партия эту работу выполнила, провозглашается, что наше выступление есть оффензива... Это уже значило срывать все дело и заранее парализовать движение. Совершенно очевидно, что в этой стадии оффензива шла целиком со стороны врага. Нужно было использовать моральный элемент *обороны*, нужно было призывать пролетариат всей страны спешить на помощь рабочим Средней Германии. Форма поддержки могла быть различной на первых порах, прежде чем партия смогла бы дать обобщающий действенный лозунг. Задача агитации состояла в том, чтоб поднимать массу, концентрировать ее внимание на среднегерманских событиях, политически сломить сопротивление рабочей бюрократии и тем обеспечить действительно *всеобщий* характер стачки, как возможной основы дальнейшего развития революционной борьбы. А что получилось вместо этого? Революционное и активное меньшинство пролетариата оказалось противопоставлено в действии большинству, прежде чем это большинство успело отдать себе отчет в смысле событий. Когда партия столкнулась с пассивностью и вы-

жидательностью рабочего класса, нетерпеливые элементы сделали кое-где попытку уже не путем агитации, а путем механических мер выгнать на улицу большинство рабочих. Конечно, если большинство рабочих за стачку, оно всегда может принудить к ней меньшинство, насильственно закрывая заводы и осуществляя всеобщую стачку на деле. Это бывало не раз, и будет всегда, и только дурачки могут против этого возражать. Но, когда подавляющее большинство рабочего класса не отдает себе ясного отчета в движении или не сочувствует ему, или не верит в его успех, а меньшинство рвется вперед и пытается механическими средствами выгнать рабочих на стачку, тогда это нетерпеливое меньшинство может, в лице партии, враждебно столкнуться с рабочим классом и расшибить себе голову [1]).

Стратегия германской контр-революции и авантюристские элементы слева.

Возьмите под этим углом зрения всю историю германской революции. В ноябре 1918 г. происходит низвержение монархии, и в порядок дня становится революция пролетариата. В январе 1919 г. происходят кровавые революционные бои пролетарского авангарда против режима буржуазной демократии; эти бои повторяются в марте 1919 г. Буржуазия быстро ориентируется и вырабатывает свою стратегию: она громит пролетариат по частям. При этом гибнут лучшие вожди рабочего класса,—Роза Люксембург и Карл Либкнехт. В марте 1920 г., после попытки Капповского контр-революционного переворота, сметенного всеобщей стачкой, происходит новое частичное восстание, вооруженная борьба рабочих рурской каменно-угольной области. Движение заканчивается новым поражением и новыми неисчислимыми жертвами. Наконец, в марте 1921 года новая гражданская война — опять частичная — и новое поражение.

---

[1]) Бывший председатель Ц. К. коммунистической партии, Пауль Леви, выступил с критикой тактики партии в мартовских событиях. Но своей критике он придал совершенно недопустимый дезорганизаторский характер и принес делу не пользу, а вред. Внутренняя борьба привела к исключению Леви из партии и подтверждению этого исключения со стороны Конгресса Интернационала.

Когда в январе и марте 1919 г. немецкие рабочие частично восстали, были разбиты и потеряли лучших вождей, мы, памятуя о нашем собственном опыте, говорили: это июльские дни немецкой коммунистической партии. Вы все помните июльские дни в Петербурге, в 1917 году... Питер обогнал тогда страну, рванулся один вперед, провинция его недостаточно поддержала, а в армии у Керенского нашлись еще отсталые полки, чтобы задавить движение. Но в самом Питере подавляющее большинство пролетариата было уже с нами. Июльские дни в Петербурге стали предпосылкой октября. Правда, и мы в июле делали кое-какие глупости. Но мы их не возводили в систему. На январские и мартовские бои 1919 г. мы смотрели, как на немецкий «июль». Но затем последовал в Германии не «октябрь», а март 1920 г.—новое поражение, не говоря уже о более мелких частичных поражениях и о систематическом истреблении лучших местных вождей немецкого рабочего класса. Когда мы, говорю, наблюдали мартовское движение 1920 г., затем—мартовское движение 1921 г., мы не могли не сказать: нет, слишком много в Германии июльских дней,—мы хотим октября.

Да, нужно подготовить германский октябрь—победу немецкого рабочего класса. И вот здесь вопросы революционной стратегии и встают перед нами в полном объеме. Совершенно ясно и очевидно, что немецкая буржуазия, т.-е. ее руководящая клика, развернула свою контр-революционную стратегию до конца: она провоцирует отдельные части рабочего класса на выступления, она изолирует их в отдельных областях, она подстерегает их со взведенным курком и всегда метит в голову, в лучших представителей рабочего класса. На улице или в застенке, в открытом бою или при мнимой попытке к побегу, от руки военного суда или нелегальной банды гибнут единицы, десятки, сотни, тысячи коммунистов, воплощающих лучший опыт пролетариата,—это стратегия, строго рассчитанная, хладнокровно проводимая, опирающаяся на весь опыт господствующего класса.

И вот в этих условиях, когда немецкий рабочий класс в целом инстинктивно чувствует, что голыми руками такого врага не возьмешь, что тут нужен не только энтузиазм, но

и холодный расчет, ясная оценка, серьезная подготовка; и он ждет этого от своей партии,—ему преподносят сверху: наш долг вести только стратегию оффензивы, т.-е. наступать во всех случаях, ибо, видите ли, мы вступили в революционную эпоху. Это, примерно, то же самое, как если бы командующий армией сказал: так как мы вступили в войну, то наш долг везде и всегда наступать. Такой командующий был бы неизбежно разбит, даже при превосходстве своих сил... Более того, находятся «теоретики», подобные немецкому коммунисту Маслову, которые по поводу мартовских событий договариваются до прямо-таки чудовищных вещей: «Наши противники,—говорит Маслов,—ставят нашим мартовским действиям в вину то, что мы ставим себе в заслугу, а именно, что партия, выступая на борьбу, не спрашивала себя о том, пойдет или не пойдет за ней рабочий класс». Это почти буквальная цитата! С точки зрения субъективного революционизма или левой эс-эровщины — это превосходно, но с точки зрения марксизма — это чудовищно!

Авантюристские тенденции и... Четвертый Интернационал.

«Революционный долг требует от нас оффензивы против немцев», — провозглашали левые эс-эры в июле 1918 г.—нас разобьют? Но наш долг итти вперед. Рабочая масса не хочет? Что ж, можно бросить бомбу в Мирбаха, чтобы заставить русских рабочих вести ту борьбу, в которой они неизбежно должны погибнуть. Такого рода настроения очень сильны в так называемой Коммунистической Рабочей Партии Германии (К. А. Р. D.). Это небольшая группа *пролетарской лево-эс-эровщины*. Наша левая эс-эровщина имеет — вернее, имела — главным образом, интеллигентски-крестьянские корни; в этом ее социальное отличие, но политические методы одни: это истерический революционизм, готовность в любой момент применять самые крайние средства и методы, не считаясь с массой и с общей обстановкой, нетерпение вместо расчета, опьянение революционной фразой,— все это вполне характеризует «Коммунистическую Рабочую Партию Германии». На конгрессе один из ораторов, говоривших от лица этой партии, сказал, примерно, следующее: «Чего вы

хотите? Рабочий класс Германии пропитан (он сказал даже verseucht, зачумлен) филистерством, мещанством, мелко-буржуазностью,—как же с ним быть? Без экономического саботажа, вы их на улицу не выведете»... А когда его спросили, что это значит,—он разъяснил: чуть рабочие начинают жить получше, они успокаиваются и не хотят революции: если же нарушать механический ход производства, взрывать фабрики, заводы, железные дороги и т. д. — это ухудшает положение рабочего класса, а, следовательно, делает его более способным к революции. Не забудьте, что это говорит представитель «рабочей» партии. Ведь, это же абсолютный скептицизм!.. Выходит так,—если сделать соответствующий вывод для деревни,—что передовым крестьянам Германии нужно поджигать села, пустить по всей стране красного петуха и таким образом революционизировать сельское население. Тут нельзя не вспомнить, что в самый первый период революционного движения в России, в 60-ые годы, когда интеллигенты-революционеры были совершенно бессильны проявить себя в действии, сдавленные кружковщиной и постоянно сталкиваясь с пассивностью крестьянских масс, — именно тогда некоторые группы (так называемые нечаевцы) пришли к мысли, что пожары и поджоги — это настоящий революционный фактор русского политического развития... Совершенно очевидно, что такого рода саботаж, направленный по существу против большинства рабочего класса, есть антиреволюционное средство, которое сталкивает враждебно с рабочим классом «рабочую» партию, число членов которой трудно определить, но во всяком случае не более трех — четырех десятков тысяч, в то время как Объединенная Коммунистическая Партия, как вы знаете, имеет около 400.000 членов.

Конгресс поставил вопрос о К. А. Р. D. ребром, предъявив этой организации требование собрать в течение ближайших трех месяцев свой съезд и влиться в единую коммунистическую партию, или окончательно встать вне Коммунистического Интернационала. Многое говорит за то, что К. А. Р. D., в лице своих нынешних анархо-авантюристских верхов, не подчинится решению Интернационала и, оказавшись таким образом вне его, сделает, вероятно, попытку совместно с другими «крайне-левыми» элементами образовать

4-й Интернационал. Немножечко в ту же трубочку потрубила на конгрессе наша Коллонтай. Ни для кого не секрет, что наша партия является пока что стержнем Коммунистического Интернационала. Между тем, т. Коллонтай изобразила положение дела у нас в партии так, что выходило, будто месяцем раньше или позже рабочим массам, во главе с тов. Коллонтай, придется для установления «настоящего» советского строя устраивать «третью революцию». Почему, однако, третью, а не четвертую? Ведь, третья революция во имя «настоящего» советского строя произошла в феврале, в Кронштадте... Есть еще архи-левые в Голландии. Может быть и в других странах. Не знаю, все ли они взяты на учет. Но во всяком случае количество их не чрезмерно, и 4-му Интернационалу, если бы он возник, меньше всего грозила бы опасность стать очень многочисленным. Разумеется, было бы жалко потерять и маленькую группу, так как в ее среде есть несомненно хорошие рабочие бойцы. Но если этому сектантскому отколу суждено совершиться, мы будем иметь на ближайший период не только справа от себя Интернационал № $2^1/_2$, но и слева—Интернационал № 4, где субъективизм, истеричность, авантюризм и революционная фраза будут представлены уже в вполне законченном виде. Мы получим, таким образом, «левое» чучело, на котором будем учить стратегии рабочий класс. У каждой вещи, как видите, есть две стороны: положительная и отрицательная.

Левые ошибки и русский опыт.

Но и внутри Объединенной коммунистической партии были анти-марксистские тенденции, довольно ярко себя проявившие в марте и после марта. Я уже цитировал поразительную статью Маслова. Но Маслов не одинок. В Вене издается журнал «Коммунизмус», орган Коммунистического Интернационала на немецком языке. В июньской книжке журнала, в статье, посвященной положению в Интернационале, говорится примерно следующее: «Главной характеристикой нынешнего периода революции является то, что мы теперь должны и частные, в том числе экономические, бои, т.-е. стачки, проводить средствами окончательного боя, т.-е. с оружием в руках». Вот, товарищи, стратегия, опрокинутая

вниз головою!.. В то время, как буржуазия нас провоцирует на *частичные* кровавые бои, некоторые наши стратеги хотят такого рода бои возвести в правило. Разве это не чудовищно? Объективное положение в Европе глубоко революционно. Рабочий класс это чувствует и в течение всего после-военного периода он рвался вперед, на борьбу с буржуазией. Но победы он не получил нигде, кроме России. Тогда он стал понимать, что перед ним трудная задача, и начал создавать себе аппарат для победы — коммунистическую партию. Он сделал на этом пути в Европе семимильные шаги за последний год. Мы имеем теперь подлинно массовые коммунистические партии в Германии, во Франции, в Чехо-Словакии, в Юго-Славии, в Болгарии... Рост огромный! В чем ближайшая задача? В том, чтобы эти партии завоевали в кратчайший срок большинство промышленных рабочих и значительную часть сельских рабочих и даже крестьянскую бедноту, как мы их завоевали перед октябрем,—иначе мы не имели бы октября. Вместо этого некоторые горе-стратеги говорят, что так как эпоха теперь революционная, то наш долг при всякой возможности вести борьбу, хотя бы и частичную, методами вооруженного восстания. Ничего лучшего буржуазии и не нужно! В тот период, когда коммунистическая партия растет с превосходной быстротой и все более и более распростирает свои крылья над всем рабочим классом, буржуазия провоцирует наиболее нетерпеливую и боевую часть рабочих вступить в преждевременный бой— без поддержки основной рабочей массы, дабы, разбивая пролетариат по частям, подкопать в нем веру в его способность победить буржуазию. В этих условиях теория постоянной оффензивы и частичных боев методами вооруженного восстания есть вода на мельницу контр-революции. Вот почему на 3-м Конгрессе русская партия, поддержанная всеми наиболее зрелыми элементами, твердым голосом сказала товарищам левого крыла: вы — превосходнейшие революционеры и будете драться и погибать за дело коммунизма, но этого нам недостаточно. Мало драться — надо победить! А для этого надо лучше овладеть искусством революционной стратегии.

Я думаю, товарищи, что одной из важных причин недооценки трудностей революционной борьбы и победы в

Европе явился фактический ход пролетарской революции в России, и отчасти в Венгрии. Мы имели у себя в России буржуазию, исторически запоздалую, политически слабую — с большой зависимостью от европейского капитала и со слабыми политическими корнями в русском народе. С другой стороны, мы имели революционную партию с большим прошлым подпольной работы, с боевым воспитанием и закалом, сознательно использовавшую весь опыт европейской и мировой революционной борьбы. Положение русского крестьянства в отношении к буржуазии и в отношении к пролетариату, характер и настроение русской армии после военного разгрома царизма,— все это сделало неизбежной октябрьскую революцию и чрезвычайно облегчило революционную победу (хотя вовсе не избавило от трудностей в дальнейшем, а, наоборот, подготовило их в гигантских размерах). Вследствие относительной легкости октябрьской революции, победа русского пролетариата не предстала в достаточной мере перед руководящими кругами европейских рабочих, как политико-стратегическая задача, и не была с этой стороны достаточно усвоена ими.

Следующий опыт завоевания пролетариатом власти произошел в меньшем масштабе, но ближе к Европе—в Венгрии. Там условия сложились так, что власть досталась коммунистам почти без революционной борьбы. Этим самым вопросы революционной стратегии в эпоху *борьбы за власть* естественно свелись к минимуму.

Из опыта России и Венгрии не только рабочие массы, но и коммунистические партии других стран усваивали прежде всего неизбежность победы пролетариата и затем непосредственно переходили к усвоению тех трудностей, которые вытекают из победы рабочего класса. Что же касается *стратегии революционной борьбы во имя завоевания власти*, то она представлялась при этом крайне простой и как бы сама собой разумеющейся. Совсем не случайно некоторые выдающиеся венгерские товарищи, с большими заслугами перед Интернационалом, обнаруживают тенденцию к крайнему упрощению вопросов тактики пролетариата в революционную эпоху, заменяя эту тактику лозунгом оффензивы.

Третий Конгресс сказал коммунистам всех стран: ход русской революции есть очень важный исторический *пример*,

но вовсе не политическое *правило*. И еще: только *предатель* может отрицать необходимость революционной оффензивы; но только *простак* может к оффензиве сводить всю революционную стратегию.

Плюсы и минусы французской коммунистической партии.

По поводу политики французской коммунистической партии у нас были менее бурные прения, чем по поводу немецкой политики, по крайней мере, на самом Конгрессе; но на заседании Исполкома у нас развернулись однажды довольно напряженные прения при обсуждении вопросов французского рабочего движения. Французская коммунистическая партия сложилась без таких внешних и внутренних потрясений, как немецкая. В связи с этим во французской партии, несомненно, еще сильны центристские настроения и старые приемы парламентарного социализма. Революционной борьбы в ближайшем прошлом у французского пролетариата не было,—борьбы, которая оживила бы его старые революционные традиции. Французская буржуазия вышла победоносной из войны; это давало ей возможность до последнего времени, за счет ограбления Германии, давать отдельные подачки привилегированным частям рабочего класса. Революционная классовая борьба во Франции только теперь намечается. До начала первых серьезных боев французская коммунистическая партия получила возможность использовать и усвоить себе революционный опыт России и Германии. Достаточно напомнить, что в Германии гражданская война была в полном разгаре, когда коммунисты представляли еще кучку спартаковцев, во Франции же, наоборот, открытой революционной борьбы после войны еще не было, а коммунистическая партия уже сосредоточила в своих рядах 120 тысяч рабочих. Если принять во внимание наличность во Франции революционных синдикалистов, которые «не признают» партии, хотя поддерживают борьбу за диктатуру пролетариата; если принять во внимание, что во Франции организация никогда не была так крепка, как в Германии, то станет ясно, что эти 120 тысяч организованных коммунистов означают для Франции не

меньше, а, пожалуй, больше, чем 400 тысяч — для Германии. Ярче всего это видно из того, что в Германии справа от этих 400.000 находятся партии независимых и социал-демократов, у которых вместе гораздо больше членов и сторонников, чем у коммунистов, тогда как во Франции справа от коммунистов имеется только ничтожная группа отколовшихся сторонников Лонге и Реноделя. И в профессиональном движении Франции соотношение сил в общем, несомненно, более благоприятно для левого крыла. Зато общее соотношение классовых сил в Германии несомненно благоприятнее для победоносной революции. Другими словами: во Франции буржуазия опирается еще в значительной мере на свой собственный аппарат: армию, полицию и пр.; в Германии она опирается преимущественно на социал-демократию и бюрократию и профессиональных союзов. Французская Коммунистическая Партия имеет полную возможность целиком и безраздельно овладеть руководством в рабочем движении, прежде чем наступят решающие события. Но для этого французскому коммунизму необходимо окончательно стряхнуть с себя старую скорлупу политических условностей и недоговоренностей, которая была во Франции плотнее, чем где бы то ни было. Французской партии нужен более решительный подход к событиям, более энергичный и непримиримый характер и самый тон агитации, более суровое отношение ко всем и всяческим проявлениям демократически-парламентарной идеологии, интеллигентского индивидуализма, адвокатского карьеризма. Во время обсуждения политики французской партии в Исполкоме Коминтерна указывалось, что партия делала такие-то и такие-то ошибки, что в парламенте депутаты-коммунисты нередко чересчур «разговаривают» со своими буржуазными врагами, вместо того, чтобы через их голову обращаться к массам; что газеты партии должны говорить гораздо более отчетливым, более революционно резким языком, чтобы самые угнетенные и придавленные французские рабочие почувствовали здесь отлик своих страданий, требований и надежд. Во время этих прений выступил молодой французский товарищ и в страстной речи, встретившей одобрение части собрания, перенес критику партийной политики в совершенно другую плоскость. «Когда французское правительство,—говорил этот

представитель молодежи,—намеревалось захватить Рурскую область у немцев, в начале этого года, и объявило мобилизацию 19-летних, партия не призвала мобилизуемых к сопротивлению и тем обнаружила свою полную несостоятельность». К какому сопротивлению? спрашиваем мы. «Партия не призвала девятнадцатилетних не подчиняться приказу о мобилизации». — Что вы понимаете под этим неподчинением? спрашиваем мы. Не подчиниться, значит ли не явиться добровольно, дожидаться, пока не придет на квартиру жандарм или полицейский? Или же это означает активное сопротивление, с оружием в руках, против жандарма и полицейского? Этот молодой товарищ, который на нас всех произвел очень хорошее впечатление, немедленно воскликнул: «Конечно, итти до конца, сопротивляться с оружием в руках»... Тут-то и обнаружилось, насколько темны и смутны еще представления о революционной тактике в сознании некоторых элементов. Мы стали тогда рассуждать с нашим молодым оппонентом: у вас во Франции под трехцветным знаменем империалистской армии находится сейчас несколько «классов», по французскому выражению, т.-е. возрастов. Правительство ваше считает, что нужно призвать еще один класс, девятнадцатилетних. Этот «класс» (возраст) насчитывает в стране, скажем, 200.000 юношей, среди них коммунистов, допустим, 3 — 5 тысяч. Они рассеяны, неорганизованы, кто в деревне, кто в городе. Допустим на минуту, что партия действительно призывает их сопротивляться с оружием в руках. Сколько при этом агентов буржуазии будет убито, я не знаю, но зато несомненно, что все коммунисты будут изъяты из класса 19-летних и истреблены. Почему же вы не призываете те возрасты, которые уже находятся в армии, устроить восстание? Они ведь имеют ружья и объединены в рядах армии. Потому, что вы понимаете, очевидно, что армия не будет стрелять по контр-революции до тех пор, пока рабочий класс в большинстве своем не проявит на деле готовности бороться за власть, иначе говоря, пока не начнется пролетарская революция. Как же вы требуете, чтобы революцию сделал не рабочий класс в целом, а «класс» 19? Если бы коммунистическая партия—на минутку предположим это — отдала такой приказ, это было бы лучшим подарком для

Мельерана, для Бриана, для Барту, для всех кандидатов в усмирители пролетарского восстания. Ибо совершенно очевидно, что если бы наиболее пылкая часть молодежи была истреблена, более отсталая часть рабочего класса оказалась бы запугана, партия была бы изолирована, и ее влияние было бы подорвано на месяцы, если не на годы. Такими методами, т.-е. нетерпеливым применением самых острых форм революционной борьбы, в условиях, не созревших для решающего столкновения, можно добиться лишь отрицательных результатов и даже довести дело до революционного выкидыша вместо могучих революционных родов.

Классическим образцом совершенно неподготовленного призыва к массовому выступлению является попытка всеобщей стачки в мае 1920 г. Как известно, идею этой стачки предательски «поддержали» синдикалисты-реформисты. Их стремление состояло в том, чтобы не выпускать движения из рук и тем легче сорвать его при первой возможности. Они вполне преуспели. Но, действуя предательски, эти люди лишь оставались верны своей природе. Ничего другого от них и нельзя было ждать. Между тем другая сторона, революционные синдикалисты и коммунисты, совершенно не подготовили движения. Инициатива его исходила от союза железнодорожников, которым тогда впервые овладели левые, с Монмуссо во главе. Прежде чем они успели сколько-нибудь укрепиться и обеспечить необходимейшие позиции, прежде чем они успели хотя бы оглядеться как следует, вокруг себя, они поспешили призвать массы к решающему действию, под путаными и неопределенными лозунгами, при предательской «поддержке» справа. Это было во всех отношениях не подготовленное наступление. Результаты известны: выступило лишь небольшое меньшинство, соглашатели сорвали дальнейшее развитие стачки, контр-революция использовала обнаружившуюся слабость левых во-всю и чрезвычайно укрепила свои позиции.

Такого рода легкомысленные импровизации в движении недопустимы. Нужно гораздо серьезнее оценивать обстановку, нужно настойчиво, энергично, согласованно во всех областях подготовлять движение, чтобы затем твердо и решительно проводить его, когда подан сигнал. Но для этого нужно иметь коммунистическую партию, объединяю-

щую опыт пролетариата во всех областях его борьбы. Разумеется, одна наличность партии еще не избавляет от ошибок. Но отсутствие партии, как руководящего авангарда, делает неизбежными ошибки, превращая всю борьбу в ряд импровизаций, экспериментов и авантюр.

Коммунизм и синдикализм во Франции.

Отношение коммунистической партии к рабочему классу во Франции, как я уже сказал, благоприятнее, чем в Германии. Но политическое влияние партии на рабочий класс, чрезвычайно возросшее благодаря полевению партии, остается во Франции недостаточно оформленным, особенно в организационном отношении. Это яснее всего видно на вопросе о профессиональных союзах.

Во Франции синдикаты (профсоюзы) являются в меньшей степени, чем в Германии и англо-саксонских странах, организацией миллионных масс. Но и во Франции численный состав синдикатов чрезвычайно вырос за последние годы. Отношение партии к классу принимает, прежде всего, форму отношения партии к профессиональным союзам. Уже отсюда, из этой простой формулировки вопроса видно, как неправильна, антиреволюционна и опасна теория так называемого нейтрализма, полной «независимости» профессиональных союзов от партии и проч. Если профессиональные союзы являются, по своей тенденции, организацией всего рабочего класса в целом, то как же этот рабочий класс может быть нейтрален по отношению к партии или «независим» от нее? Ведь, это означало бы его нейтральность, т.-е. полное безразличие по отношению к самой революции! Между тем в этом основном вопросе во французском рабочем движении до сих пор еще нет надлежащей ясности и, прежде всего, этой ясности нет в самой партии.

Теория полного и безусловного разделения труда между партией и профессиональными союзами и их абсолютного взаимного невмешательства является в таком своем крайнем выражении продуктом именно французского политического развития. Основа этой теории — чистейший оппортунизм. До тех пор, пока рабочая аристократия, организованная в синдикаты, заключает тарифные договоры, а социалисти-

ческая партия защищает в парламенте реформы, разделение труда и взаимное невмешательство еще более или менее возможны. Но как только в борьбу вовлекается настоящая пролетарская масса и движение принимает действительно революционный характер,—принцип невмешательства вырождается в реакционную схоластику. Рабочий класс только в том случае может победить, если во главе его стоит организация, которая представляет собою его живой исторический опыт, теоретически обобщенный и практически направляющий всю его борьбу. По самому смыслу своей исторической задачи, партия может обнимать только наиболее сознательное и активное меньшинство рабочего класса. Профессиональные союзы же стремятся охватить рабочий класс в целом. Кто признает, что пролетариат нуждается в идейном и политическом руководстве своего авангарда, объединенного в коммунистическую партию, тот тем самым признает, что партия должна встать руководящей силой и внутри синдикатов, т.-е. массовых организаций рабочего класса. Между тем во французской партии имеются товарищи, которые не усвоили этой элементарной истины и которые—как, например, Вердье—ведут непримиримую борьбу за «неприкосновенность» синдикатов от влияния партии. Ясно, что такие товарищи только по недоразумению вошли в партию, ибо коммунист, который отрицает задачи и обязательства коммунистической партии по отношению к синдикатам, не есть коммунист.

Само собой разумеется, что это не означает организационного или внешнего подчинения синдикатов партии. Организационно синдикаты независимы. Партия имеет внутри синдикатов то влияние, которое она себе завоевывает своей работой, своим идейным воздействием, своим авторитетом. Но этим самым мы говорим, что партия обязана стремиться к всемерному увеличению своего влияния в синдикатах, она должна ставить перед собою все вопросы, вырастающие из синдикального движения, давать на них ясные ответы и проводить свои взгляды через коммунистов, работающих в профессиональных союзах, ни мало не нарушая организационной автономии последних.

Вы знаете, что во Франции внутри профессиональных союзов имело значительное влияние течение так называе-

мого революционного синдикализма. По существу революционный синдикализм, хотя и отрицал партию, сам был ничем иным, как антипарламентской партией рабочего класса. Синдикалистская партия всегда вела энергичную борьбу за свое влияние на синдикаты и никогда не признавала нейтрализма или независимости синдикатов по отношению к теории и практике синдикалистской партии. Если отбросить теоретические ошибки и крайности французского синдикализма, а взять его революционную сущность, то нет никакого сомнения, что сущность эта нашла свое полное развитие именно в коммунизме.

Ядром революционного синдикализма во Франции была группа журнала «Ла-Ви-Уврьер («Рабочая Жизнь»). С этой группой я близко сошелся во время войны. В центре группы стояли Монат и Росмер, справа к ней примыкали Мергейм и Дюмулен. Два последних стали затем ренегатами. Росмер совершил естественный переход от революционного синдикализма к коммунизму. Монат до сих пор занимает неопределенную позицию, а после третьего Конгресса Интернационала и конгресса красных профсоюзов, Монат совершил шаг, который внушает мне серьезные опасения. Вместе с секретарем союза железнодорожников Монмуссо, Монат опубликовал протест против резолюции Коминтерна о профессиональном движении и отказался примкнуть к Красному Международному объединению профсоюзов. Нужно сказать, что самый текст протеста Моната и Монмуссо является лучшим аргументом против их половинчатой позиции, Монат заявляет о своем выходе из Амстердамского объединения профессиональных союзов — за его тесную связь со Вторым Интернационалом. Совершенно правильно. Но тот факт, что подавляющее большинство профессиональных союзов связано либо со Вторым, либо с Третьим Интернационалом, и является лучшим доказательством того, что нейтральных, аполитических профсоюзов вообще, а тем более в революционную эпоху, нет и быть не может. Кто отрывается от Амстердама и не примыкает к Москве, тот рискует создать профессиональный интернационал два с половиной.

Я твердо рассчитываю, что это печальное недоразумение будет рассеяно, и что Монат займет свое место там, где ему по всему его прошлому надлежит быть: во французской

коммунистической партии и в московском Интернационале.

Вполне понятно и правильно то осторожное и мягкое отношение, которое проявляет французская коммунистическая партия по отношению к революционным синдикалистам, ища сближения с ними. Но совершенно непонятна та снисходительность, с какой партия терпит противодействие политике Коминтерна со стороны своих собственных членов, подобных Вердье. Монат представляет собою традицию революционного синдикализма, Вердье представляет только путаницу.

Но выше этих личных и групповых вопросов стоит вопрос о руководящем влиянии партии на синдикаты. Отнюдь не покушаясь на их автономию, которая определяется целиком потребностями текущей практической работы, партия должна, однако, покончить в этой важнейшей области со всеми спорами и колебаниями и показать французскому рабочему классу на деле, что у него есть, наконец, революционная партия, руководящая всеми областями классовой борьбы. В этом отношении решения 3-го Конгресса, какие бы временные замешательства и конфликты ни вызвали они в ближайшие месяцы, будут иметь огромное и в высшей степени плодотворное влияние на весь дальнейший ход французского рабочего движения. Только на основе этих резолюций будет установлено правильное взаимоотношение партии и рабочего класса, а без этого нет и не может быть победоносной революции пролетариата.

Не поворот направо, а серьезная подготовка к завоеванию власти.

Я не буду говорить о коммунистических партиях других стран, так как в задачу моего доклада вовсе не входит характеристика всех организаций Коммунистического Интернационала. Я хотел только представить вам, товарищи, основные линии его политики, как они развернулись и определились на последнем Конгрессе. Поэтому я характеризовал те партии, которые дали наибольший материал для выработки тактической линии Интернационала в ближайшую эпоху.

Незачем и говорить, что Конгресс не предлагал «прекратить» — как неосновательно опасались некоторые левые товарищи — борьбу с центристами и полуцентристами. Вся борьба Коммунистического Интернационала против капиталистического режима упирается, прежде всего, в его реформистские, соглашательские окопы. Их нужно взять прежде всего. С другой стороны, нельзя вести борьбу против Второго и $2^1/_2$ Интернационала, не очищая своих собственных коммунистических рядов от центристских тенденций и настроений. Это совершенно бесспорно [1]).

Но эту борьбу направо, входящую целиком в нашу основную борьбу с буржуазным обществом, мы можем вести успешно только при условии, если преодолеем в кратчайший срок левые заблуждения, вытекающие из неопытности и нетерпения и принимающие подчас форму опасных авантюр. В этом направлении третий Конгресс совершил боль-

---

[1]) Из дошедших до меня уже во время печатания этой книги, статей тов. Курт-Гайера по поводу 3 Конгресса я вижу, что этот представитель оппозиции не только скатывается к центризму, но и сам отдает себе в этом отчет. Он исходит из того, что 3 Конгресс установил новую историческую перспективу и тем сделал тактику менее зависимой от ожидания революции в ближайший период. Отсюда Гайер делает тот вывод, что тактические разногласия между III Интернационалом и центристами... смягчаются. Такой вывод является совершенно чудовищным! III Интернационал есть боевая организация, которая идет к революционной цели через все изменения условий. Интернационал два с половиной не хочет революции. Он построен на соответственном подборе вождей и полувождей, группировок и тенденций, идей и методов.

В то самое время, как Курт-Гайер констатирует смягчение разногласий между коммунистами и независимыми, независимые—с гораздо большим основанием—констатируют смягчение разногласий между ними и социал-демократами. Если сделать отсюда все выводы, то это дало бы программу восстановления старой социал-демократии, какой она была до августа 1914 года, со всеми вытекающими отсюда последствиями. Если мы отвергаем догматическое приурочивание революции к ближайшим неделям или месяцам—из чего практически вытекают пуччистские тенденции,—то в нашей борьбе с пуччизмом мы остаемся верны нашей основной задаче — формированию революционной, действенной, непримиримой коммунистической партии, противостоящей всем реформистским и центристским группировкам в пролетариате. Курт-Гайер догматически отодвигает революцию в неопределенную даль и отсюда делает выводы в смысле сближения с центристами. Есть все основания опасаться, что эта „перспектива“ заведет Гайера и его единомышленников гораздо дальше, чем они сегодня сами полагают.

шую воспитательную работу, которая превратила его, как я сказал, в высшую школу, в академию революционной стратегии.

По поводу наших резолюций Мартов, Бауер и другие комнатные стратеги мещанства говорят о распаде коммунизма, о крушении Третьего Интернационала и пр., и пр. Эти разговоры заслуживают только теоретического презрения. Коммунизм не есть и не был догматической календарной программой революции. Коммунизм — живая, действующая, растущая, маневрирующая армия пролетариата, которая в процессе своей работы отдает себе отчет в изменчивых условиях борьбы, проверяет свое собственное оружие, заново оттачивает его, если оно притупилось, и все свои действия подчиняет потребностям подготовки к революционному ниспровержению буржуазного строя.

Тот факт, что мы на 3-м Конгрессе так внимательно и пристально, так конкретно занялись вопросами тактики, сам по себе является огромнейшим шагом вперед: он свидетельствует, что III-й Интернационал вышел из стадии идейного и организационного самоопределения и стал лицом к лицу, как живая руководящая массовая организация, с вопросами непосредственного революционного действия.

Если бы кто-либо из более молодых и менее опытных товарищей, здесь присутствующих, сделал из моего доклада пессимистический вывод—в том смысле, что положение Интернационала неблагополучно и что трудно победить буржуазию при наличности столь ошибочных взглядов и методов в самих коммунистических партиях, тот сделал бы в корне ложное заключение. В эпоху резких изменений в мировой политике, в эпоху глубоких социальных потрясений,—словом, в ту революционную эпоху, в какую мы живем,—воспитание революционных партий совершается с чрезвычайной быстротой, особенно при условии взаимного обмена опытом, взаимного контроля и общего централизованного руководства, выражением чего и является наш Интернационал. Не забудем, что сильнейшие коммунистические партии в Европе насчитывают—буквально!—месяцы существования. В нашу эпоху месяц идет за год, а иной месяц и за десятилетие.

Хотя я принадлежал на Конгрессе к так называемому «правому» крылу и участвовал в критике мнимо-револю-

ционной левизны, которая, как я старался вам показать, очень опасна для действительного развития пролетарской революции, но я вышел с этого Конгресса гораздо более оптимистически настроенным, чем я пришел на Конгресс. Те впечатления, какие я получил от обмена мнениями с делегациями братских партий Европы и всего мира, я могу резюмировать так: за истекший год Коммунистический Интернационал сделал колоссальный шаг вперед как в идейном, так и в организационном отношениях.

Конгресс не дал и не мог дать сигнала к общему наступлению. Он формулировал задачу коммунистических партий, как задачу *подготовки* к наступлению и, прежде всего, как задачу идейного завоевания большинства трудящихся города и деревни. Это вовсе не значит, что революция «откладывается» на неопределенно долгий ряд лет. Ничего подобного: мы ускоряем революцию, а главное — обеспечиваем ее победу глубокой, всесторонней и тщательной подготовкой к ней.

Разумеется, нельзя ни в каком смысле приводить к общему знаменателю революционную политику рабочего класса и военную работу Красной армии—это мы знаем,—и мне особенно «рискованно» обращаться даже к сравнениям из этой области, ввиду почти традиционной опасности быть заподозренным по части «милитарного» уклона мыслей—немецкие Куновы и русские Мартовы давно уже установили, что я стремлюсь политику и экономику рабочего класса заменять «приказом», передаваемым через военный «аппарат»,—тем не менее, прикрыв свой тыл этим предисловием, я иду на риск некоторого милитарного сравнения, которое, мне кажется, не бесполезным для освещения как революционной политики пролетариата, так и работы Красной армии...

Когда нам на каком-либо из наших бесчисленных фронтов необходимо бывало подготовиться к решающим операциям, мы отправляли туда прежде всего свежие полки, мобилизованных партией коммунистов, запасы амуниции и пр. и пр. Без достаточных материальных средств не могло, разумеется, быть и речи о решающей борьбе с Колчаком, Деникиным, Врангелем и всеми другими.

Но вот материальные условия для решающих действий более или менее на-лицо. Выехавши на фронт, мы узнаем

что командование фронта назначило общее наступление, скажем, на 5-е мая, которое наступает, допустим, через 3 дня. На заседании Революционного Военного Совета фронта, в штабе его, в политотделе мы приступаем к обсуждению условий предстоящих решающих боев. Мы узнаем, что на нашей стороне имеется некоторый перевес в числе штыков, сабель и пушек, что у противника значительный перевес в средствах авиации, но что в общем материальное превосходство на нашей стороне. Солдаты более или менее обуты и одеты, коммуникация обеспечена. С этой стороны, стало быть, дело обстоит достаточно благополучно.—«А как у вас была проведена агитация перед наступлением? В течение какого времени она велась? В каких формах и под какими лозунгами? Сколько коммунистов было брошено в части для руководства агитацией? Покажите ваши прокламации, листовки, статьи ваших фронтовых газет, ваши плакаты и карикатуры. Знает ли у вас каждый солдат вашей армии, вашего фронта, кто такой Врангель, с кем он связан, кто стоит за его спиной и откуда у него артиллерия и авиация?»—Мы получаем недостаточно определенные ответы. Агитация, конечно, велась; относительно Врангеля, разумеется, разъяснения давались. Но некоторые полки пришли только вчера или третьего дня из центра и с других фронтов и относительно их политического состояния и настроения нет еще точных сведений.—«Как прошло распределение мобилизованных партией нескольких тысяч коммунистов по дивизиям и полкам? Сообразовались ли с характером и составом каждой отдельной части при распределении коммунистических элементов? Проделали ли предварительную необходимую работу с самими коммунистами? Разъяснили ли каждой группе, в какую часть она будет включена, каковы особенности этой части и каковы в ней специальные условия политической работы? Наконец, обеспечена ли просто наличность в каждой роте коммунистической ячейки, которая сама готова драться до конца и других способна вести вперед?»

Оказывается, что эта работа выполнена лишь в общих чертах, без надлежащего внимания к конкретным условиям и специальным особенностям политической агитации в армии вообще, в каждом полку в особенности. Агитация

не имела сосредоточенного, напряженного характера, действительно отвечающего непосредственной подготовке к бою. Это заметно и по статьям газет, и по воззваниям...—Наконец, проверили ли комиссарский и командный состав? За время прошлых боев многие комиссары перебиты и на первых порах заменены случайными людьми. Произведено ли надлежащее пополнение комиссарского состава? Как обстоит дело с командирами? Пользуются ли они достаточным доверием? При мало проверенных командирах имеются ли вполне авторитетные и энергичные комиссары? Нет ли, наконец, среди командиров, из числа бывших царских офицеров, таких лиц, семьи которых находятся на территории, занятой Врангелем, или за границей? Совершенно естественно, если такие командиры будут стремиться попасть в плен, что может иметь роковые последствия для исхода отдельных операций. Проверили ли под этим углом зрения командный состав? Обновили ли, укрепили ли? Нет?—Назад! Отменить наступление. В материальном отношении момент выгоден, у нас перевес сил, противник не успел закончить сосредоточение. Это бесспорно. Но моральная подготовка имеет не меньшее значение, чем материальная. А между тем, моральная подготовка проведена небрежно и поверхностно. При этих условиях лучше даже сдать противнику часть территории, отступить на два—три десятка верст назад, выгадать время, отсрочить наступление на две—три недели и провести подготовительную политическую и организационную кампанию до конца. Тогда успех обеспечен...

Кто из вас, товарищи, работал в армии,—а таких здесь много,—тот знает, что этот пример не выдуман мною. Стратегические отступления, только потому, что армия оказывалась недостаточно подготовлена в морально-политическом отношении к решающим боям, у нас происходили не раз. Между тем, армия есть организация принуждения. Каждый, кого она посылает, обязан итти в бой. Против сопротивляющихся применяется суровая военная репрессия. Без этого армии нет и быть не может. Но в революционной армии главной движущей силой являются политическое сознание, революционный энтузиазм, понимание большинством армии стоящей перед ней военной задачи и готовность эту задачу разрешить.

Во сколько же раз больше все это относится к решающим революционным боям рабочего класса? Здесь не может быть и речи о принуждении к революции. Здесь нет аппарата репрессий. Успех может быть основан только на готовности большинства трудящихся принять прямое или косвенное участие в борьбе, помочь ее счастливому исходу [1]). Третий Конгресс имел такой характер, как если бы Коммунистический Интернационал, в лице своих руководящих представителей, выехал на фронт мирового рабочего движения, которое готовится к решающим боям за власть. Конгресс спросил: «Товарищи-коммунисты, немецкие, итальянские, французские и другие! Овладели ли вы большинством рабочего класса? Что вы сделали для того, чтобы каждый рабочий понял, во имя чего идет борьба? Разъяснили ли вы это простыми, ясными, отчетливыми словами трудящимся массам вплоть до самых отсталых? Что вы предприняли для проверки того, что эти отсталые поняли вас? Покажите ваши газеты, ваши брошюры, ваши прокламации.—Нет, товарищи, этого еще недостаточно. Это еще не тот язык, который свидетельствует о подлинной связи с миллионами трудящихся... Что вы предприняли для правильного распределения коммунистических сил в профессиональных союзах? Имеются ли у вас надежные ячейки во всех важных организациях рабочего класса? Что вами сделано для проверки «командного состава» в профессиональных союзах, для фактической очистки рабочих организаций от сомнительных, ненадежных, тем более явно предательских вождей? Организована ли у вас глубокая разведка в стане врага?.. Нет, товарищи, ваша подготовка недостаточна, а в некоторых отношениях вы даже еще не поставили перед собой настоящим образом задачи подготовки»...

Значит ли это, что решающая борьба откладывается на десятилетия или хотя бы на многие годы? Ничего подобного! В отношении военного наступления подготовку можно иногда провести в течение двух—трех недель и даже менее того. Разрозненные дивизии с колеблющимся настроением,

---

[1]) Один шутник „возражал" мне на Конгрессе в том смысле, что рабочим классом нельзя командовать, как армией. Вот те-то и оно. А я доказывал, что даже Красной армией нельзя так командовать, как некоторые политики пытались командовать рабочим классом.

с неустойчивым командным и комиссарским аппаратом, при надлежащей напряженной подготовительной работе могут в десять—пятнадцать дней быть превращены в могущественную армию, тесно спаянную единством сознания и воли. Объединить пролетарские миллионы для решающей борьбы несравненно труднее. Но вся наша эпоха чрезвычайно облегчает эту работу — при условии, если мы не будем шататься направо и спотыкаться налево. Потребуется ли на подготовительную работу лишь несколько месяцев или же год—два и более, об этом было бы неумно гадать. Это зависит от многих условий. Но несомненно, что в нынешней обстановке одним из важнейших условий приближения революции и ее победоносного завершения является наша к ней подготовительная работа. К массам!—говорит Коммунистический Интернационал всем своим партиям.—Захватывайте их шире и глубже. Установите между собой и ими несокрушимую связь! Распределяйте коммунистов на самые ответственные и опасные посты во всей толще рабочего класса. Пусть они завоевывают доверие масс. Пусть масса вместе с ними изгоняет из своих рядов вождей-оппортунистов, колеблющихся вождей и вождей-карьеристов. Используйте каждую минуту для революционной подготовки. Эпоха работает на нас. Не бойтесь, что революция ускользнет у вас из рук. Организуйтесь, укрепляйтесь, — и тогда вы приблизите час, который станет часом действительной решающей оффензивы, и тогда партия не только скомандует «вперед», но и доведет наступление до победоносного конца!

ПРИЛОЖЕНИЯ

Тезисы 3-го Конгресса о мировом положении и задачах Коммунистического Интернационала.

I. Существо вопроса.

1. Революционное движение к концу империалистической войны и после нее отличается небывалым в истории размахом. В марте 1917 г. происходит низвержение царизма. В Англии с мая 1917 г. бурная стачечная борьба. В ноябре 1917 г. российский пролетариат овладевает государственной властью. В ноябре 1918 г. низвержение германской и австро-венгерской монархий. Стачечное движение охватывает ряд европейских стран и особенно широко разливается в течение следующего года. В марте 1919 г. возникает советская республика в Венгрии. В конце года Соединенные Штаты сотрясаются бурными стачками металлистов, углекопов, железнодорожников. В Германии — после январских и мартовских боев 1919 г. — движение достигает своей кульминации в дни после капповского мятежа, в марте 1920 г. Во Франции наиболее напряженный момент внутренней жизни приходится на май 1920 г. В Италии, непрерывно нарастающее движение промышленного и сельского пролетариата приводит в сентябре 1920 г. к захвату рабочими фабрик, заводов и поместий. В декабре 1920 года в Чехии происходят массовые пролетарские забастовки. В марте 1921 г. восстание рабочих средней Германии и стачка рабочих угольной промышленности в Англии.

Особенного размаха и наибольшей остроты движение достигает в странах, ведших войну, а из них—в побежденных. Но оно распространяется и на нейтральные страны. В Азии и Африке оно пробуждает или усиливает революционные возмущения многомиллионных колониальных масс.

Эта могущественная волна, однако, не опрокинула ни мирового, ни европейского капитализма.

2. За год, протекший между 2 и 3 Конгрессом Коммунистического Интернационала, ряд возмущений и боев рабочего класса закончился его частными поражениями (наступление Красной армии на Варшаву в августе 1920 г., движение итальянского пролетариата в сентябре 1920 г., восстание немецких рабочих в марте 1921 г.).

Первый период революционного движения после войны, характеризующийся стихийностью напора, значительной бесформенностью методов и целей и чрезвычайной паникой правящих классов, представляется в значительной мере завершенным. Классовая самоуверенность буржуазии и внешняя устойчивость ее государственных органов несомненно укрепились. Панческое отношение к коммунизму, если не прошло, то ослабело. Руководители буржуазии даже хвастают могуществом своего государственного аппарата и во всех странах перешли в наступление против рабочих масс как на экономическом, так и на политическом фронте.

3. Ввиду этого положения Коммунистический Интернационал ставит перед собой и перед всем рабочим классом следующие вопросы: в какой мере новое политическое взаимоотношение буржуазии и пролетариата соответствует более глубокому соотношению сил? действительно ли буржуазия близка к восстановлению социального равновесия, нарушенного войной? есть ли основания полагать, что на смену эпохе политических потрясений и классовых боев идет новая длительная эпоха восстановления и роста капитализма? не вытекает ли отсюда необходимость пересмотра программы или тактики Коммунистического Интернационала?

II. Война, спекулятивный подъем, кризис и страны Европы.

4. Предшествовавшие войне два десятилетия были эпохой особенно могущественного капиталистического прибоя. Периоды подъема отличались напряженностью и длительностью, периоды депрессий или кризисов отличались краткостью. В общем, кривая резко поднималась вверх: капиталистические нации богатели.

Прощупывая мировой рынок через тресты, картели и консорциумы, вершители мировых судеб отдавали себе отчет в том, что бешено развивающийся капитализм должен упереться в пределы емкости им же созданного капиталистического мирового рынка и попытались выйти из положения хирургическим путем. Кровавый кризис мировой войны должен был заменить неопределенно долгий период экономической депрессии — с одним и тем же результатом: массовым уничтожением производительных сил.

Война соединила, однако, чрезвычайную разрушительную силу методов с непредвиденной длительностью их применения. В результате она не только экономически уничтожила «избыточные» производительные силы, но и ослабила, расшатала, подкопала основной производственный аппарат Европы. Одновременно она помогла могущественному капиталистическому развитию Соединенных Штатов и лихорадочному подъему Японии. Центр тяжести мирового хозяйства передвинулся из Европы в Америку.

5. Период прекращения четырехлетней бойни, демобилизации и перестройки военных отношений на мирный лад, с неизбежным экономическим кризисом в результате истощения и хаоса войны, казался буржуазии — с полным основанием — наиболее грозным для нее временем. И действительно, в течение двух послевоенных лет захваченные войной страны явились ареною могущественных движений пролетариата.

Одной из важнейших причин, благодаря которым буржуазия сохранила тем не менее свое господствующее положение, явился тот факт, что уже через несколько месяцев после войны наступил не кризис, который казался неизбежным, а экономический подъем. Он длился приблизительно полтора года. Промышленность поглощала почти целиком демобилизованных рабочих. Заработная плата, хотя и не могла по общему правилу догнать цены на предметы потребления, поднималась все же вверх, создавая мираж экономических завоеваний.

Именно этот *торгово-промышленный подъем 1919—1920 г.г.*, внесший смягчение в наиболее острый ликвидационный период после войны, имел своим последствием чрезвычайное повышение самоуверенности буржуазии и *выдвинул во-*

прос о наступлении новой органической эпохи капиталистического развития.

Между тем подъем 1919—1920 г.г. являлся в основе своей не началом возрождения капиталистического хозяйства после войны, а продолжением того искусственного состояния промышленности и торговли, какое было создано войной.

6. Империалистическая война разразилась в такой период, когда торгово-промышленный кризис, исходивший и тогда из Америки (1913 г.), стал обволакивать Европу. Нормальное развитие промышленного цикла было прервано войной, которая сама стала самым могущественным экономическим фактором. Война создала почти безграничный рынок для основных отраслей промышленности, совершенно защищенных от конкуренции. Это был твердый покупатель, которому всегда не хватало. Производство средств производства заменилось производством средств истребления. Предметы личного потребления поглощались по все более высоким ценам миллионами людей, которые не производили, а разрушали. Этот процесс означал разоренье. Но, в силу доведенных до чудовищности противоречий капиталистического общества, он принял вид и форму обогащения. Государство выпускало заем за займом, эмиссию за эмиссией и от счета на миллионы перешло к счету на миллиарды. Машины и сооружения изнашивались и не возобновлялись. Земля плохо обрабатывалась. Капитальные строительные работы, в городах и на путях сообщения, прекратились. Тем временем число государственных ценностей, кредитных и казначейских знаков, фондов росло непрерывно. Фиктивный капитал разухал в такой же степени, в какой разрушался производительный капитал. Кредитная система из средства обращения товаров стала средством мобилизации в военных целях национального достояния, включая и то, которое еще будет создаваться будущими поколениями.

Именно из страха перед опасностью катастрофического кризиса капиталистическое государство действовало после войны так, как и во время войны: новые эмиссии, новые займы, регулирование важнейших цен, гарантирование прибылей, приплата на хлебе и другие виды государственной субсидии к жалованью и заработной плате, плюс военная цензура и диктатура офицерства.

7. Одновременно с этим прекращение военных действий и восстановление хотя бы и ограниченных международных сношений дали обнаружиться спросу на самые разнообразные товары во всех концах земли. Война оставила большие массы неизрасходованных продуктов. Огромные денежные суммы, сосредоточенные в руках поставщиков и спекулянтов, были мобилизованы по линии наибольшего барыша. Отсюда лихорадочный торговый подъем, где — при небывалом росте цен и фантастических дивидендах — промышленность ни в одной из своих основных отраслей не приблизилась в Европе к своему довоенному уровню.

8. Ценой дальнейшего органического расстройства хозяйственной системы (рост фиктивного капитала, падение валюты, спекуляция вместо залечивания хозяйственных ран) буржуазным правительствам совместно с банковскими консорциумами и промышленными трестами удалось оттянуть начало экономического кризиса — к такому моменту, когда политический кризис демобилизации и первого подведения итогов уже вошел в берега. Получив серьезную передышку, буржуазия вообразила, что опасность кризиса устранена на неопределенно долгое время. Воцарился чрезвычайный оптимизм. Казалось, что потребности восстановления открывают многолетнюю эпоху процветания промышленности, торговли и особенно спекуляции. 1920 год оказался годом разбитых надежд.

Сперва как финансовый, потом как торговый, далее как промышленный — кризис начался в марте 1920 г. в Японии, в апреле в Соединенных Штатах (легкое понижение цен началось уже в январе), перешел в Англию, Францию и Италию (в апреле), в нейтральные страны Европы, в ослабленном виде сказался в Германии и распространился по всему вовлеченному в капиталистическое развитие миру во вторую половину 1920 года.

9. Таким образом *кризис 1920 г.* — это есть одно из важнейших обстоятельств для понимания мировой обстановки! — не есть очередной этап «нормального» промышленного цикла, а более глубокая *реакция против основанного на разорении и истощении фиктивного подъема эпохи войны и двух послевоенных лет.*

Нормальные чередования подъемов и кризисов происходили на поднимающейся кривой промышленного развития.

За последние семь лет производительные силы Европы не поднимались, а круто падали.

Разорение самого фундамента хозяйства еще только должно сказаться во всех его этажах. Для достижения некоторого внутреннего соответствия хозяйство Европы в течение ближайшего ряда лет должно будет сжиматься и сокращаться. Кривая развития производительных сил будет понижаться от нынешней своей фиктивной высоты. Подъемы могут иметь при этом кратковременный, в значительной мере спекулятивный характер. Кризисы должны быть длительными и тяжелыми. Нынешний кризис в Европе есть кризис недопроизводства. Это реакция обнищания против стремления производить, торговать и жить на прежнюю широкую капиталистическую ногу.

10. Экономически сильнейшая и наименее пострадавшая от войны страна Европы—*Англия*. Тем не менее и по отношению к ней нельзя говорить о восстановлении капиталистического равновесия после войны. Правда, благодаря своей мировой организации и положению победительницы, Англия достигла после войны известных *торговых* и *финансовых* успехов: улучшила в свою пользу торговый баланс, подняла курс фунта стерлингов и достигла фиктивного избытка в бюджете. Но в области *промышленности* Англия шла после войны назад, а не вперед. Как производительность труда, так и национальный доход несравненно ниже, чем до войны. Положение основной отрасли промышленности, угольной, все более ухудшается, увлекая за собой и другие отрасли. Непрерывные стачечные потрясения являются не причиной, а последствием упадка английского хозяйства.

11. *Франция, Бельгия, Италия* непоправимо разорены войной. Попытка восстановить хозяйство Франции за счет Германии есть дикий грабеж, соединенный с дипломатическим шантажем, и совершается путем дальнейшего разорения Германии (уголь, машины, скот, золото), не спасая в то же время Франции. Это наносит тяжелый ущерб хозяйству всей континентальной Европы. Франция получает гораздо менее, чем теряет Германия, несмотря на то, что французские крестьяне с крайним напряжением сил отвоевали для земледелия большие части разоренных областей. Несмотря на то, что во время войны заново развились целые

отрасли промышленности (химическая военная промышленность), Франция идет навстречу экономической гибели. Государственный долг и государственные расходы (милитаризм) достигли невыносимой высоты. К концу последнего подъема французская валюта упала на 60%. Возрождению французского хозяйства мешает большая убыль в людях во время войны, особенно тяжкая ввиду низкой рождаемости. В аналогичном положении находится хозяйство Италии и Бельгии.

12. Иллюзорный характер подъема ярче всего виден на *Германии*. В то время, как цены повысились за полтора года в 7 раз, производство страны продолжало резко падать. Победоносное на вид участие Германии в международном товарообмене после войны оплачивается двойною ценой: расточением основного капитала нации (разрушением производственного, транспортного и кредитного аппарата) и дальнейшим понижением уровня жизни рабочего класса. Прибыли немецких экспортеров представляют собою чистый убыток с общественно-хозяйственной точки зрения. Под видом экспорта происходит распродажа Германии по дешевой цене. Капиталистические верхи обеспечивают за собою все возрастающую долю во все уменьшающемся национальном достоянии. Немецкие рабочие становятся кули Европы.

13. Как политически мнимая самостоятельность *мелких нейтральных стран* держится на антагонизме великих держав, так экономически они живут в порах мирового рынка, основной характер которой до войны определялся Англией, Германией, Соединенными Штатами и Францией. В течение войны буржуазия мелких нейтральных стран Европы наживала чудовищные барыши. Но разорение воевавших стран Европы повлекло за собой хозяйственное расстройство нейтральных стран. Их долги возросли, их валюта пала. Кризис наносит им удар за ударом.

III. Соединенные Штаты, Япония, советская Россия и колониальные страны.

14. Развитие *Соединенных Штатов* за время войны представляется в известном смысле прямо противоположным развитию Европы. Участие Соединенных Штатов в войне было,

главным образом, участием поставщика. Непосредственно разрушительного влияния войны Соединенные Штаты не испытали вовсе. Косвенное разрушительное влияние на транспорт, сельское хозяйство и проч. было гораздо слабее, чем в Англии, не говоря уже о Франции или Германии. С другой стороны, Соединенные Штаты в полном объеме использовали устранение или крайнее ослабление европейской конкуренции и довели ряд важнейших отраслей и промышленности до неожиданного для них самих развития (нефть, судостроение, автомобили, уголь). Не только американская нефть и американский хлеб, но и американский уголь держат ныне в зависимости от себя большинство стран Европы.

Если до войны Америка вывозила, главным образом, продукты сельского хозяйства и сырье (более $^2/_3$ вывоза), то теперь она вывозит, главным образом, продукты промышленности (60% вывоза). Если до войны Америка была должником, то теперь она стала всемирным заимодавцем. Около половины мирового золотого запаса сосредоточилось в Соединенных Штатах, и золото все еще продолжает притекать. Руководящую роль на мировом денежном рынке от фунта стерлингов перешла к доллару.

15. Однако и американский капитализм выбит из равновесия. Чрезвычайный промышленный подъем Америки обусловливался исключительным сочетанием мировых обстоятельств: устранением европейской конкуренции и, главное, спросом военного рынка Европы. Если разоренная Европа и после войны неспособна в качестве конкурента Америки вернуть свое довоенное положение на мировом рынке, то зато сама она, в качестве рынка для Америки, может иметь лишь небольшую долю своего прежнего значения. Между тем хозяйство Соединенных Штатов стало в несравненно бо́льшей степени, чем до войны, хозяйством для вывоза. Чрезмерно развившийся во время войны производственный аппарат не может быть использован полностью, вследствие недостатка сбыта. Отдельные промышленные отрасли превращаются в сезонные, работающие только определенное время года. Кризис в Соединенных Штатах есть начало глубокого и длительного хозяйственного расстройства в результате европейской войны. Это результат коренным образом нарушенного мирового разделения труда.

16. *Япония* также использовала войну для своего расширения на мировом рынке. Ее развитие несравненно более ограниченное, чем развитие Соединенных Штатов, приобрело в ряде отраслей тепличный характер. Если ее производительные силы были достаточны для завладения пустующим рынком в отсутствии конкурентов, то они оказываются недостаточными для удержания рынка в борьбе с более могущественными капиталистическими странами. Отсюда—острый кризис, который свое начало получил именно в Японии.

17. *Заокеанские страны*, вывозящие сырье, и в том числе чисто *колониальные страны* (государства Южной Америки, Канада, Австралия, Китай, Индия, Египет и проч.), использовали, в свою очередь, разрыв международных связей для развития туземной промышленности. Мировой кризис распространился ныне и на них. Развитие национальной промышленности этих стран становится, в свою очередь, источником новых торговых затруднений для Англии и для всей Европы.

18. В области производства, торговли и кредита—притом не только в европейском, но и в мировом масштабе—нет, следовательно, никаких оснований говорить о восстановлении сколько-нибудь устойчивого равновесия после войны.

Европа продолжает экономически падать, и разорение основ европейского хозяйства должно только еще сказаться в ближайшие годы.

Мировой рынок дезорганизован. Европа нуждается в продуктах Америки, но ничего не может дать ей взамен. Европа болеет худосочием, Америка—полнокровием. Золотая валюта сокрушена. Обесценение валюты европейских стран (до 99%) ставит огромные препятствия мировому товарообмену. Непрестанные резкие колебания курсов превращают капиталистическое хозяйство в бешеную спекуляцию. Мировой рынок остается без всеобщего эквивалента.

Восстановление золотой валюты в Европе могло бы быть достигнуто только путем увеличения вывоза и уменьшения ввоза. Но именно к этому разоренная Европа неспособна. Америка, в свою очередь, ограждает себя от искусственного европейского импорта повышением таможенной стены.

Европа продолжает оставаться сумасшедшим домом. Большинство государств запрещает ввоз и вывоз известных предметов и увеличивает покровительственные пошлины. Англия вводит запретительные пошлины. Германским вывозом, как и всей экономической жизнью Германии, распоряжается банда антантовских, в особенности парижских спекулянтов. На месте Австро-Венгрии проходит десяток таможенных линий. Новые и новые петли запутываются во всех концах версальской сети.

Исключение советской России с мирового рынка в качестве потребителя промышленных товаров и поставщика сырья в значительной степени содействовало нарушению экономического равновесия.

19. Возвращение России на мировой рынок не может в ближайший период внести в него крупных изменений. Капиталистический организм России находился в отношении средств производства в теснейшей зависимости от мировой промышленности, и эта зависимость еще более усилилась по отношению к странам Антанты за время войны. Блокада оборвала сразу эти жизненные связи. Не могло быть и речи о том, чтобы в истощенной и вконец разоренной стране в течение трех лет непрерывной гражданской войны организовать ряд новых отраслей промышленности, без которых старые отрасли неизбежно приходили в упадок, изнашивая свой основной инвентарь. К этому присоединилось отвлечение в Красную армию сотен тысяч лучших, в значительной мере наиболее квалифицированных, пролетарских элементов. На данных исторических основаниях никакой другой режим не мог бы—в кольце блокады, в непрерывных войнах, в условиях унаследованного разорения—поддержать хозяйственную жизнь и создать условия централизованного управления ею. Но несомненно, что борьба с мировым империализмом оплачивалась ценой дальнейшего понижения производительных сил в ряде основных отраслей хозяйства. Только теперь, с ослаблением блокады и с установлением более правильных переходных форм взаимоотношения между городом и деревней, Советская власть получает возможность постепенного и неуклонного централизованного руководства экономическим подъемом страны.

IV. Обострение социальных противоречий.

20. Война, означавшая небывалое еще в истории разрушение производительных сил, не приостановила процесса социальной дифференциации, наоборот, пролетаризация широких промежуточных классов, в том числе нового среднего сословия (служащие, чиновники и прочие) и концентрация собственности в руках небольших клик (трестов, консорциумов и проч.) сделали за последние семь лет чудовищные успехи в наиболее пострадавших странах. Вопрос о Стиннесе стал главным вопросом германской экономической жизни.

Рост цен на все товары, одновременный с катастрофическим паденнем валюты всех воюющих европейских стран, означал сам по себе перераспределение национального дохода в ущерб рабочему классу, чиновникам, служащим, мелким рантье, всем вообще категориям с более или менее фиксированным заработком.

Таким образом, если в отношении своих материальных рессурсов Европа отброшена на десятилетия назад,—то процесс обострения социальных противоречий не только не вернулся вспять, не только не задержан, но, наоборот, получил исключительную остроту. Этот капитальный факт сам по себе достаточен, чтобы отмести всякие надежды на длительное мирное развитие в формах демократии: *прогрессирующая дифференциация («стиннесизация»—с одной стороны, пролетаризация и пауперизация на основе экономического упадка—с другой) предопределяет напряженный, конвульсивный, жестокий характер классовой борьбы.*

Нынешний кризис только продолжает в этом отношении работу войны и послевоенного спекулятивного подъема.

21. Рост цен на предметы сельско-хозяйственного производства, вызвав впечатление общего обогащения деревни, действительно повысил благосостояние богатых мужиков. Крестьянам действительно удалось выплатить дешевыми бумажками долги, заключенные по полновесной валюте. Но сельское хозяйство не состоит в одной только уплате ипотек.

Несмотря на огромное повышение цен на землю, на безвастенчивое использование монополиц на продовольствие, на обогащение крупных помещиков и деревенских кулаков,—упадок сельского хозяйства Европы очевиден: переход во

многих местах к более экстенсивным формам земледелия, превращение пахотной земли в пастбище, убыль скота, трехпольные хозяйства. И этот упадок был вызван недостатком в рабочих руках, убылью скота, отсутствием искусственного удобрения, вздорожанием продуктов промышленности; в средней и восточной Европе к этому присоединяется сознательное сокращение производства, как реакция против попытки государственной власти захватить в свои руки распоряжение сельско-хозяйственными продуктами. Крупные, а отчасти средние крестьяне создают твердые политические и хозяйственные организации для облегчения тягот по восстановлению страны и стараются использовать трудное положение буржуазии, чтобы, в награду за помощь ей против пролетариата, добиться от государства односторонне крестьянской таможенной и налоговой политики. Все это препятствует капиталистическому возрождению. Образуется раскол между городской и сельской буржуазией, подрывающей силу буржуазного государства.

Одновременно с этим пролетаризуется значительная часть беднейшего крестьянства, деревня становится очагом недовольства, классовое сознание сельского пролетариата укрепляется.

С другой стороны, общее обеднение Европы, делающее ее неспособной покупать в необходимом количестве американский хлеб, привело к тяжелому кризису фермерского хозяйства за океаном. Мы наблюдаем разорение крестьян и мелких фермеров не только в Европе, но и в Соединенных Штатах, Канаде, Аргентине, Австралии, Южной Африке.

22. Положение *государственных и частных служащих*, вследствие падения покупательной силы денег, ухудшилось по общему правилу более резко, чем положение пролетариата. Выбитое из устойчивых условий существования, чиновничество, низшее и среднее, становится элементом политического беспокойства и подрывает устойчивость государственного аппарата, которому служит. «Новое среднее сословие», которое, по оценке реформистов, представлялось оплотом консерватизма, становится в переходную эпоху скорее революционным фактором.

23. Капиталистическая Европа утратила окончательно свое господствующее экономическое положение в мире. Между

тем ее относительное классовое равновесие целиком покоилось на этом мировом господстве. Все усилия европейских стран (Англии, отчасти Франции) восстановить прошлое положение только усиливают неустойчивость и хаос.

24. В то время, как в Европе концентрация собственности совершается на основе разорения, в Соединенных Штатах рост концентрации и классовых противоречий достиг чрезвычайной высоты на основе лихорадочного капиталистического обогащения. Резкие переломы конъюнктуры вследствие общей неустойчивости мирового рынка сообщают классовой борьбе на американской почве крайне напряженный и революционный характер. За периодом еще небывалого в истории капиталистического подъема должен наступить чрезвычайный подъем революционной борьбы.

25. Эмиграция рабочих и крестьян за океан всегда служила предохранительным клапаном капиталистического режима в Европе и неизменно усиливалась в эпохи длительных репрессий или в результате поражения революционных движений.

В настоящее время Америка и Австралия ставят все большие препятствия выходцам из Европы. Клапан эмиграции закрыт.

26. Энергичное развитие капитализма на Востоке, особенно в Индии и Китае, создало там новые социальные основы для революционной борьбы. Буржуазия этих стран, в своем капиталистическом ядре, еще теснее связалась с иностранным капиталом и тем самым является существенным орудием его господства. Ее борьба против чужестранного империализма—борьба более слабого конкурента—имеет по самому существу половинчатый и недействительный характер. Развитие туземного пролетариата парализует революционно-национальные тенденции капиталистической буржуазии. Но вместе с тем в лице сознательного коммунистического авангарда многомиллионные крестьянские массы получают действительно революционного руководителя.

Сочетание военно-национального гнета иностранного империализма, капиталистической эксплоатации иностранной и своей буржуазии, остатков феодально-крепостнических оков создают благоприятные условия, в которых молодой колониальный пролетариат должен быстро развернуться и встать

во главе широкого революционного движения крестьянских масс.

Революционное народное движение в Индии и других колониях является ныне такой же составной частью мировой революции трудящихся, как и восстание пролетариата в капиталистических странах Старого и Нового света.

V. Международные отношения.

27. Общее состояние мирового хозяйства—прежде всего упадок Европы—предопределяет длительный период тягчайших хозяйственных затруднений и потрясений, общих и частных кризисов и пр. Международные отношения, как они сложились в результате войны и версальского мира, делают положение еще более безвыходным.

Если империализм вырос из потребности производительных сил смести рамки национальных государств и создать единую европейскую и мировую хозяйственную территорию, то результатом свалки враждебных империализмов явилось нагромождение в центральной и восточной Европе ряда новых границ с новыми таможнями, с новыми армиями. В государственно-экономическом смысле Европа отброшена к средневековью.

На истощенной и разоренной почве кормится сейчас армия, которая в полтора раза больше армии 1914 года, т.-е. высшего момента «вооруженного мира».

28. Руководящая на европейском континенте политика Франции слагается из двух элементов: из слепого бешенства ростовщика, который готов задушить своего несостоятельного должника, и из алчности хищника тяжелой индустрии, который—при помощи Саарского, Рурского и Верхне-Силезского угольных бассейнов—хочет на смену обанкротившемуся финансовому империализму создать условия для империализма промышленного.

Но это стремление идет против Англии. Задача последней состоит в разъединении германского угля и французской руды, сочетание которых является одним из необходимейших условий возрождения Европы.

29. Великобританская империя сейчас на вершине могущества. Она удержала свои старые владения и приобрела

новые. Но именно сегодняшний день обнаруживает, что господствующее мировое положение Англии пришло в противоречие с ее фактическим экономическим упадком. Германия с ее несравненно более прогрессивным в техническом и организационном отношении капитализмом раздавлена вооруженною силой. Но в лице Соединенных Штатов, завладевших экономически обеими Америками, поднялся победоносный противник, еще более грозный, чем Германия. Благодаря лучшей организации и технике, производительность труда в промышленности Соединенных Штатов несравненно выше, чем в Англии. В пределах Соединенных Штатов добывается 65—70% мирового потребления нефти, от которой зависит автомобильное и тракторное хозяйство, флот и авиация. Вековое и почти монопольное положение Англии на угольном рынке окончательно подорвано; Америка заняла первое место; ее ввоз в Европу угрожающе возрастает. В области торгового судоходства Америка почти уравнялась с Англией. Соединенные Штаты не хотят более мириться с мировой монополией Англии в области кабеля. В области промышленности Великобритания переходит к обороне и под предлогом борьбы с «нездоровой» германской конкуренцией вооружается мерами протекционизма против Соединенных Штатов. Наконец, в то время, как военный флот Англии, насчитывающий высокий процент устаревших единиц, остановился в своем развитии,—правительство Гардинга приняло от правительства Вильсона программу морского строительства, которая уже в течение ближайших двух—трех лет должна обеспечить перевес американскому флагу.

Положение таково, что либо Англия будет автоматически отодвинута на задний план и, несмотря на свою победу над Германией, превратится в державу второго порядка, либо она сочтет себя вынужденной уже в ближайшее время всю унаследованную ею от прошлого силу поставить ребром в смертельной схватке с Соединенными Штатами.

Именно ввиду этого Англия поддерживает свой союз с Японией, — и ценой уступок стремится закрепить за собою содействие или, по крайней мере, нейтралитет Франции. Рост международной роли этой последней за последний год — в пределах европейского континента — имеет своей

причиной не усиление Франции, а международное ослабление Англии.

Майская капитуляция Германии в вопросе о контрибуции означает, однако, временную победу Англии и заключает в себе дополнительную гарантию дальнейшего хозяйственного упадка центральной Европы, отнюдь не исключая захвата Францией Рурского и Верхнесилезского бассейнов в ближайшем будущем.

30. Антагонизм Японии и Соединенных Штатов, временно заслоненных их участием в войне против Германии, ныне открыто развивает свои тенденции. Япония в результате войны приблизилась к американским берегам, получив важные в стратегическом отношении острова на Тихом океане.

Кризис быстро поднявшейся японской промышленности снова обострил проблему эмиграции: густо населенная и бедная естественными рессурсами Япония вынуждена вывозить либо товары, либо людей. На обоих этих путях она сталкивается с Соединенными Штатами: в Калифорнии, в Китае и на островке Яп.

Свыше половины своего бюджета Япония расходует на армию и флот. В борьбе Англии с Америкой Японии предстоит на море та роль, которую Франция выполнила на суше в войне с Германией: если Япония сейчас пользуется антагонизмом Великобритании и Америки, то окончательная борьба этих гигантов за мировое господство будет разыграна прежде всего на спине Японии.

31. Последняя великая война была по своим исходным причинам и по своим главным участникам европейской войной. Осью борьбы был антагонизм Англии и Германии. Вмешательство Соединенных Штатов расширило рамки борьбы, но не отклонило ее от основного направления: европейский конфликт разрешался мировыми средствами. Война, разрешившая по-своему тяжбу между Англией и Германией и постольку—между Соединенными Штатами и Германией, не только не разрешила, но лишь впервые поставила во всем объеме вопрос о взаимоотношениях между Соединенными Штатами и Англией, как основной вопрос мировой политики, и вопрос о взаимоотношениях между Соединенными Штатами и Японией, как вопрос второго порядка. Последняя война была таким образом европейским

предисловием к действительно мировой войне, к разрешению вопроса об *империалистическом единодержавии.*

32. Но это только одна из осей мировой политики. У нее есть и вторая ось. Российская Советская Федерация и III Интернационал создались в результате последней войны. Группировка сил международной революции направляется целиком против всех империалистических группировок.

Сохранение союза Англии и Франции или, наоборот, его разрыв, с точки зрения интересов пролетариата и обеспечения мира, имеют такую же цену, как возобновление или невозобновление англо-японского союза, как вхождение или невхождение Соединенных Штатов в Лигу Наций: пролетариат ни в каком случае не может видеть гарантии мира в преходящих, изменчивых, хищных и вероломных группировках капиталистических государств, политика которых чем дальше, тем больше вращается вокруг англо-американского антагонизма и питает его, подготовляя кровавый взрыв.

Заключение мирных договоров и торговых соглашений некоторыми капиталистическими странами с советской Россией отнюдь не означает отказа мировой буржуазии от разгрома Республики Советов. Мы имеем пред собою лишь изменение—может быть, временное—форм и методов борьбы. Японский переворот на Д. Востоке означает может быть вступление в новую эпоху вооруженных интервенций.

Совершенно очевидно, что чем более затяжной характер примет мировое пролетарское революционное движение, тем неизбежнее противоречия международного экономического и политического положения приведут буржуазию к попытке новой кровавой развязки в мировом масштабе. Это значило бы, что задача «восстановления капиталистического равновесия» после новой войны опиралась бы на такое хозяйственное разорение и культурное одичание, по сравнению с которыми нынешнее состояние Европы должно представиться верхом благополучия.

33. Несмотря на то, что опыт последней войны подтвердил с ужасающей убедительностью, что «война — ложный расчет», — истина, которою исчерпывается как буржуазный, так и социалистический пацифизм, — экономическая, политическая, идейная, техническая подготовка новой войны идет полным ходом во всем капиталистическом мире. Гуманитар-

ный антиреволюционный пацифизм стал вспомогательной силой милитаризма.

Социал-демократы во всех своих разновидностях и профессионалисты Амстердама, внушающие международному пролетариату необходимость приспособиться к тем экономическим и международно-государственным нормам, какие сложились в результате войны, являются тем самым незаменимыми помощниками империалистской буржуазии в деле подготовки новой бойни, угрожающей окончательно погубить человеческую цивилизацию.

VI. Рабочий класс после войны.

34. По существу вопрос о восстановлении капитализма на очерченных выше основаниях означает: захочет ли рабочий класс нести в новых, несравненно более тяжелых условиях жертвы, необходимые для того, чтобы воспроизвести устойчивые условия своего собственного рабства, более концентрированного и жестокого, чем то, какое было до войны?

Для восстановления хозяйства Европы необходимо восстановление производственного аппарата, сильно разрушенного во время войны, восстановление капитала. Это возможно только в том случае, если пролетариат согласится работать более интенсивно, при сильно пониженной заработной плате. Этого требуют от него капиталисты, это же советуют ему вожди-предатели желтого Интернационала: сначала помочь возродиться капитализму, затем бороться за улучшение положения рабочих. Но европейский пролетариат не согласен на такие жертвы: он требует повышения жизненного уровня, что сильнейшим образом противоречит объективным возможностям внутри капиталистического строя. Отсюда бесконечные забастовки и восстания, невозможность хозяйственного возрождения Европы. Восстановить валюту значит для ряда европейских государств (Германия, Франция, Италия, Австрия, Венгрия, Польша, Балканы...) прежде всего скинуть с себя непосильные обязательства, т.-е. объявить банкротство; но это значит дать могучий толчок борьбе всех классов за новое распределение национального дохода. Восстановить валюту значит далее сократить государственные рас-

ходы за счет масс (отказ от регулировки заработной платы и цен на предметы массового потребления), закрыть доступ более дешевым заграничным продуктам массового потребления и повысить экспорт путем понижения издержек производства, т.-е. опять-таки в первую голову путем усиления эксплоатации рабочих масс. Каждая серьезная мера, направленная на восстановление капиталистического равновесия, по самому существу своему еще более расшатывает и без того нарушенное равновесие классов, дает новый толчок революционной борьбе. Вопрос о том, возродится ли капитализм к новой жизни, становится, следовательно, вопросом борьбы живых сил: классов и партий. Если бы из двух основных классов: буржуазии и пролетариата — последний отказался от революционной борьбы, буржуазия несомненно нашла бы, в конце концов, новое капиталистическое равновесие — равновесие материального и духовного упадка — путем новых кризисов, новых войн, дальнейшего обнищания целых стран, дальнейшего вымирания миллионов трудящихся масс.

Но для такого рода прогноза ныне состояние международного пролетариата дает меньше всего оснований.

35. Элементы устойчивости, консерватизма, традиции, окончательно ниспровергнутые в социальных отношениях, потеряли большую часть своей власти и над сознанием трудящихся масс. Если социал-демократия и тред-юнионы все чаще сохраняют, благодаря своей унаследованной от прошлого организационной машине, влияние на значительную часть пролетариата, то влияние это в свою очередь совершенно лишено устойчивости. Война внесла не только в настроения, но и в самый состав пролетариата чрезвычайные изменения, совершенно несовместные с организационной постепеновщиной довоенного времени.

На верхушке пролетариата в большинстве стран все еще сохраняет внешне господствующее положение чрезвычайно разросшаяся рабочая бюрократия, тесно спаянная, выработавшая свои навыки и методы властвования, тысячами нитей связанная с учреждениями и органами капиталистического государства.

Далее — лучше поставленная часть рабочих в самом производстве, занимающих или рассчитывающих занять адми-

нистративные посты, являющихся вернейшей опорой рабочей бюрократии.

Затем идет старшее поколение социал-демократов и профессионалистов, преимущественно квалифицированных рабочих, связанных со своей организацией десятилетиями борьбы и не решающихся порвать с нею, несмотря на ее предательства и измены. Квалифицированные рабочие, однако, во многих производствах сильно разводнены неквалифицированными, в бо́льшей степени—женщинами.

Миллионы рабочих, прошедших непосредственно через школу войны, привыкших владеть оружием и в значительной своей части готовых пустить его в ход против классового врага — но при условии серьезной подготовки и твердого руководства, как необходимых условий успеха.

Миллионы новых рабочих, в особенности работниц, вовлеченных в промышленность во время войны, внесших в пролетариат не только мелко-буржуазные предрассудки, но и свои нетерпеливые притязания на лучшие условия жизни.

Миллионы молодых рабочих и работниц, поднявшихся под громами и молниями войны и революций и наиболее восприимчивых к слову коммунизма, горящих стремлением к действию.

Гигантская армия безработных, отчасти деклассированных и полудеклассированных, наиболее ярко отражающая в своих приливах и отливах процесс распада капиталистического хозяйства и представляющая постоянную угрозу буржуазному порядку.

Эти столь различные по происхождению и характеру слои пролетариата вовлекались и вовлекаются не одновременно и не однородно в послевоенное движение. Отсюда колебания, приливы и отливы, наступления и отступления в революционной борьбе. Но в подавляющем большинстве своем пролетарская масса быстро сплачивается крушением всех старых иллюзий, ужасающей неустойчивостью существования, всевластием трестированного капитала, бандитскими методами милитаризованного государства. Эта многомиллионная масса ищет твердого, ясного руководства, отчетливой программы действия и создает тем самым почву для решающей роли крепко спаянной, централизованной коммунистической партии.

36. Положение рабочего класса за время войны явно ухудшилось. Отдельные группы рабочих поднялись вверх. Тем семьям, где несколько членов имели во время войны возможность стать к станку, удалось удержать и даже поднять свой уровень жизни. Но в общем цены не поспевали за дороговизной.

В средней Европе пролетариат со времени войны обречен на возрастающие лишения. В континентальных странах Антанты падение уровня жизни было до последнего времени менее резким. В Англии пролетариат в последний период войны энергичной борьбой приостановил процесс ухудшения условий своего существования.

В Соединенных Штатах улучшилось положение некоторых слоев рабочего класса; положение других слоев осталось на прежнем уровне, либо даже стало худшим.

Кризис обрушился на пролетариат всего мира с ужасающей силой. Понижение заработной платы стало обгонять падение цен. Число безработных и полубезработных достигло небывалых еще в капиталистической истории размеров.

Резкие переломы в условиях личного существования не только влияют крайне отрицательно на производительность труда, но и исключают возможность установления классового равновесия в основной области—в производстве. Неустойчивость условий существования, отражающая общую неустойчивость национальных и мировых хозяйственных условий, является сейчас самым революционным фактором развития.

VII. Перспективы и задачи.

37. Война не завершилась непосредственно пролетарской революцией. Этот факт буржуазия с известным основанием записывает, как свою крупную победу.

Только мелко-буржуазное тупоумие может видеть крушение программы Коммунистического Интернационала в том факте, что европейский пролетариат не опрокинул буржуазию в течение войны или немедленно после ее окончания. Курс Коммунистического Интернационала на пролетарскую революцию вовсе не означает догматического приурочения революции к определенным календарным датам или обязательства механически произвести революцию в определен-

чый срок. Революция была и остается борьбой живых сил на данных исторических основах. Нарушение войной капиталистического равновесия в мировом масштабе создает благоприятные условия для основной силы революции — пролетариата. Все усилия Коммунистического Интернационала были и остаются направленными на то, чтобы это положение использовать до конца.

Разногласия между Коммунистическим Интернационалом и социал-демократами обеих группировок состоят не в том, будто мы приурочивали революцию к определенному моменту в то время, как социал-демократы относились и относятся отрицательно к утопизму и пуччизму,—разногласие состоит в том, что социал-демократы противодействуют фактическому развитию революции, помогая изо всех сил, в правительстве, как и в оппозиции, восстановлению равновесия буржуазного государства, в то время как коммунисты используют все пути, все методы, все возможности для того, чтобы опрокинуть и уничтожить буржуазное государство путем диктатуры пролетариата.

В течение двух с половиной лет после войны пролетариатом разных стран было проявлено столько энергии, готовности к борьбе, самопожертвования, что их с избытком хватило бы на победоносную революцию, если бы во главе рабочего класса стояла сильная, централизованная и готовая к действию международная коммунистическая партия. Но в силу причин исторического прошлого во главе европейского пролетариата во время войны и сейчас же после нее оказалась организация Второго Интернационала, которая стала и остается сейчас неоценимым политическим инструментом в руках буржуазии.

38. В Германии власть фактически принадлежала рабочему классу в конце 1918 и начале 1919 годов. Социал-демократы большинства, как и независимые и профессиональные союзы, весь свой аппарат, все свое традиционное влияние направили на то, чтобы передать эту власть в руки буржуазии.

В Италии бурное революционное движение пролетариата в течение полутора лет все больше переливалось через берега, и только мелко-буржуазная бесхарактерность социалистической партии, предательская политика парламентской

фракции, трусливый оппортунизм профессиональных организаций позволили буржуазии восстановить свой аппарат, мобилизовать свою белую гвардию и перейти в наступление против пролетариата, временно обескураженного банкротством своих старых руководящих органов.

Могущественное стачечное движение в Англии раз за разом разбивается за последний год о беспощадно применяемую военную силу, сумевшую запугать вождей тред-юнионов. Если бы вожди остались верными делу рабочего класса, то аппарат тред-юнионов, несмотря на все его дефекты, мог бы быть использован для революционных боев. Последний кризис «тройственного союза» открывал возможность революционного расчета с буржуазией, которому помешали консерватизм, трусость и предательство вождей. Если бы машина английских тред-юнионов развила сейчас в интересах социализма половину той работы, какую она развивает в интересах капитала,—английский пролетариат с минимальным числом жертв овладел бы властью и приступил бы к планомерному переустройству хозяйства страны.

В большей или меньшей степени сказанное распространяется на все капиталистические страны.

39. Совершенно бесспорно, что в настоящее время открытая революционная борьба пролетариата за власть переживает в мировом масштабе заминку, замедление темпа. Но и по самому существу дела нельзя было ждать, чтобы революционное наступление после войны, поскольку оно не привело сразу к победе, развивалось по непрерывно восходящей линии. Политическое развитие тоже имеет свои циклы, свои подъемы и понижения. Враг не остается пассивным, он борется. Если наступление пролетариата не увенчается победой, буржуазия при первой возможности переходит в контр-наступление. Утеря пролетариатом некоторых легко завоеванных позиций приводит к временной депрессии в его рядах. Но остается бесспорным, что в переживаемую эпоху кривая капиталистического развития в общем идет — через временные подъемы — *вниз;* кривая революции — через все колебания — идет *вверх.*

Так как восстановление капитализма имеет своей предпосылкой огромный рост эксплоатации, уничтожение миллионов людей, понижение условий существования других

миллионов ниже прожиточного минимума, и постоянную необеспеченность пролетариата, — то рабочие вынуждены снова и снова подымать восстания и объявлять стачки. Под этим гнетом и в этих боях в массах возрастает воля к низвержению капиталистического строя.

40. Основная задача коммунистической партии в настоящем кризисе заключается в том, чтобы руководить нынешней оборонительной борьбой пролетариата, расширять, углублять и объединять и, в согласии с ходом развития, *довести ее до решительного политического выступления.*

Но если бы темп развития оказался более затяжным и нынешний торгово-промышленный кризис сменился бы в большем или меньшем числе стран периодом подъема, этот факт ни в каком случае еще не означал бы наступления «органической» эпохи. До тех пор, пока капитализм существует, циклические колебания неизбежны. Они будут сопровождать его в агонии, как они сопровождали его в молодости и зрелости. Пролетариат, отброшенный во время нынешнего кризиса натиском капитала назад, при сколько-нибудь явном улучшении конъюнктуры немедленно перейдет в наступление. Его наступательная экономическая борьба, которая в таком случае велась бы неизбежно под лозунгом реванша за все обманы эпохи войны, за весь грабеж и все обиды эпохи кризиса, имела бы тем самым такую же тенденцию превратиться в открытую гражданскую войну, как и нынешняя оборонительная борьба.

41. Пойдет ли революционное движение в ближайший период более быстрым или замедленным темпом, коммунистическая партия в обоих случаях должна оставаться *партией действия.* Она стоит во главе борющихся масс, она твердо и отчетливо формулирует лозунги борьбы, разоблачая и отметая уклончивые, всегда рассчитанные на соглашательство лозунги социал-демократии. При всех изменениях в ходе борьбы коммунистическая партия стремится организационно закрепить новые опорные пункты, приучить массы к активному маневрированию, вооружить их новыми методами и приемами, рассчитанными на прямое и открытое столкновение с силами врага. Используя каждую передышку для усвоения опыта предшествующего фазиса борьбы, коммунистическая партия стремится углублять и расширять классо-

вые конфликты, связывать их в национальном и международном масштабе единством цели и единством практического действия, чтобы таким образом, во главе пролетариата, сломить все сопротивления на пути к его диктатуре и к социалистической революции.

Тезисы 3-го Конгресса Коммунистического Интернационала по вопросу о тактике.

I. Разграничение вопросов.

Новое Международное Товарищество Рабочих создано для организации совместного действия пролетариев разных стран, стремящихся к единой цели: свержению капитализма, установлению диктатуры пролетариата и созданию единой Международной Советской Республики для полного уничтожения классов и осуществления социализма—этой первой ступени коммунистического общества. Это определение, утвержденное уставом Коммунистического Интернационала, ясно очерчивает все тактические вопросы, которые должны быть разрешены. Это—тактические вопросы в нашей борьбе за пролетарскую диктатуру. Они касаются путей к вовлечению большинства рабочего класса в сферу коммунизма, способов организации наиболее активной части пролетариата для предстоящей борьбы за осуществление коммунизма. Они затрогивают вопрос об отношении пролетариата к пролетаризованным мелко-буржуазным группам и способы скорейшего разложения органов буржуазной власти, их разрушения и подготовки к последнему решительному международному бою за диктатуру. Вопрос о самой диктатуре, как о единственном пути к победе, вне спора. Развитие мировой революции ясно доказало, что при данной исторической обстановке имеется только одна альтернатива: или диктатура капитала, или диктатура пролетариата. Третий Конгресс Коммунистического Интернационала приступает к новому пересмотру вопросов тактики, при условиях, когда в целом ряде стран, объективное положение революционно обострилось и уже образовался ряд массовых коммунистических партий, нигде, впрочем, не

взявших еще в свои руки фактического руководства рабочими массами в их действительной революционной борьбе.

II. Накануне новой борьбы.

Мировая революция, т.-е. разложение капитализма, накопление революционной энергии пролетариата, организация его в боевую, победоносную силу, потребует длительного периода революционной борьбы. Различная степень обострения противоречий в различных странах, разница в общественной структуре и имеющихся препятствиях, высокая степень организованности буржуазии в капиталистически развитых странах Западной Европы и Северной Америки — все это привело к тому, что мировая война не завершилась неизбежной победой мировой революции. Поэтому коммунисты были правы, когда, еще во время войны, указывали, что *период империализма перейдет в длительную эпоху социальной революции*, т.-е. в длительный ряд гражданских войн внутри отдельных капиталистических стран, а также в целый ряд войн между капиталистическими государствами, с одной стороны, и пролетарскими государствами и эксплоатируемыми колониями — с другой. Мировая революция не есть развивающийся по прямой линии процесс: периоды хронического разложения капитализма и повседневной, революционной разрушительной работы временами обостряются и превращаются в острые кризисы. Ход мировой революции еще более замедлился вследствие того, что сильные рабочие организации и рабочие партии, а именно социал-демократическая партия и профсоюзы, которые были созданы пролетариатом для борьбы с буржуазией, и которые во время войны превратились в органы контр-революционного влияния, опутывающие пролетариат, продолжали выполнять эту роль и после войны. Это обстоятельство помогло буржуазии справиться с кризисом при демобилизации, оно же дало возможность буржуазии во время мнимого экономического расцвета 1919—1920 г.г. возбудить в рабочем классе надежды на улучшение его положения в рамках существующего капиталистического строя, что и явилось причиной поражения выступлений пролетариата в 1919 г. и замедленного темпа революционного движения в 1919—1920 годах. Мировой хозяйственный кризис, который начался в

1920 году и который теперь распространился на весь мир, создавая и увеличивая всюду безработицу, доказал международному пролетариату, что буржуазия не в силах вывести мир из состояния разрухи. Обострение всех мировых политических противоречий: грабительский поход Франции против Германии, противоречие интересов между Англией и Америкой, Америкой и Японией и, как следствие этих противоречий, мировое вооружение,—все это показывает, что умирающий капиталистический мир приближается к мировой войне. Даже Лига Наций—этот международный трест стран победительниц, созданных для эксплоатации побежденных конкурентов и колониальных народов—раскололась, вследствие англо-американского соперничества. Рабочий класс начинает освобождаться от иллюзий, будто, отказавшись от завоевания политической власти революционным путем, он сумеет постепенно, мирными средствами, добиться политического и экономического господства,—иллюзии, посредством которых международная социал-демократия и бюрократия профсоюзов удерживали рабочие массы от участия в революционной борьбе. Комедия социализации в Германии, при помощи которой правительство Носке-Шейдемана пыталось, в марте 1919 г., удержать рабочих от восстания, пришла к концу. Болтовня о социализации уступила место реальной «Стинн сеизации», т.-е. подчинению германской промышленности капиталистическому диктатору и связанной с ним клике. Наступление Рурского правительства, под руководством социал-демократа Северина на средне-немецких рудокопов, является прелюдией к всеобщей кампании немецкой буржуазии в пользу понижения заработной платы немецких рабочих. В Англии все проекты национализации канули в воду. Вместо осуществления проектов национализации, предложенных комиссией Санки, правительство поддерживает военной силой локаут английских шахтовладельцев. Французское правительство может отдалить свое хозяйственное банкротство, только грабя Германию. О планомерном хозяйственном строительстве она не думает. И даже восстановление разрушенного Севера Франции, поскольку оно производится теперь, служит только частно-капиталистическому обогащению. В Италии буржуазия перешла в наступление против пролетариата, с помощью белых банд фашистов. Повсюду буржуазная демо-

кратия вынуждена все более разоблачать себя, как в старых государствах буржуазной демократии, так и в новых, возникших из империалистических развалин. Белогвардейские организации, диктаторские полномочия английского правительства против бастующих углекопов; фашисты и королевская гвардия в Италии; Пинкертоны, исключение социалистических депутатов из парламентов, суды Линча в Соединенных Штатах; белый террор в Польше, Юго-Славии и Румынии, Латвии и Эстляндии; легализация белого террора в Финляндии, Венгрии и на Балканах; чрезвычайные законы против коммунистов в Швейцарии, Франции и т. д.,—повсюду буржуазия пытается взвалить последствия экономической анархии на рабочий класс, путем удлинения рабочего дня и уменьшения заработной платы. В этом ей помогают вожди социал-демократии и Амстердамского Интернационала профсоюзов, но они могут лишь задержать пробуждение рабочего класса к новой борьбе, приближение новых революционных волн. Мы уже видим, как коммунистическая партия Германии переходит в контр-атаку; как углекопы Англии, несмотря на измену своих тред-юнионистских вождей, в продолжение долгих недель ведут героическую борьбу против угольного капитала. Мы видим, как в передовых рядах итальянского пролетариата, испытавшего на себе политику колебаний группы Серрати, усиливается воля к борьбе, выразившаяся в образовании итальянской коммунистической партии.

Во Франции мы видим, как после раскола, после отмежевания от социал-патриотов и центристов, социалистическая партия переходит от коммунистической агитации и пропаганды к массовым демонстрациям против империалистического разбоя. Мы пережили в Чехо-Словакии декабрьскую политическую забастовку, в которой принимал участие миллион рабочих, несмотря на полное отсутствие единого руководства, и видели, как затем образовалась чешская коммунистическая революционная массовая партия. В Польше мы имели в феврале, протекавшую под руководством коммунистической партии, железнодорожную забастовку и солидаризировавшуюся с ней всеобщую забастовку, и наблюдаем теперь продолжающийся процесс разложения социал-патриотической польской социалистической партии. При данной обстановке при-

ходится ожидать не замедления мировой революции, не спадения ее волн, а, наоборот, обострения социальных противоречий и социальной борьбы и ее перехода в открытую гражданскую войну.

III. Насущная задача момента.

Завоевание исключительного влияния на большинство рабочего класса, вовлечение наиболее активной части его в непосредственную борьбу является в настоящий момент важнейшей задачей Коммунистического Интернационала, ибо, несмотря на объективно-революционное хозяйственно-политическое положение, могущее привести к неожиданному революционному кризису (в форме ли крупной стачки, восстания колоний, новой войны или даже значительного парламентского кризиса),—большинство рабочего класса до сих пор находится вне коммунистического влияния, особенно, в таких странах, где на почве могущества финансового капитала существуют обширные слои развращенных империализмом рабочих (напр., в Англии и Америке), и где, действительно, революционная массовая пропаганда только еще начинается. С первого дня своего образования Коммунистический Интернационал поставил своей задачей ясно и недвусмысленно не создание небольших коммунистических сект, которые будут стремиться установить свое влияние на рабочие массы только посредством агитации и пропаганды, *но непосредственное участие в борьбе рабочих масс, коммунистическое руководство этой борьбой и создание в процессе борьбы крупных революционных, коммунистических массовых партий.*

Уже в первый год своего существования Коммунистический Интернационал отверг сектантские тенденции и требовал от присоединившихся к нему партий, как бы малочисленны они ни были, чтобы они принимали участие в профсоюзах, с целью осилить извнутри реакционную бюрократию профсоюзов, превратить их в революционные массовые организации пролетариата, в органы пролетарской борьбы. Уже в первый год своего существования Коммунистический Интернационал потребовал от коммунистических партий, чтобы они, не замыкаясь в пропагандистские кружки, использовали, как оружие коммунизма, все те возмож-

ности к агитации и организации рабочего класса, которые буржуазное государство вынуждено было им предоставить, как-то: свободу печати, свободу союзов и все формы буржуазных представительных учреждений, как бы искажены они ни были. На своем втором Конгрессе Коммунистический Интернационал открыто отклонил все сектантские тенденции в своих резолюциях о профессиональном движении и об использовании парламентаризма.

Опыт двухлетней борьбы коммунистических партий вполне подтвердил правильность точки зрения Коммунистического Интернационала. Коммунистический Интернационал своей политикой привел к *отделению революционных рабочих в целом ряде стран не только от открытых реформистов*, но и от центристов. Центристы, образованием Интернационала 2½, который открыто объединяется с Шейдеманами, Жуо и Гендерсонами на позиции Амстердамского Интернационала профсоюзов, лишь уяснит пролетарским массам истинное положение вещей, лишь облегчит будущие бои. Германский коммунизм, благодаря тактике Коммунистического Интернационала (революционная работа в профсоюзах, открытые письма и т. д.), превратился из политического направления, каким он являлся во время январских и мартовских боев 1919 г., в значительную революционную массовую партию. Он завоевал такое влияние в профсоюзах, что вынудил профессиональную бюрократию исключить из профсоюзов, из боязни революционного влияния коммунистической революционной деятельности, множество коммунистов и взять на себя одиум раскола в профсоюзах. В *Чехо-Словакии* коммунистам удалось привлечь на свою сторону большинство политически организованных рабочих. В *Польше* коммунистическая партия, благодаря своей разрушительной работе в профсоюзах, сумела, несмотря на невероятные преследования, которые вынуждают партийную организацию вести совершенно нелегальное существование, не только остаться в связи с массами, но и выступить в качестве вождя в борьбе масс. Во *Франции* коммунисты завоевали большинство в социалистической партии. В *Англии* происходит процесс укрепления коммунистических партий на основе тактических, руководящих тезисов Коммунистического Интернационала, и растущее влияние коммунистов вынуждает сопи-

ал-предателей пытаться прекратить коммунистам доступ в рабочую партию. Напротив, сектантствующие коммунистические группы (напр., К. Р. П. Г. и др.) не добились ни малейшего успеха. Теория усиления коммунизма путем чистой пропаганды и агитации, путем образования отдельных коммунистических профсоюзов потерпела полное крушение. Этим путем не было образовано ни одной влиятельной коммунистической партии.

IV. Положение в Коммунистическом Интернационале.

На этом пути к организации массовых коммунистических партий Коммунистический Интернационал еще не повсюду достиг успешных результатов. Мало того: в странах, принадлежащих к наиболее важным, где еще властно господствует капитализм, ему предстоит сделать еще очень многое.

В Соединенных Штатах С. Америки, где по исторически сложившимся условиям и перед войной не было крупного революционного движения, коммунисты и до сих пор стоят перед первыми элементарными задачами создания коммунистического ядра и установления связи между ним и рабочими массами. Для этой работы настоящий экономический кризис, лишивший работы 5 миллионов рабочих, подготовляет удобную почву. Американский капитал, сознавая угрожающую ему опасность революционизирования рабочего движения и возможности влияния на него коммунизма, пытается путем варварских преследований подавить и уничтожить молодое коммунистическое движение, принудить его уйти в подполье, где оно по его расчетам, потеряв всякую связь с массами, выродится в пропагандистскую секту и само собой отомрет. Коммунистический Интернационал обращает внимание объединенной коммунистической партии Америки на то, что нелегальное положение партии должно служить только фундаментом к собиранию и воспитанию активных коммунистических сил, но что американские коммунисты обязаны использовать все пути и средства к тому, чтобы из своих подпольных организаций пробраться к широким рабочим массам, находящимся в брожении, и найти все пути и формы к тому, чтобы эти массы политически и открыто объединить в борьбе против американского капитала.

Также и английской коммунистической партии до сих пор не удалось стать массовой партией, несмотря на объединение ее сил в единую коммунистическую партию.

Продолжительная дезорганизация экономической жизни Англии, небывалое обострение забастовочного движения, все более нарастающее среди широких народных масс недовольство правительством Ллойд-Джорджа, возможность победы рабочей и либеральной партий на ближайших выборах в парламент—все это открывает новые революционные перспективы в развитии Англии и ставит перед английскими коммунистами вопросы необычайной важности.

Первой из главных задач английской коммунистической партии является задача стать массовой партией. Английские коммунисты должны прочно стать на почву реально существующего и развивающегося массового движения, вникнуть во все его конкретные особенности и сделать единичные и частичные требования рабочих исходным пунктом неутомимой и энергичной агитации и пропаганды.

Мощное забастовочное движение является пробным камнем надежности, устойчивости и добросовестности тред-юнионистского аппарата и его вождей в глазах сотен тысяч и миллионов рабочих. При таком положении работа коммунистов в профсоюзах приобретает большое значение. Никакая извне приходящая партийная критика не в состоянии произвести такого подавляющего влияния на массы, какое производит повседневная упорная работа комячеек профсоюзов, направленная на разоблачение и дискредитирование предателей и филистеров профессионального движения, являющихся в Англии более, чем в какой-либо другой стране, политической пешкой в руках капитала

Если в других странах задача коммунистических партий, ставших массовыми партиями, состоит в том, чтобы в более значительной мере проявить инициативу к массовым выступлениям, то задача коммунистической партии в Англии состоит прежде всего в том, чтобы, опираясь на фактическое развитие массового действия, на опыте доказать массам, что коммунисты являются подлинными и мужественными выразителями интересов, потребностей чувств этих масс.

Коммунистические массовые партии Средней и Западной Европы находятся в стадии развития соответствующих мето-

дов революционной агитации и пропаганды и организационных методов, наиболее соответствующих их боевому характеру, и в стадии перехода от коммунистической пропаганды и агитации к действию. Этот процесс задерживается тем, что во многих странах революционизирование рабочих и переход их на сторону коммунизма произошел под руководством вождей, которые не победили в себе центристских тенденций и не в состоянии вести настоящую коммунистическую агитацию и пропаганду, или же просто их боятся, потому что знают, что эта агитация приведет партию к революционной борьбе.

Эти центристские тенденции привели в *Италии* к расколу партии. Вожди партии и профессиональных организаций, сгруппировавшиеся вокруг Серрати, вместо того, чтобы использовать спонтанейное движение рабочего класса, его возрастающую действенность в сознательной борьбе за власть, для которой в Италии вполне созрели условия, предоставили ему беспрепятственно распыляться. Коммунизм не был для них средством революционной встряски и объединения рабочих масс для борьбы. А так как они боятся борьбы, то они обесцветили коммунистическую агитацию и пропаганду и направили ее по центристскому руслу. Таким образом, они усилили влияние реформистов, с одной стороны, как, напр., Турати и Тревеса в партии, а с другой—в профессиональном движении, как, напр., д'Арагона. И так как они от реформистов не отличаются ни словом ни делом, то они и не захотели разлучаться с ними. Они предпочли расстаться с коммунистами. Политика à la Серрати, с одной стороны, усилила влияние реформистов, а с другой—опасность возникновения в самой партии антипарламентских и радикальных на словах тенденций. Раскол в Ливорно, образование коммунистической партии в Италии, объединение всех истинно коммунистических элементов на почве постановлений 2 Конгресса Коммунистического Интернационала в единую коммунистическую партию, сделает коммунизм в Италии активной массовой силой, если итальянская коммунистическая партия беспрестанно и неуклонно будет бороться против оппортунистической политики Серрати и в то же время поддерживать тесную связь с пролетарскими массами в профсоюзах при забастовках, в борьбе против

контр-революционного движения фашистов, если она объединит массовые действия рабочего класса и его стихийные вспышки обратит в тщательно подготовляемые бои.

Шовинистический яд «Национальной защиты» и опьянение победой оказались во *Франции* сильнее, чем в какой-либо другой стране. Соответственно в ней медленнее, чем в остальных странах, развивалась реакция против войны. Развитие французской социалистической партии в ее большинстве уклонилось, благодаря моральному влиянию русской революции, революционной борьбе в капиталистических странах и опыту первого выступления преданного своим вождям французского пролетариата в сторону коммунизма еще до тех пор, пока перед партией ходом событий были поставлены решающие вопросы революционных выступлений. Чем решительнее французская коммунистическая партия займется устранением из своей собственной среды, главным же образом, из руководящих кругов, еще достаточно сильных остатков национально-пацифистской и парламентско-реформистской идеологии, тем лучше и полнее она сумеет использовать свое положение. Партия должна подойти ближе—не только сравнительно с прежним, но и с настоящим—к массам, в особенности к наиболее угнетенным слоям города и деревни с тем, чтобы отдать себе ясный и полный отчет в их нуждах и страданиях. Партия должна положить в своей парламентской борьбе решительный конец льстивым формальностям и лживой вежливости французского парламентаризма, сознательно поддерживаемого буржуазией в целях гипноза и запугивания рабочих масс. Представители коммунистической партии в парламенте должны приложить все усилия, чтобы раскрыть в своих строго контролируемых выступлениях всю ложь националистического демократизма и традиционного революционизма и выставлять каждый вопрос, как проблему классовых интересов и непреклонной классовой борьбы.

Агитация на практике должна принять более концентрированный и более энергичный характер. Она должна растворяться в полной изменчивых положений и комбинаций текущей политике.

Из всех событий, крупных и мелких, она должна извлекать революционные заключения и запечатлевать их в со-

знании самых отсталых рабочих масс. Только при условии подобного действительного революционного поведения коммунистическая партия окажется не просто левым крылом радикального Лонгетистского блока, предлагающего со все бо́льшей энергией и все бо́льшим успехом свои услуги на пользу буржуазного общества для защиты его от потрясений, надвигающихся во Франции с неотвратимой последовательностью. Дисциплинированная, преисполненная революционных порывов коммунистическая партия может и в настоящую подготовительную эпоху вне зависимости от того, наступят ли решительные события раньше или позже, найти возможность мобилизовать на экономической и политической почве рабочие массы, расширить и просветить их кругозор.

Попытки революционно нетерпеливых и политически неопытных элементов по отдельных вопросам прибегать к самым крайним методам, являющимся по существу методами решающего революционного восстания (предложение призывным 1919 года оказать сопротивление мобилизации), заключают в себе элементы самого опасного авантюризма и могут в случае их действительного применения надолго погубить всю истинно революционную подготовительную работу пролетариата к захвату власти.

На коммунистической партии Франции (равно как и других стран) лежит обязанность отказаться от этих крайне опасных методов. Эта обязанность, однако, ни в коем случае не должна явиться поводом бездейственного состояния партии, — наоборот.

Более близкое соприкосновение с массами означает прежде всего более тесную связь с профсоюзами. Задача партии вовсе не заключается в механическом внешнем подчинении себе профсоюзов, но в том, чтобы истинно революционные, объединенные и руководимые партией элементы придали всей деятельности внутри профсоюзов направление, соответствующее всеобщим интересам борющегося за диктатуру пролетариата. Принимая во внимание все приведенные обстоятельства, коммунистическая партия Франции обязана выступить с дружелюбной, но вместе с тем решительной и ясной критикой против тех анархо-синдикалистских тенденций, которые отвергают диктатуру пролетариата и не признают необходимости присоединения его авангарда к единой

централизованной, руководящей организации, т.-е. к коммунистической партии. В той же мере партия должна подвергнуть критике те синдикалистские тенденции, которые, прикрываясь хартией, выработанной за 8 лет до войны, в настоящий момент отказываются от точного и прямого ответа на все основные вопросы послевоенной эпохи.

Проявляющаяся во французском синдикалисте ненависть к политиканству есть в первую очередь выражение вполне справедливого возмущения против традиционных «социалистических» парламентариев.

Чисто революционный характер коммунистической партии создаст возможность ясно доказать всем революционным элементам необходимость политических группировок в целях достижения власти рабочим классом. Слияние революционно-синдикалистской и коммунистической организаций в одно целое есть необходимое условие сколько-нибудь серьезной борьбы французского пролетариата. Как преодоление и устранение тенденций к преждевременным выступлениям, так и обуздание принципиальной бесформенности и организаторского сепаратизма революционных синдикалистов будут и должны быть достигнуты только при условии, что партия, как замечено уже выше, превратится в мощный притягательный центр всего рабочего класса Франции путем истинно-революционного отношения к каждому вопросу повседневной жизни и борьбы.

В *Чехо-Словакии* рабочие массы за 2 года в значительной мере освободились от реформистских и националистических иллюзий. В сентябре прошлого года, большинство социал-демократических рабочих покинуло своих реформистских вождей. В декабре около одного миллиона из 3-х промышленных рабочих Чехо-Словакии вело уже массовую революционную борьбу против чехо-словацкого капиталистического правительства. В мае текущего года, в Чехо-Словакии образовалась коммунистическая партия с 350 тыс. членов на-ряду с уже ранее образовавшейся немецко-богемской коммунистической партией, насчитывающей 60.000 членов. Таким образом, коммунисты составляют не только значительную часть пролетариата Чехо-Словакии, но также значительную часть всего ее населения. Перед чехо-словацкой партией стоит теперь задача—путем подлинно-коммуни-

стической агитации привлечь в партию еще большие массы рабочих, воспитать эти массы посредством четкой и решительной коммунистической пропаганды; затем, объединяя рабочих всех национальностей Чехо-Словакии, создать сомкнутый фронт пролетариата против национализма,—этого главного оружия буржуазии в Чехо-Словакии, и созданную таким образом пролетарскую мощь усилить до непобедимости для предстоящих боев против тенденций капитализма к порабощению и против правительства. Коммунистическая партия Чехо-Словакии тем быстрее выполнит эту задачу, чем яснее и решительнее она отбросит все центристские традиции колебания и чем больше она будет стараться революционизировать и объединять широчайшие пролетарские массы и подготовить их к победоносной борьбе. Конгресс постановляет, чтобы, к указанному Исполкомом сроку, организации чехо-словацкой и немецко-богемской партий слились в одну единую организацию.

Объединенная коммунистическая партия Германии, которая возникла из соединения Союза «Спартак» и лево-независимых рабочих масс, стоит теперь (хотя она и сейчас уже является массовой партией) перед великой задачей — увеличить свое влияние на широкие массы, усилить пролетарские массовые организации, завоевать профессиональные союзы, сломить влияние социал-демократических партий и бюрократии профессиональных союзов и стать во главе массового движения пролетариата в грядущей борьбе. Эта главная задача партии требует такой постановки всей агитационно-организационной работы, при которой партия завоевала бы симпатии большинства рабочего класса, без чего в Германии, при могуществе немецкого капитала, невозможна победа коммунизма. С этой задачей партия еще не справилась ни в смысле широкого распространения агитации, ни в смысле ее содержания. Также еще не сумела она последовательно итти по тому пути, на который она встала своим «Открытым письмом»,—на путь противопоставления практических интересов пролетариата изменнической политике социал-демократических партий и бюрократии профессиональных союзов. Ее пресса и ее организация все еще носят печать мирного союза, а не боевого органа, не боевой организации. Выражаемые в них до сих пор центристские тенденции ведут, с одной

стороны, к тому, что партия, поставленная перед необходимостью борьбы, вступает в нее без достаточной подготовки; во-вторых, к тому, что не существует необходимого духовного единения с некоммунистическими массами. Активное выступление, перед необходимостью которого О. К. П. Г. скоро будет поставлена, благодаря процессу разрушения немецкого народного хозяйства и угрозе капитала самому существованию рабочих масс, только тогда может быть выполнена, когда партия не будет ставить задач—агитацией и организацией, направленными на подготовку выступления, но будет поддерживать постоянный революционно-боевой дух партии и сделает свою агитацию близкой народу, а свои организации построит так, чтобы они, находясь в тесном контакте с массами, были способны строго взвесить боевую ситуацию и тщательно подготовить борьбу.

Партии Коммунистического Интернационала тогда только станут революционными массовыми партиями, когда они окончательно победят в своих рядах оппортунизм со всеми его малейшими остатками и традициями, путем теснейшей связи с борющимися рабочими массами; только тогда, когда они будут черпать свои задачи из практических боев пролетариата, когда они отклонят в этих боях оппортунистическую политику самообмана, затушевывания непреодолимых противоречий и в то же время откажутся от всякой революционной фразы. Коммунистические партии возникли, благодаря расколу старых социал-демократических партий. Этот раскол был результатом того факта, что эти партии изменили во время войны интересам пролетариата, а после войны продолжали изменять им путем коалиции с буржуазией или путем трусливой, избегающей всякой борьбы, политики. Основные положения и принципы коммунистических партий образуют ту единственную почву, на которой рабочие массы снова могут объединиться, потому, что они выражают все потребности пролетарской борьбы. Поэтому теперь все социал-демократические и центристские партии и направления являются факторами раздробления пролетариата и разложения его на атомы, в то время, как коммунистические партии представляют собою элемент объединения. Так, в Германии центристы откололись от большинства своей партии, когда она стала на путь коммунизма. Из боязни влияния комму-

низма, социал-демократы и независимые социал-демократы в Германии, так же, как социал-демократическая бюрократия профессиональных союзов, отклонили предложение коммунистов выступать с ними совместно на защиту повседневных интересов пролетариата. В Чехо-Словакии социал-демократы первые раскололи старую партию, когда они увидали победу коммунистов. Во Франции лонгетисты отделились от большинства французских социалистических рабочих, в то время, как коммунистическая партия стремится к объединению социалистических и синдикалистских рабочих. В Англии реформисты и центристы вытеснили коммунистов, опасаясь их влияния, из «Рабочей Партии» и постоянно саботируют объединение рабочих для борьбы против капиталистов. Таким образом, коммунистические партии стали носителями процесса объединения пролетариата на почве борьбы за свои интересы, и в сознании этой своей роли они почерпнут новые силы.

V. Частичная борьба и частичные требования.

Коммунистические партии могут развиваться только в борьбе. Даже самые незначительные партии не могут ограничиваться пропагандой и агитацией. Они должны образовывать во всех массовых организациях авангарды, которые, путем формулировки практических боевых задач и побуждения к борьбе за удовлетворение насущных нужд пролетариата, сумеют указать отсталым, колеблющимся массам путь к революции и таким образом разоблачать предательский характер всех некоммунистических партий. Только став во главе практической борьбы пролетариата, только поощряя эту борьбу, коммунисты, действительно, могут завоевать широкие массы пролетариата для борьбы за диктатуру.

Вся агитация и пропаганда, вся работа коммунистических партий должна вестись в сознании того, что при капитализме невозможно никакое длительное улучшение положения пролетариата, что только свержение буржуазии, разрушение капиталистических государств, дает возможность приступить к улучшению положения рабочего класса и к восстановлению народного хозяйства, разрушенного капита-

лизмом. *Но это не значит, что пролетариату нужно отказаться от борьбы за свои насущные, неотложные жизненные потребности до того времени, пока он не завоюет диктатуру.*

Социал-демократия, выставляющая теперь в период падения и развала капитализма, когда последний не в состоянии обеспечить рабочим даже жизнь сытых рабов, старую социал-демократическую программу *мирных реформ*, которые должны быть проведены на основе и в рамках обанкротившегося капитализма, тем самым сознательно обманывает рабочие массы. Мало того, что разлагающийся капитализм не способен обеспечить рабочим сколько-нибудь сносное человеческое существование, социал-демократы и реформисты всех стран дают нам ежедневно доказательства своего нежелания и неспособности вести какую бы то ни было борьбу за самые скромные требования собственной же программы. Таким же обманом народных масс является выставляемое центристскими партиями требование *социализации или национализации* важнейших отраслей промышленности, без победы над буржуазией. Они стремятся отклонить рабочих от действительной, живой борьбы за их ближайшие цели, в надежде на постепенный захват одного промышленного предприятия за другим, после чего начнется «планомерное» экономическое строительство. Таким образом социал-демократы возвращаются к *социал-демократической программе*-минимум, которая превратилась в явный контр-революционный обман.

Поскольку, при выставлении программы национализации (напр., угольной промышленности), у одной части центристов играет роль лассалевская идея—сосредоточить всю энергию пролетариата на одном единственном требовании, дабы сделать из него рычаг революционного действия, которое в своем развитии приведет к борьбе за власть,—постольку мы имеем здесь дело с безжизненной теорией. Во всех капиталистических странах рабочий класс страдает от столь многочисленных и ужасных бичей, что является невозможным в борьбе против всех этих удручающих тягот и градом сыплющихся ударов сосредоточить все внимание на доктринерски измышленном предмете. Напротив, следует каждое требование масс брать за исходный пункт революционных

выступлений, которые постепенно сольются в могучий поток социальной революции.

В этой борьбе коммунистические партии не выставляют программы-минимум, которая в рамках капитализма должна укрепить и улучшить его шатающееся здание. Разрушение этого здания остается основной задачей коммунистов. Но, чтобы выполнить эту задачу, коммунистические партии должны выставить такие требования, которые удовлетворяют неотложным запросам рабочего класса. Коммунисты должны массовой борьбой добиваться этих требований, независимо от того, совместимы ли они с сохранением капиталистического строя или нет. Не жизнеспособность и способность к конкуренции капиталистической промышленности и не прочность капиталистического финансового хозяйства должны приниматься во внимание коммунистическими партиями. Коммунистические партии должны обратить внимание на нужду пролетариата, которую последний больше не может и не должен переносить. Если эти требования будут соответствовать насущным потребностям широких пролетарских масс, если массы проникнуты сознанием, что они не могут существовать без осуществления этих требований, то борьба за них становится исходным пунктом борьбы за власть. Вместо программы-минимум центристов и реформистов, Коммунистический Интернационал выставляет борьбу за конкретные требования пролетариата, которые в своей совокупности разлагают власть буржуазии, организуют пролетариат и являются этапами в борьбе пролетариата за диктатуру. Каждая из этих мер, сама по себе, соответствует потребностям широких масс, если даже последние не стоят еще сознательно на почве пролетарской диктатуры. По мере того, как борьба за эти требования будет охватывать все более широкие массы, по мере того, как она будет противопоставлять жизненные потребности масс жизненным потребностям капиталистического общества, рабочий класс придет к сознанию, что, если он хочет жить, капитализм должен умереть. Это сознание служит основой воли в борьбе за диктатуру пролетариата. Задачей коммунистических партий является расширение, углубление и объединение этой борьбы за конкретные требобования. Каждое частичное выступление, предпринимаемое рабочими массами в целях достижения частичных требова-

ний, каждая серьезная экономическая забастовка мобилизуют в то же время буржуазию, которая немедленно же в качестве целого класса становится на сторону подвергающейся угрозе части предпринимателей с тем, чтобы предотвратить самую возможность каждой, хотя бы частичной победы пролетариата («техническая помощь», буржуазные штрейкбрехеры в английской железнодорожной забастовке, фашисты). Буржуазия мобилизует для борьбы против рабочих также весь свой правительственный аппарат (милитаризация рабочих в Польше и Франции, чрезвычайное положение во время забастовки горнорабочих в Англии). Рабочие, ведущие борьбу за удовлетворение выставленных ими частичных требований, автоматически принуждаются к борьбе со всей буржуазией и ее правительственным аппаратом. По мере того, как борьба за частичные требования и частичной борьбы отдельных рабочих групп разрастается в общую борьбу рабочего класса против капитализма, коммунистическая партия тоже должна *углублять свои лозунги*, объединяя их под единым лозунгом низвержения противника. При выставлении своих частичных требований, коммунистические партии должны обращать внимание на то, чтобы эти требования, соответствующие потребностям широких масс, не только вели массы к борьбе, но, по своему существу, явились бы организующим началом. Все конкретные лозунги, вытекающие из экономических нужд рабочих масс, должны быть введены в русло борьбы за *контроль над производством*, не по плану бюрократической организации народного хозяйства при капиталистическом режиме, а через посредство фабрично-заводских комитетов и революционных профсоюзов. Только через создание таких организаций, только через их объединение по отраслям промышленности и промышленным центрам, может быть организационно объединена борьба рабочих масс. Только при таких условиях можно бороться с расколом масс, вносимым социал-демократией и вождями профсоюзов. Фабрично-заводские комитеты только тогда выполнят свою задачу, если они будут возникать в процессе борьбы за экономические интересы, общие широким рабочим массам, только если они создадут связь между всеми революционными частями пролетариата, а именно: коммунистической партией, революционными рабочими и профсоюзами, находящимися в процессе революцо-

ционного развития. Каждое возражение против выставления таких частичных требований, каждое обвинение в реформизме по поводу частичной борьбы является следствием неспособности охватить жизненные потребности революционного действия, как они выразились в возражении отдельных коммунистических групп против участия в профсоюзах и использования парламентаризма. Дело не в том, чтобы призвать пролетариат к достижению конечных целей, а в том, чтобы повысить практическую борьбу пролетариата, которая одна только в состоянии привести пролетариат к борьбе за конечные цели. Насколько необоснованы и чужды потребностям революционной жизни возражения против частичных требований, доказывает лучше всего тот факт, что даже маленькие организации, созданные так называемыми левыми коммунистами, как убежище чистой теории, были вынуждены выставить частичные требования, раз они хотят вовлечь в борьбу более широкие массы, нежели те, которые вокруг них группируются в настоящее время. Революционная сущность настоящей эпохи состоит именно в том, что самые скромные жизненные требования рабочих масс несовместимы с существованием капиталистического общества и что, таким образом, борьба за эти требования вырастает в борьбу за коммунизм.

В то время, как капиталисты использовывают все возрастающую армию безработных для давления на организованных рабочих, путем понижения заработной платы, соц.-демократы, независимые и официальные руководители профессиональных союзов из трусости держатся вдали от безработных, рассматривают их, лишь как объект государственной и профессиональной благотворительности, а политически расценивают их, как «люмпен-пролетариат». Коммунисты должны ясно отдать себе отчет в том, что при настоящем положении вещей армия безработных является революционным фактором колоссального значения. Руководство этой армией коммунисты должны взять на себя. Коммунисты должны ускорить освобождение профессиональных союзов от их предательских вождей, путем давления на них со стороны безработных. Коммунистическая партия, объединяя безработных с передовым отрядом пролетариата в борьбе за социалистический переворот, удерживая наиболее революционные и нетерпеливые элементы безра-

ботных от отдельных проявлений отчаяния, при благоприятных условиях сделает всю эту массу способной оказать поддержку восстанию того или иного отряда пролетариата и, выйдя за рамки данного конфликта, превратит этот конфликт в исходный пункт решительного наступления,—одним словом, превратит всю массу безработных из резервной армии промышленности в активную армию революции.

Коммунистические партии, заступаясь с величайшей энергией за этот слой рабочего класса, спускаясь в самые глубины пролетариата, представляют не интересы одного слоя рабочих в противовес другим, но общие интересы рабочего класса в целом, которые предаются контр-революционными вождями во имя временных интересов рабочей аристократии. Чем шире слой полных и частичных безработных и т. д., тем более их интересы превращаются в интересы рабочего класса в целом, тем более должны быть подчинены им преходящие интересы рабочей аристократии. Позиция, опирающаяся на интересы рабочей аристократии и противопоставляющая их интересам безработных или оставляющая их без внимания, разрывает единство рабочего класса и является по своим последствиям контр-революционной. Коммунистическая партия, как представительница общих интересов рабочего класса в целом, не может ограничиться одним признанием и пропагандированием этих общих интересов. Она может представлять их, действительно, только в том случае, если при известных обстоятельствах она поведет в бой массы наиболее угнетенного и обнищавшего пролетариата, не считаясь с противодействием рабочей аристократии.

VI. Подготовка наступления.

Характер переходной эпохи вменяет в обязанность всем коммунистическим партиям повысить до крайних пределов свою боевую готовность. Каждая отдельная стычка может превратиться в борьбу за власть. Боевая готовность партии может быть выработана только при условии, если партии придают всей своей агитации страстный характер натиска на капиталистическое общество, если она сумеет в этой агитации связаться с широчайшими слоями народа и говорить с ними

таким языком, чтобы они убедились, что они находятся под предводительством действительно борющегося за власть авангарда. Органы печати и воззвания коммунистической партии должны быть не органами, теоретически доказывающими правильность коммунизма, а глашатаями пролетарской революции. Деятельность коммунистов в парламентах должна заключаться не в прениях с противником, с целью убедить его, но в беспощадном разоблачении агентов буржуазии, пробуждении воли к борьбе рабочих масс и привлечении полупролетарских и мелко-буржуазных слоев народа на сторону пролетариата. Наша организационная работа в профсоюзах и партийных организациях не должна служить задачам механического строительства, задачам чисто количественного увеличения наших рядов, она должна быть преисполнена сознанием грядущих боев. Только тогда, когда партия во всех своих жизненных проявлениях, во всех организационных формах явится воплощением воли к борьбе,—она будет в состоянии выполнять свою задачу в те моменты, когда на-лицо окажутся условия для крупных боевых выступлений.

Там, где коммунистическая партия представляет массовую силу, где она распространяет свое внимание за рамки своей партийной организации на широкие массы рабочих, там она обязана делом пробуждать рабочие массы к борьбе. Крупные массовые партии не могут ограничиться критикой других партий и противопоставлением их требованиям коммунистическим. На них, как на массовые партии, ложится идейная ответственность за развитие революции. Там, где положение рабочей массы становится все более невыносимым, коммунистические партии должны испробовать все, чтобы повести рабочие массы в борьбу за свои интересы. Принимая во внимание, что в Западной Европе и Америке, где рабочие массы организованы в профсоюзы и политические партии, и где поэтому можно лишь в очень редких случаях рассчитывать на непосредственно возникающие движения, коммунистические партии обязаны стремиться путем утверждения своего влияния в профсоюзах, путем усиления давления на другие партии, опирающиеся на пролетариат, начинать совместную борьбу за ближайшие интересы пролетариата. При чем в случае, если в эту борьбу будут втянуты некоммунистические партии, задача коммунистов будет состоять в том,

чтобы заранее подготовить рабочие массы к возможности предательства со стороны некоммунистических партий в любой момент борьбы. Коммунисты должны по возможности обострять положение и доводить дело до того, чтобы в случае необходимости быть способными самостоятельно продолжать ее (ср. открытое письмо О. К. П. Г., являющееся образцовым изложением данной тактики). Если давление коммунистической партии в печати и в профсоюзах окажется недостаточным, чтобы повести пролетариат единым фронтом в бой, то коммунистическая партия обязана самостоятельно вести в бой значительные массы пролетариата. Она обязана нарушить пассивность масс, путем организации боевого пролетарского меньшинства.

Эта самостоятельная политика защиты жизненных интересов пролетариата, его активнейшей наиболее сознательной части, лишь тогда увенчается успехом, лишь в том случае приведет к пробуждению отсталых масс, если цели борьбы вырастают из конкретной обстановки, если они понятны широким массам, если широкие массы в этих целях видят свои цели, хотя они и не способны еще самостоятельно за них бороться.

Но коммунистическая партия не должна ограничиваться защитой пролетариата от угрожающих ему опасностей, защитой от ударов, сыплющихся на рабочие массы. Коммунистическая партия в период мировой революции по своему существу является партией наступления, натиска на капиталистическое общество: она обязана превращать всякую оборонительную борьбу, растущую вширь и вглубь, *в натиск на капиталистическое общество*. Она обязана сделать все, чтобы прямо повести рабочие массы в это наступление, везде, где для этого имеются соответствующие условия. Все, отвергающие в принципе политику наступления против капиталистического общества, этим самым отступают от основных положений коммунизма.

Эти условия состоят, во-первых, *в обострении борьбы в лагере самой буржуазии в национальном и международном масштабе*. Когда борьба в лагере буржуазии принимает размеры, открывающие перспективу на то, что рабочий класс будет иметь дело с разрозненными силами противника, тогда партия должна взять инициативу в свои руки, чтобы после

тщательной политической и по возможности организационной подготовки повести массы в бой.

Вторым условием для наступления широким фронтом является наличность сильного брожения среди важнейших категорий рабочего класса, которое позволяло бы надеяться, что рабочий класс в целом будет готов единым фронтом выступить против капиталистического правительства. В то время, как при росте движения необходимо расширить боевые лозунги, если движение примет обратный ход, обязанностью коммунистической партии является вывести борющиеся массы из боя, по возможности в порядке и сомкнутым строем. От конкретных обстоятельств будет зависеть, вести ли коммунистической партии оборонительную или наступательную борьбу. Самое важное заключается в том, чтобы коммунистическая партия была преисполнена боевой готовностью и духом наступления и чтобы она сумела преодолеть в передовых рядах рабочей массы всей своей агитационной и организационной работой и своей борьбой центристское настроение пассивного ожидания. Эта постоянная готовность к борьбе, воля к наступлению должна быть отличительным признаком коммунистических массовых партий не только потому, что на них, как на массовые партии, ложится обязанность вести борьбу, но и потому, что все современное положение представляет разложение капитализма и растущее обнищание масс. Необходимо *сократить период разложения*, иначе будут разрушены все материальные основы коммунизма и энергия рабочих масс будет подавлена.

VII. Уроки мартовского выступления.

Мартовское выступление было навязано объединенной коммунистической партии Германии нападением правительства на средне-германский пролетариат.

В этой первой, со дня своего основания, крупной битве партия допустила целый ряд ошибок, из которых важнейшая заключалась в том, что оборонительный характер борьбы не был достаточно ясно подчеркнут и что призыв к наступлению дал повод бессовестным врагам пролетариата,—буржуазии, социал-демократической партии и независимым,—обвинить пред лицом пролетариата объединенную коммунисти-

ческую партию Германии в подстрекательстве к «путчу». Эта ошибка была еще усугублена по вине целого ряда партийных товарищей, развивавших ту мысль, что при настоящем положении наступление является для партии главным методом борьбы. С опровержением этой ошибки уже выступили официальные органы партии в лице, напр., ее председателя тов. Брандлера.

3 Конгресс Коммунистического Интернационала считает мартовское выступление шагом вперед. Мартовские выступления были геройской борьбой сотен тысяч пролетариев против буржуазии. И О. К. П. Г., взяв на себя руководство защитой рабочих Средней Германии, доказала, что она является партией революционного пролетариата Германии. Конгресс полагает, что объединенная коммунистическая партия в Германии будет в состоянии тем успешнее проводить массовые выступления, чем лучше она будет приспособлять свои боевые лозунги к действительному положению вещей, чем тщательнее она будет изучать это положение и чем более согласованны будут эти выступления.

В интересах тщательного взвешивания всех шансов борьбы объединенная коммунистическая партия Германии должна внимательно прислушиваться к голосам фактов и мнений, указывающим на трудность выступления, и старательно проверять основательность доводов против выступления.

Но с того момента, как определенное выступление решено партийными органами, все товарищи должны подчиняться партийным постановлениям и активно проводить это выступление. Критика выступлений должна применяться лишь после их окончания, она должна происходить лишь в партийных органах и должна считаться с положением, в котором находится партия по отношению к ее классовым врагам.

VIII. Формы и средства прямой борьбы.

Формы и средства борьбы, ее размеры, точно так же, как и вопросы наступления или обороны, связаны с определенными условиями, которые не могут быть произвольно созданы. Прошедший опыт революции показывает нам различные формы частичных выступлений:

1. Частичные выступления отдельных слоев рабочего класса (выступление углекопов, железнодорожников и т. д. в Германии, в Англии, выступления сельско-хозяйственных рабочих и т. д.).

2. Частичные выступления всего рабочего класса в борьбе за ограниченные цели (выступление в капповские дни, выступления английских углекопов против военного вмешательства английского правительства в русско-польскую войну).

Территориально эти частичные бои охватывают отдельные области, целые страны или целый ряд стран в одно и то же время.

В каждой стране все эти формы чередуются в течение революции. Коммунистическая партия, конечно, не может отказаться от территориально ограниченных частичных выступлений, но она должна стремиться к превращению каждого значительного местного выступления рабочего класса во всеобщий бой. Подобно тому, как она обязана стремиться поднять весь рабочий класс на защиту рабочих одной отрасли промышленности, точно так же для защиты рабочих, борющихся в местном масштабе, она должна стремиться поставить на ноги пролетариат других промышленных центров. Опыт революции показывает, что, чем шире поле битвы, тем больше надежды на победу. Буржуазия в своей борьбе против развивающейся мировой революции опирается, с одной стороны, на белогвардейские организации, с другой — на распыленность рабочего класса, на медленность образования единого пролетарского фронта. Чем большие массы вовлечены в борьбу, чем шире поле битвы, тем более врагу приходится дробить свои силы. Даже в тех случаях, когда, двигающиеся на помощь осажденной части пролетариата, другие отряды рабочего класса временно не могут предоставить в его распоряжение все свои силы, одно их выступление заставляет капиталистов дробить свои военные силы, так как они не могут знать, как далеко простирается участие в борьбе другой части пролетариата, и поскольку ее вмешательство обострит борьбу.

В течение прошедшего года, в котором наступление капитала принимало все более бесстыдный характер, можно было наблюдать во всех странах, что буржуазия, неудовле-

творенная обычной работой своих государственных органов, создавала разные легальные и полулегальные белогвардейские организации, находившиеся под защитой государства. Эти организации играли решающую роль во всех крупных экономических столкновениях.

В Германии такой организацией является Оргеш, объединяющая при поддержке правительства партии всех оттенков начиная с Стиннеса и кончая Шейдеманом.

В Италии это—фашисты, разбойничьи подвиги которых вызвали полную перемену в настроении буржуазии и видимость коренного изменения в соотношении сил.

В Англии правительство Ллойд-Джорджа, стоя пред лицом забастовочной опасности, обратилось к добровольцам, задачей которых является защищать собственность, «свободу труда», путем замещения бастующих и разрушения их организаций.

Во Франции полуофициальная руководящая газета «Temps», явно инспирируемая кликой Мильерана, ведет пропаганду, в интересах дальнейшего развития уже существующих «гражданских лиг» и перенесения метода фашизма на французскую почву.

Организации штрейкбрехеров и убийц, представлявшие и ранее необходимое дополнение к режиму американской свободы, приобрели руководящий орган в лице навербованного из отбросов войны американского легиона.

Буржуазия, хвастающаяся своей силой и твердостью, прекрасно знает, в лице своих руководящих правительств, что она лишь получила короткую передышку и что при существующих обстоятельствах каждая массовая забастовка имеет тенденцию превратиться в гражданскую войну и в прямую борьбу пролетариата за власть.

В борьбе пролетариата против наступления капитала обязанностью коммунистов является не только быть в первых рядах и возвысить борющихся к пониманию основных революционных задач, но они также обязаны опираться на лучшие, активные элементы промышленных предприятий и профсоюзов, создавать собственные боевые организации и рабочие отряды, которые могли бы оказывать сопротивление фашистам и отучили бы буржуазную золотую молодежь от травли и нападений на бастующих.

Принимая во внимание чрезвычайное значение контр-революционных ударных отрядов, коммунистическая партия, а в особенности ячейки в профсоюзах, должны посвятить особое внимание этому вопросу, организовать хорошую разведку и службу связи, иметь под постоянным наблюдением военные органы и силы белогвардейцев, штабы, склады оружия, связь этих штабов с полицией, с прессой и политическими партиями, и заранее выработать все необходимые подробности обороны и контр-атаки.

Коммунистическая партия должна словом и делом настойчиво внушать широчайшим слоям пролетариата понимание того, что каждый экономический или политический конфликт—при соответствующей комбинации условий—может вылиться в гражданскую войну, в которой задачей пролетариата явится овладение государственной властью.

Коммунистическая партия, принимая во внимание белый террор, бесчинства позорной белой юстиции, должна поддерживать в пролетариате мысль, что в период восстания нельзя дать себя обмануть призывами противника к милосердию: необходимо покончить с мучителями пролетариата актами организованного народного суда и пролетарской справедливости. Но в те моменты, когда пролетариат только готовится к борьбе, когда речь идет о том, чтобы при помощи агитации, политических кампаний, стачек мобилизовать пролетариат—пользование оружием и акты саботажа имеют смысл лишь тогда, когда должны воспрепятствовать переброске войск, направленных против борющихся пролетарских масс, или если должны лишить неприятеля в непосредственной борьбе весьма важных позиций. Отдельные террористические акты, сколько бы они ни свидетельствовали о революционном восстании, как бы мы их ни оправдывали, как протест против суда Линча, применяемого буржуазией и ее с.-д. лакеями,—ни в коем случае не способны повысить организованность и боеспособность пролетариата.

IX. Отношение к пролетарским средним слоям.

В Западной Европе нет другого значительного класса, который на-ряду с пролетариатом мог бы стать фактором ми-

ровой революции, как это имело место в России, где крестьянство, вследствие войны и земельного голода, на-ряду с рабочим классом стало решающим фактором революционной борьбы. Но и в Западной Европе часть крестьянства, значительная часть *городской мелкой буржуазии, равно как широкие слои, так называемого, среднего сословия*, служащие и т. д., становятся во все более невыносимые жизненные условия. Под гнетом дороговизны, жилищной нужды, полной неуверенности в завтрашнем дне, эти массы охвачены брожением, которое вывело бы их из политического равнодушия и втянуло бы в борьбу между революцией и контр-революцией. Банкротство империализма в побежденных странах, банкротство пацифизма и социал-реформистских течений в странах-победительницах толкает эти средние слои частью в лагерь открытой контр-революции, частью в лагерь революции. Коммунистическая партия обязана непрерывно обращать внимание на эти слои населения. Завоевание мелкого крестьянства для идей коммунизма, на-ряду с завоеванием и организацией сельско-хозяйственных рабочих, является одной из важнейших предпосылок победы пролетарской диктатуры, так как последняя дает возможность перенести революцию из промышленных центров в деревню и создает важнейшие опорные пункты для разрешения продовольственного вопроса, жизненного вопроса революции. Привлечение широких кругов технических сотрудников, приказчиков и средних и низших чиновников и интеллигенции могло бы облегчить пролетарской диктатуре в период перехода от капитализма к коммунизму разрешение вопросов государственного и хозяйственного управления. В то же самое время такое привлечение внесло бы разложение в ряды врагов и пробило бы брешь в изолированном положении пролетариата в глазах общественного мнения. Коммунистические партии должны самым внимательным образом следить за брожением в мелко-буржуазных слоях, надлежащим образом их использовать, даже тогда, когда это брожение не свободно от буржуазных иллюзий. Коммунистические партии должны привлечь к пролетарскому фронту те части интеллигенции и служащих, которые освободились от этих иллюзий, и использовать их в целях привлечения мелко-буржуазных масс, находящихся в состоянии брожения.

Экономическое разложение и вытекающее отсюда расстройство государственных финансов вынуждает буржуазию обречь самую опору ее собственного государственного аппарата, низшее и среднее чиновничество, на все растущую нищету. Экономическое движение этих слоев непосредственно затрагивает все здание буржуазного государства, и, несмотря на то, что такого рода конфликты временно улаживаются, для буржуазного государства становится все более и более невозможным сохранить эту свою организационную базу так же, как капитал становится неспособным обеспечить физическое существование наемных рабочих при сохранении системы эксплоатации. Беря под свою защиту интересы низшего и среднего чиновничества, не считаясь с положением государственных финансов, коммунистические партии совершают очень важную предварительную работу для разрушения буржуазных государственных учреждений и подготовляют элементы пролетарского государственного строительства.

X. Международная координация действия.

В целях прорыва фронта международной контр-революции, в целях использования всех сил Коммунистического Интернационала, в целях ускорения победы революции, необходимо со всей энергией добиваться единого международного руководства революционной борьбой.

Коммунистический Интернационал обязывает все коммунистические партии в период борьбы оказывать друг другу самую энергичную поддержку. Развертывающиеся экономические бои требуют по возможности немедленного вмешательства пролетариата других стран. Коммунисты должны влиять в профсоюзах на то, чтобы последние не только всеми средствами противились вывозу шрейкбрехеров, но и не допустили вообще вывоза в те страны, в которых значительная часть пролетариата находится в периоде борьбы. В тех случаях, когда капиталистическое правительство одной страны прибегает к насилиям против другой с целью грабежа и покорения, коммунистические партии обязаны не ограничиваться одними протестами, но принять все меры к предотвращению грабительского похода их правительства. 3-й Конгресс Коммунистического Интернационала приветствует

демонстрацию французских коммунистов, как начало повышения их активности в борьбе против контр-революционной эксплоататорской роли французского капитала. Конгресс напоминает французским товарищам об их обязанности внушить всеми средствами французским солдатам в оккупированных областях, что их роль сводится к роли слуг французского капитала и что они должны отказаться от возложенных на них позорных обязанностей. Задачей французской коммунистической партии является уяснение французскому народу, что, допуская организацию и пропитывание французской оккупационной армии националистическим духом, он сам вскармливает скорпионов против себя. В оккупированных областях муштруются войска, которые впоследствии будут готовы потопить в крови революционное движение французского рабочего класса. Особые задачи налагает на французскую коммунистическую партию пресыщение черных войск на территории Франции и оккупированных провинций. Это дает возможность французской партии прийти к этим колониальным рабам и разъяснить им, что они служат своим собственным мучителям и эксплоататорам, призвать их к борьбе против режима, связаться с населением французских колоний.

Германская коммунистическая партия должна в своих выступлениях разъяснять германскому пролетариату, что борьба против эксплоатации антантовским капиталом невозможна без свержения германского капиталистического правительства, которое, несмотря на все крики против Антанты, стало надсмотрщиком и посредником капиталистов Антанты. Только тогда, когда О. К. П. Г. упорной и беспощадной борьбой против германского правительства докажет, что она не ищет выхода для обанкротившегося германского империализма, а, напротив, старается от него освободиться, чтобы совместно с французскими и бельгийскими рабочими массами бороться за восстановление Европы на коммунистической основе, только тогда она будет в состоянии усилить в пролетарских массах Франции волю к борьбе против французского империализма. Коммунистический Интернационал, объявляя пред лицом международного пролетариата, что требование возмещения со стороны капиталистов Согласия означает разбойничий поход против трудящихся масс побежденных стран,

и клеймя, как трусливую капитуляцию пред биржей Антанты, попытки лонгетистов и независимых найти такую форму этого грабежа, которая явилась бы наименее болезненной для рабочих масс, указывает французскому и немецкому пролетариату единственный путь к восстановлению разрушенных областей, к облегчению положения вдов и сирот, призывая пролетариат обеих стран к совместной борьбе с их эксплоататорами. Германский рабочий класс только тогда в состоянии будет помочь русскому пролетариату в его тяжелой борьбе, когда он ускорит своими победоносными боями объединение сельско-хозяйственной России и промышленной Германии. Обязанностью коммунистических партий всех стран, войска которых принимают участие в порабощении и раздроблении Турции, является работа по революционизированию этих войск всеми возможными средствами. На обязанности коммунистических партий Балканских стран лежит напряжение всех их сил для оказания наибольшего сопротивления национализму путем создания Коммунистической Балканской Федерации в целях приближения победы. Победа коммунистических партий Болгарии, Сербии, которая приведет к падению позорного режима Хорти и к ликвидации румынского боярства, расширила бы в большинстве развитых соседних стран сельско-хозяйственную базу для революции. *Безоговорочная поддержка советской России* была и есть первейшая обязанность коммунистов всех стран. Они должны не только самым энергичным образом противиться нападению на советскую Россию, но и всеми мерами бороться за устранение препятствий, которые ставятся капиталистическими государствами к общению советской России с мировым рынком и другими народами. Только, когда советской России удастся восстановить свое хозяйство и устранить невероятную нужду, вызванную трехлетней империалистической и трехлетней гражданской войной, только тогда советской России удастся поднять работоспособность ее народных масс, и она будет в состоянии как помочь победоносным пролетарским государствам Запада в будущем продовольствием и сырьем, так и защитить их от удушения американским капиталом.

Мировой политической задачей Коммунистического Интернационала является не демонстрация по поводу выдающихся

событий, а постоянное укрепление международной связи коммунистов в их беспрерывной, общей борьбе сомкнутым фронтом. Нельзя сказать вперед, в какой части фронта пролетариату удастся сделать прорыв—в капиталистической ли Германии с ее, находящимся под тяжелым гнетом немецкой и антантовской буржуазии, пролетариатом, в Германии, стоящей пред альтернативой—умереть или победить,—или же в аграрных юго-восточных странах, или в Италии, где разложение буржуазии зашло уже так далеко. Поэтому обязанность Коммунистического Интернационала является довести до крайней степени напряжение усилий пролетариата во всех частях мирового фронта. Обязанностью коммунистических партий является сделать все, чтобы поддержать решительные бои каждой отдельной секции Коммунистического Интернационала. Этого можно достигнуть прежде всего тем, что, при возникновении крупных конфликтов в одной стране, коммунистические партии в других странах обостряют все свои внутренние конфликты и доводят их до открытой борьбы.

XI. Распад 2 Интернационала и Интернационала $2^1/_2$.

В течение третьего года своего существования Коммунистический Интернационал стал свидетелем дальнейшего политического *падения с.-д. партий и реформистских вождей профессионального движения* и их разоблачения.

В то же самое время этот год был годом попыток со стороны последних к организационному объединению и переходу в наступление против Коммунистического Интернационала. *В Англии* вожди рабочей партии и профсоюзов доказали во время забастовки углекопов, что их задача состоит ни в чем другом, как в сознательном разрушении образующегося пролетарского фронта, сознательной защите капиталистов против рабочих. Распад тройственного союза доказывает, что реформистские вожди профсоюзов не желают бороться за улучшение положения рабочего класса в рамках капиталистического строя. В Германии с.-д. партия после выхода из состава правительства доказала, что она неспособна даже к агитационной оппозиции, каковую проводила старая социал-демократия до войны. При всяком оппозиционном жесте она прежде всего старалась не допустить боев рабочего клас-

са. Несмотря на то, что в общегосударственном масштабе германская социал-демократия будто бы принадлежала к оппозиционным партиям, она организовала в Пруссии поход белогвардейцев против горнорабочих Средней Германии, чтобы сознательно провоцировать последних на открытую вооруженную борьбу еще до того момента, как коммунисты успели организовать свои боевые ряды. Несмотря на капитуляцию немецкой буржуазии перед Антантой, несмотря на тот достоверный факт, что немецкая буржуазия в состоянии исполнить продиктованные ей Антантой требования только при том условии, если она поставит немецкий пролетариат в ужаснейшее положение, немецкая социал-демократия опять вступает в состав правительства, чтобы облегчить буржуазии превращение германских пролетариев в пилотов.

В Чехо-Словакии социал-демократия мобилизует войска и полицию, чтобы лишить рабочих-коммунистов их домов и организаций. *Польская* социал-демократическая партия помогает Пилсудскому своей лживой тактикой организовать грабительский поход на советскую Россию. Она помогает своему правительству заключить тысячи коммунистов в тюрьмы, выбрасывает коммунистов из профсоюзов, где они, несмотря на все преследования, собирают вокруг себя все большие массы. *Бельгийские* социал-демократы остаются в составе правительства, принимающего участие в полном порабощении немецкого народа. И центристские партии, и группы Интернационала 2½ ведут себя столь же позорно, как и партии контрреволюции. Немецкие независимые резко отвергают призыв германской коммунистической партии к образованию общего фронта для борьбы против ухудшения положения рабочего класса, несмотря на существующие принципиальные разногласия. Во время мартовских боев независимые решительно стали на сторону белогвардейского правительства против рабочих Средней Германии, чтобы потом, после того, как они помогли белому террору победить, после того, как они заклеймили авангард пролетариата перед лицом буржуазного общественного мнения разбойниками, грабителями и люмпенпролетариями, лицемерно жаловаться на ужасы белого террора. Несмотря на то, что они еще на съезде в Галле обязались поддерживать советскую Россию, они в своей печати ведут клеветнический поход против Российской Советской

Республики. Они объединяются со всей русской контр-революцией, с Врангелем, Милюковым и Бурцевым, поддерживая кронштадтское восстание против советской республики,— восстание, которое представляет собою начало новой тактики международной контр-революции против советской России; тактика эта заключается в том, чтобы свергнуть российскую коммунистическую партию,—эту душу, сердце, остов и нервную систему советской республики, затем легко разделаться с ее бездушным трупом. Наравне с немецкими независимыми и *французские лонгетисты* присоединились к этому походу против советской России и, таким образом, открыто стали на стороне французской контр-революции, которая, как показывают факты, явилась защитницей новой тактики против России. В *Италии* политика центристских групп Серрати и д'Арагона, политика отступления перед каждой борьбой, наполнила буржуазию новым мужеством и дала ей возможность господствовать над всей жизнью Италии при помощи белых банд фашистов.

Несмотря на то, что центристские партии и социал-демократия отличаются друг от друга только фразами, объединение этих групп в один Интернационал до сих пор не состоялось. Больше того, центристские партии в феврале текущего года объединились в особую международную организацию со своей особой политической платформой и уставом. Этот Интернационал 2½ качается, как маятник, между лозунгами демократии и пролетарской диктатуры на бумаге. Практически Интернационал 2½ не только помогает капиталистическому классу в каждой отдельной стране, развивая дух обособленности внутри самого рабочего класса, но и преподносит буржуазии, невзирая на полное разрушение мирового хозяйства буржуазией, на порабощение одной части мира победоносными капиталистическими государствами Антанты, планы, как провести в жизнь ее программу эксплоатации, не развязывая революционных сил народных масс. Интернационал 2½ отличается от 2 Интернационала только тем, что со страхом перед властью капитала, свойственным одинаково и реформистам и центристам, он соединяет еще страх перед ясной формулировкой своей точки зрения, чтобы не потерять окончательно влияния на невполне сознательные, но революционно настроенные массы. Коренное политическое сходство ре-

формистов и центристов находит свое выражение в их общей защите Амстердамского Интернационала профсоюзов, этого последнего оплота мировой буржуазии. Объединяясь с реформистами и профсоюзной бюрократией в борьбе против коммунистов в тех профсоюзах, где они еще обладают влиянием, отвечая на попытку коммунистов революционизировать профсоюзы исключением их из последних, центристы доказывают, что они наравне с социал-демократами являются решительными противниками пролетарской борьбы и авангардом контрреволюции.

Коммунистический Интернационал должен и впредь вести решительную борьбу не только против 2 Интернационала, против Амстердамского Интернационала профсоюзов, но и против Интернационала 2½. Только при помощи этой беспощадной борьбы, изо дня в день доказывающей массам, что с.-демократы и центристы не только не желают бороться за свержение капитализма, но за самые элементарные неотложные нужды рабочего класса, Коммунистический Интернационал может вырвать у этих агентов буржуазии влияние на рабочий класс. Эта борьба может быть доведена до победного конца только *полнейшим подавлением всяких центристских уклонов в своих собственных рядах*. Коммунистический Интернационал в своей *повседневной практике* доказывает, что он является Интернационалом *коммунистического действия*, а не только коммунистической фразы и теории. Коммунистический Интернационал является единственной организацией международного пролетариата, которая, основываясь на своих принципах, способна руководить борьбою против капитализма. Необходимо так усилить его внутреннюю сплоченность, его международную руководящую роль и его деятельность, чтобы он, действительно, мог осуществить те цели, которые зафиксированы в его уставе: «Организация общих выступлений пролетариев различных стран, стремящихся к одной цели: *свержению капитализма, установлению диктатуры пролетариата и международной советской республики*».

Институт Ф. И. Лежнев

Схема уровней производства и цен.

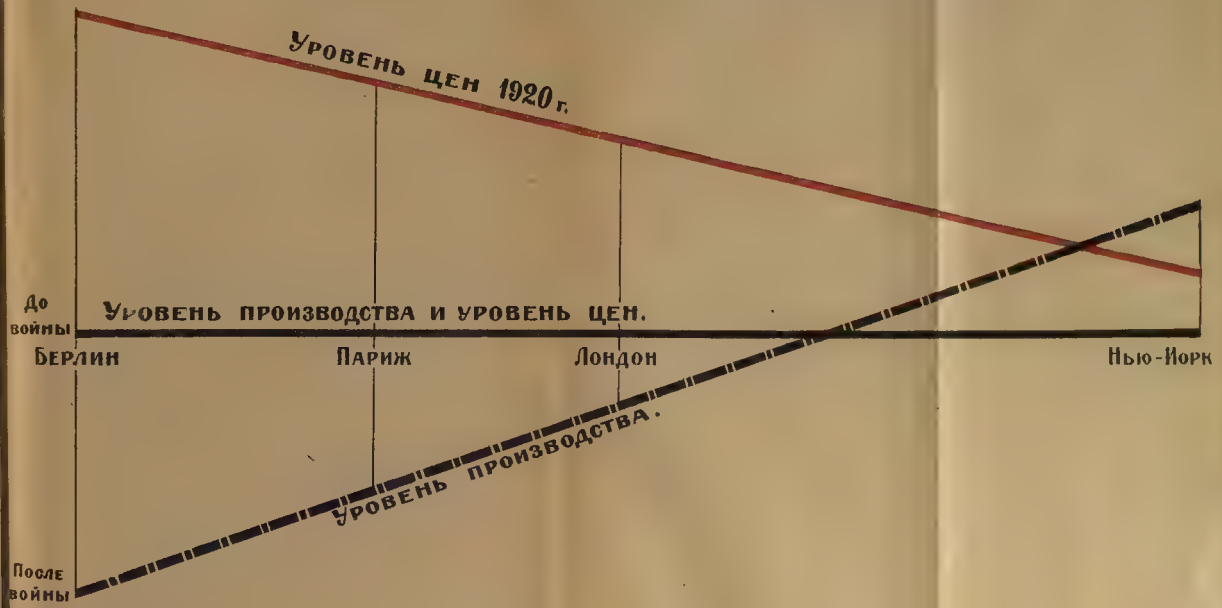
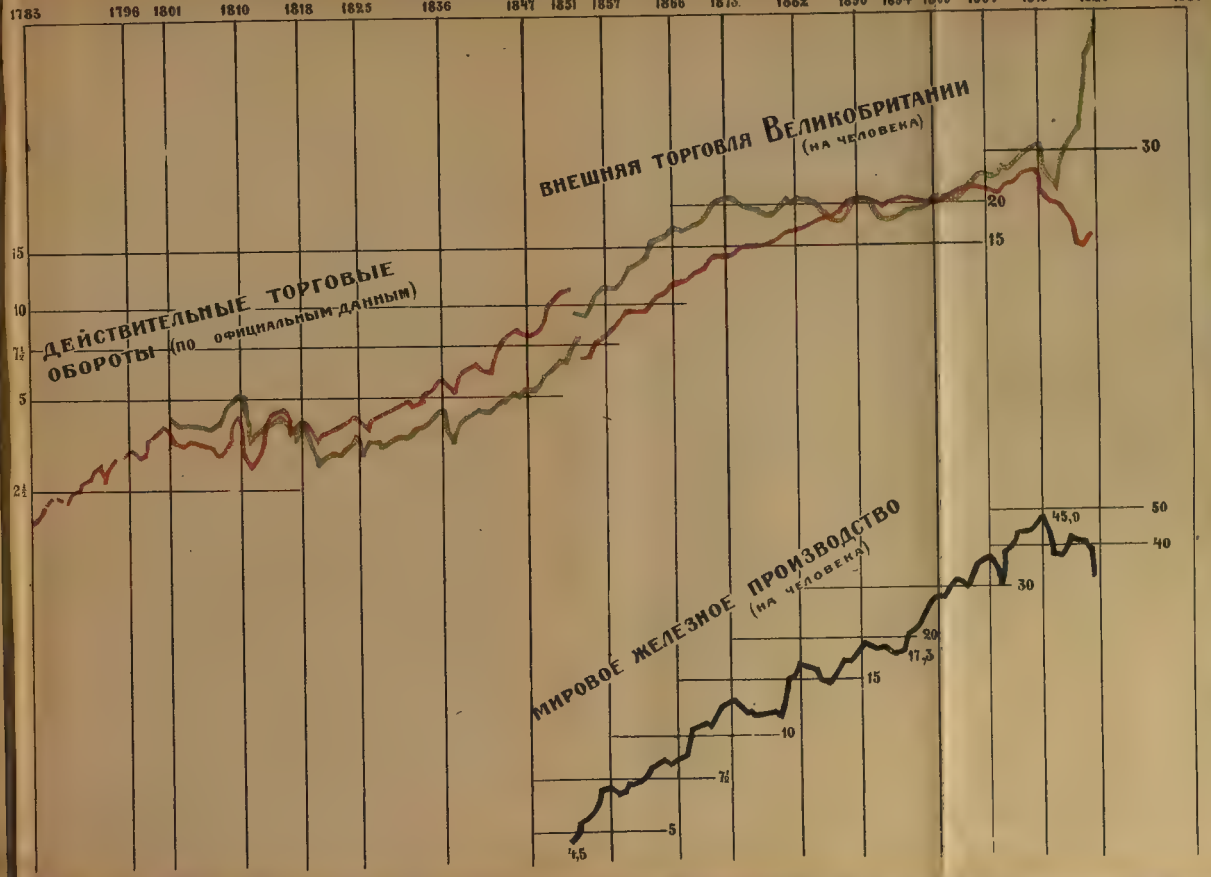
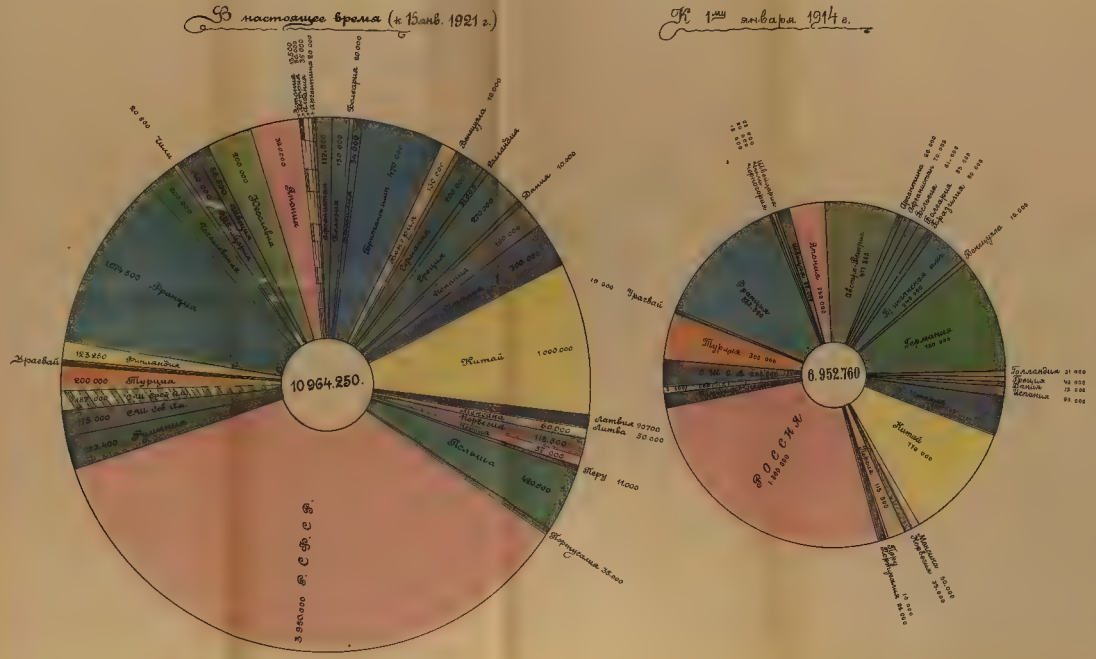


СХЕМА ПРОМЫШЛЕННЫХ ЦИКЛОВ.



Численность

Армии мирного времени иностранных государств и России к началу 1914 г. и в настоящее время.


В настоящее время (к 15 янв. 1921 г.)
К 1-му января 1914 г.
10.964.250.
Китай 1.000.000
Польша 480.000
Чили 80.000
Бразилия 112.500
Аргентина 150.000
Португалия 170.000
Дания 10.000
Швеция 20.000
Норвегия 10.000
Греция 100.000
Испания 700.000
Бельгия 150.000
Швейцария 80.000
Болгария 80.000
Румыния 150.000
Сиам 80.000
Японія 300.000
Новая Зеландія 200.000
Эквадор 10.000
Боливія 10.000
Парагвай 10.000
Перу 11.000
Латвія 20.700
Литва 30.000
Эстонія 18.000
Финляндія 112.250
Турция 200.000
Сиам 80.000
Бразилія 112.000
Эрітрея 1.075.500
Британская Индія 3.950.000
Британский Доминион 80.000
Британский Доминион 80.000
Британский Доминион 80

3р. 50к

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
Москва. □ 1921.